И.А.Родимцев

ГЕНЕРАЛ РОДИМЦЕВ

Прошедший три войны

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге, написанной сыном знаменитого полководца, рассказывается о жизни и военной судьбе Александра Ильича Родимцева, дважды Героя Советского Союза, прошедшего путь от рядового до генерал-полковника.

Под его командованием 13-я гвардейская стрелковая дивизия особо отличилась в Сталинградской битве, не дав противнику прорваться к Волге. Командуя 32-м гвардейским стрелковым корпусом, А.И. Родимцев сражался под Прохоровкой, освобождал Украину, Польшу, воевал в Германии, встречался с союзниками на Эльбе, участвовал в спасении сокровищ Дрезденской галереи, закончил войну в Праге в мае 1945 г. После войны служил на командных должностях в войсках в разных регионах нашей страны, в 1953–1956 гг. был главным военным советником и военным атташе в Албании.

- Илья Александрович Родимцев
  - ○
  - ○ Вступительное слово
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть I
    - ■ Родина
    - ■ Дорога к мечте
    - ■ Офицерская молодость
  - ○ Часть II
    - ■
    - ■ Доброволец
    - ■ Первое задание
    - ■ У стен Мадрида
    - ■ Упущенные победы
    - ■ На Гвадалахарском направлении
    - ■ Последний бой
    - ■ С Испанией в сердце
  - ○ Часть III
    - ■
    - ■ Навстречу испытаниям
    - ■ Сорок первый
    - ■ Самое жаркое лето
    - ■ Сталинград
    - ■ Битва на руинах
    - ■ Сталинградское интервью
    - ■ От Волги до Эльбы и Праги

- Часть IV
  -
  - Далеко от Москвы
  - Форпост на Адриатике
  - Новые времена
  - Память
- Литература
- Приложения
- Иллюстрации

Илья Александрович Родимцев Генерал Родимцев. Прошедший три войны

© Родимцев И.А., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016
Сайт издательства www.veche.ru

Вступительное слово

Уважаемый читатель!

Книга «Генерал Родимцев. Прошедший три войны» повествует о жизни и судьбе одного из известных военачальников нашего Отечества, участника величайших сражений XX века. Генерал-полковник Александр Ильич Родимцев, родившийся в бедной крестьянской семье на Урале, сумел найти свой путь к воинской профессии, служению которой он посвятил всю жизнь, став одним из первых в стране Героев Советского Союза, а в победном 1945 году был вторично удостоен Золотой Звезды Героя.

Автор книги – Илья Александрович Родимцев, сын генерала А.И. Родимцева, кандидат экономических наук, специалист в области мировой экономики и внешнеэкономических связей. На протяжении длительного времени он занимается военно-патриотической деятельностью, собирает материалы и документы о биографии и боевом пути своего отца и соединений, которыми командовал А.И. Родимцев, а также об истории Великой Отечественной войны, опубликовав несколько статей по этой тематике.

Илья Родимцев рассказывает о судьбе своего отца, чья жизнь и воинская служба охватывают многие драматические события, произошедшие в прошлом веке как в нашей стране, так и за рубежом. Потеряв в революцию отца, выдюжив в тяжелые годы нужду и батрачество, Александр Родимцев вступил в ряды Красной армии. Выпускник Высшей военной школы им. ВЦИК, один из славной плеяды «кремлевских курсантов», он за короткий срок службы проявил себя грамотным командиром и отличным пулеметчиком.

В 1936 году он добровольцем отправился в Испанию, где в рядах Республиканской армии сражался с мятежниками-франкистами, немецкими и итальянскими фашистами. Раздел книги, посвященный Гражданской войне в Испании 1936–1939 годов, оставившей глубокий след в современной истории Европы, основанный на воспоминаниях Александра Родимцева и многих других участников этих событий, представляет несомненный интерес для всех, кто увлекается военно-исторической тематикой.

Александр Ильич Родимцев прошел Великую Отечественную войну с первых до последних дней, познав горечь отступления и радость больших побед. Особой страницей его боевой биографии явилось участие в Сталинградской битве, в ходе которой он командовал 13-й гвардейской стрелковой дивизией, спасшей

Сталинград в самый тяжелый, критический период боев в середине сентября 1942 г. Гвардейцы Родимцева освободили от гитлеровцев центр города, взяли штурмом Мамаев курган и 140 дней – до конца сражения – удерживали свои позиции, не дав противнику прорваться к Волге.

Генерал А.И. Родимцев проявил себя талантливым и мужественным военачальником, командуя войсками во многих крупных военных операциях – на Курской дуге, Украине, Сандомирском плацдарме на р. Висле в Польше, в Германии, при освобождении Дрездена и Праги. После войны Александр Ильич продолжил службу в различных уголках нашей страны и за рубежом, укрепляя обороноспособность СССР и государств Варшавского Договора.

Из книги читатель узнает много новых или малоизвестных, а также драматических эпизодов боевого пути и фактов биографии генерала А.И. Родимцева. Немало страниц посвящено рассказу и о том, каким был Александр Ильич в семье, как участвовал в общественной жизни, о многочисленных встречах и живых связях с однополчанами, высоко ценившими и любившими своего командира. Читателю предстает живой образ самобытной личности, патриота своей страны, военного профессионала, сумевшего ярко проявить себя и на литературном поприще, посвятив свои произведения увековечиванию памяти о подвиге его бойцов и командиров.

При работе над книгой Илья Родимцев изучил большое количество уникальных архивных и других документов, письменных свидетельств участников судьбоносных событий эпохи, в которой довелось жить и бороться его отцу. Автор широко использует собранные в разное время воспоминания об отце людей, с которыми он дружил, и тех, кто был его командирами и однополчанами – от маршалов до рядовых солдат. Представленные в книге фотографии, многие из которых публикуются впервые, позволяют полнее ощутить картину военных действий и общественной жизни страны, лучше понять характер и масштаб личности дважды Героя Советского Союза генерал-полковника А.И. Родимцева – легендарного представителя поколения победителей.

Представляя редкую по жанру книгу – сына о своем отце, надеюсь, что она будет по достоинству оценена как читателями, интересующимися военной историей нашей Родины, так и всеми, кому дорога память о ее героях, которыми мы вправе гордиться.

Руководитель Центра военной истории России
Института российской истории РАН,

академик РАН Г.А. Куманев

Предисловие

Отец… Простое и понятное всем слово. Для каждого человека оно значит в жизни очень много. Произнесенное мысленно или вслух, оно сразу вызывает у нас особенный и неповторимый мир чувств, воспоминаний, эмоций. Принято считать, что самым главным и дорогим словом у человека на протяжении, по крайней мере, большей части его жизни является слово «мама». С этим трудно спорить, возможно, что так оно и есть. Конечно, вместе со словом «мама» мы произносим и «папа». А вот слово «отец» большинство людей начинает употреблять уже во взрослой жизни. Это удивительное превращение слов происходит само собой и кажется даже естественным. Иногда оно случается после того, как человека, которого можно назвать этим словом, уже нет рядом… У меня, например, произошло именно так.

Я родился на следующий год после войны. Послевоенное поколение… Как много у меня было ровесников! Когда мы пошли в школу, для нас не хватало учителей, классов, учебников и еще много чего. Но что значили эти трудности по сравнению с радостью наших матерей и отцов! Большинство из нас были детьми тех, кому выпало судьбой вернуться с самой жестокой в человеческой истории войны. Но ведь именно счастливое детство своих детей и было одной из граней той мечты о мирной жизни, которая хранила и вела всех фронтовиков и наших матерей, которые их ждали. И они взрастили новое поколение.

Мне очень повезло с отцом. Не только потому, что благодаря ему я, в отличие от многих моих сверстников, не знал нужды и имел все, чтобы нормально расти, учиться, развиваться.

Мне посчастливилось быть сыном очень известного в нашей стране человека. А всенародная известность, а тем более любовь приходит далеко не к каждому, и уж точно не бывает случайной, тем более в такой огромной стране, как наша, где во все времена было много талантливых и смелых людей.

На протяжении своего детства и юности я воспринимал своего отца так, как это происходит в любой нормальной семье, – это был мой папа: добрый, заботливый, аккуратный, собранный, в ладно сидевшей на нем военной форме, в шинели и папахе зимой, а в дни праздников – в парадном мундире с полной грудью орденов и двумя небольшими, но очень яркими звездочками Героя Советского Союза.

Я видел, с каким уважением и даже неподдельным интересом относятся к моему отцу многие из тех, с кем он общался. Причину этого я стал понимать, когда, уже будучи подростком, начал

читать книги о войне. Но истинное представление о масштабе личности отца, о том, что он является исторической фигурой, широко известной в нашей стране, я получил после того, как он написал свою первую книгу воспоминаний. На меня произвела огромное впечатление не только его военная биография, но и реакция читателей. Отцу стали приходить пачки писем: ему писали однополчане, мечтавшие встретиться с ним и со своими боевыми товарищами, люди из разных городов Советского Союза – помнившие отца или разыскивающие своих родных, учащиеся школ и вузов, курсанты военных училищ и сотрудники музеев. Именно в тот период – в начале 60-х годов прошлого века – быстро набирало силу ветеранское движение. Память о пережитом на войне, о друзьях-однополчанах звала участников Великой Отечественной войны на места сражений, на встречу со своей огневой молодостью, на могилы павших товарищей.

Мне посчастливилось вместе с отцом побывать во многих местах, где он воевал, встретиться с ветеранами соединений, которыми он командовал. Общение с этими людьми, искренними и бескорыстными, сумевшими сохранить на всю жизнь фронтовое товарищество и взаимопомощь, память о тяжелых боях, о тех, кто не вернулся с войны, открыли мне мир, которого я не знал. Люди, совершившие подвиги, прошедшие через великие испытания, отнюдь не считали себя героями, они, по их словам, «просто воевали». Именно во время таких встреч я осознал, насколько важно для них мнение их командира, его книги, в которых они увидели свои имена, названия своих частей. Они гордились, что сражались под его началом, искренне выражали свои чувства к нему. Они были благодарны своему генералу за то, что теперь на родине каждого из них узнали о том, как они воевали, что сделали для победы над врагом.

Когда отца не стало, я продолжил эту традицию – общения с его однополчанами, с людьми, бывшими рядом с ним в военное и мирное время, хорошо знавших те стороны его характера, которые были мне неизвестны. Мой интерес к жизни отца с годами становился сильнее, постепенно охватив не только его судьбу, но и эпоху, в которой он жил. Я убедился, что мой отец занимает достойное место в ряду тех, кто не просто прожил – лучше или хуже – свою жизнь в бурные годы XX века, а людей, от поведения которых в сложившихся обстоятельствах зависело, по какому из возможных путей будет развиваться история нашего государства.

Вот почему эта книга не могла не появиться. Прошло немало лет с тех пор, как были изданы произведения отца, пока, наконец, я решился написать свое воспоминание о нем. Эпоха, в которой

жили мои родители, закончилась. Уже нет рядом почти никого из его боевых побратимов, командиров, друзей и тех, с кем свела его жизнь. Я понимаю, что это очень непросто – пробудить интерес к истории человека, родившегося 111 лет назад, в изменившейся до неузнаваемости за время жизни нашего поколения действительности, когда духовные ценности и окружающий мир меняются быстрее, чем способность людей воспринимать перемены.

Но я делаю это, потому что интереснее правды ничего нет, особенно когда она сродни чуду. Порой мне кажется, что жизнь моего отца похожа на приключенческий роман. В его боевой биографии столько интересного и захватывающего, что иногда даже трудно поверить, что все это случилось с одним человеком. В моей книге нет ничего вымышленного – ни одного действующего лица, ни одного события, ни одного поступка или разговора. Поскольку то, что сделано и пережито моим отцом, его боевыми товарищами и простыми людьми, встречавшимися на его пути, намного сильнее и невероятнее любого придуманного сюжета.

Жизнь и судьба моего отца Александра Ильича Родимцева во многом типична для его поколения, но вместе с тем, несомненно, уникальна. Он родился и вырос в небольшом селе на Южном Урале, в бедной крестьянской семье. Рано потерял отца, с детства батрачил, но всегда стремился учиться.

Он мечтал стать «красным кавалеристом», а когда мечта сбылась и его призвали в Красную армию, он прошел путь от рядового до генерал-полковника, став дважды Героем Советского Союза и одним из самых известных военачальников Советской армии. Пройдя сквозь тяжелые испытания и огонь многих величайших сражений XX века, многократно рискуя жизнью, проявил мужество и героизм, в совершенстве владел воинской профессией, не понаслышке знал цену ратному солдатскому труду, и бойцы платили любовью и верой своему командиру.

Мне хотелось создать живой образ человека, показать не только его вклад в победу над фашизмом, но и рассказать о его личных качествах, которые мне, как сыну, известны лучше, чем многим другим.

Мне думается, что мой рассказ об отце будет интереснее читателям, если в нем они найдут не только мои воспоминания, но также выдержки из того, что написано генералом Родимцевым в своих книгах, воспоминания о нем известных советских военачальников, его однополчан – командиров и простых бойцов, людей, с которыми он встречался и дружил, выдержки из архивных документов и личных дневников отца, большинство из

которых публикуется впервые. Без их свидетельств портрет моего отца будет неполным, ведь большую часть своей жизни он провел в боях, военных походах, в войсках и на дальних полигонах – вдали от дома и семьи.

Я надеюсь, что эта книга будет воспринята не только как военно-историческая литература или семейная хроника, хотя признаки этих жанров в ней присутствуют. Прежде всего она о человеке, который был героем своего времени, своей эпохи, которая красной нитью проходит через биографию отца. Он принадлежал к типу людей, обладающих сильной волей и уверенностью в своих силах, которые не боялись перемен, в любой ситуации находили выход и при этом вели за собой других. Из этой человеческой породы вышли первые Герои Советского Союза: летчики и добровольцы – участники гражданской войны в Испании, Валерий Чкалов со своим экипажем, а в 60-е годы – первые советские космонавты. Когда грянула Великая Отечественная война, то, к счастью для нашей страны, таких людей оказалось немало – и среди солдат, и среди полководцев.

Я хочу выразить искреннюю признательность за моральную поддержку и большую помощь в сборе материалов и написании этой книги тем, без кого она не увидела бы свет: ветеранам 13-й гвардейской стрелковой дивизии; моей жене Ирине Юрьевне, главному специалисту Отделения историко-филологических наук РАН; членам нашей семьи и близким родственникам моего отца; Гостеву Руслану Георгиевичу, депутату Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации шести созывов, члену фракции КПРФ, доктору исторических наук, профессору, человеку послевоенного поколения, неоднократно встречавшемуся с моим отцом; моим товарищам по Фонду памяти полководцев Победы; директору Российского государственного архива социально-политической истории Сорокину А.К. и начальнику отдела Астаховой М.С.; сотрудникам первого отдела Центрального архива Министерства обороны РФ; сотрудникам Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва»; руководству издательства «Вече» и заведующему исторической редакцией Семенову К.К.

Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключал доброе имя в славе моего Отечества. Никогда самолюбие… не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало помнить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но чувства мои были свободны, а сам я тверд.

Генералиссимус Суворов А.В.

Часть I

По отцовской традиции
Шел он пашней весной.
Первый берег Родимцева —
Берег речки степной.
Берег маленькой родины,
Край любимый, Шарлык,
Куст душистой смородины
И студеный родник…

Г.Ф. Коняхин (оренбургский поэт)

Родина

Мой отец – Александр Ильич Родимцев – очень любил свою малую родину и гордился ею. Всегда, с кем бы он ни разговаривал или выступал в любой аудитории, на вопрос о том, где он родился, он с каким-то особым чувством говорил: «Я из Шарлыка!» Это произносилось – с одной стороны – очень просто, но в то же время таким тоном, который подразумевал, что все, кого интересует его биография, знают, где находится Шарлык.

Однажды, когда я еще учился в начальной школе, один из офицеров, находившийся у нас дома по каким-то делам, сказал, что он не знает, где находится Шарлык, и предложил мне показать его на карте. Я твердо знал, что искать надо возле города Чкалова. Дело в том, что за годы советской власти Оренбург, а именно так назывался главный город губернии, в которой находился Шарлык, дважды сменил свое название. В 1938 году он был переименован в Чкалов в честь погибшего известного летчика, а в 1957 году городу вернули прежнее имя. Поскольку описываемый разговор происходил до 1957 года, то мы долго искали родину отца около Чкалова, но маленького Шарлыка на этой карте не оказалось. Помню, что я очень расстроился, но меня успокаивали: мол, надо посмотреть карту другого масштаба, говорили что-то еще, но я, естественно, далеко не все понял, а про себя решил, что обязательно найду карту, на которой есть Шарлык. Но, нет худа без добра – возможно, с этого началась моя любовь к географии.

Село Шарлык, ставшее ныне районным центром, стоит на старой дороге из Оренбурга в Казань в просторных, продуваемых то знойными, то ледяными ветрами степях Оренбуржья. Это родина моих родителей. Здесь прошла жизнь нескольких поколений моих предков. Непросто проследить историю своего рода, которая началась более двух столетий назад и прошла в отдаленном селе на Южном Урале. Мне не довелось увидеть своих бабушек и дедушек, они ушли задолго до моего появления на свет. Я не услышал их воспоминаний о делах и судьбах тех, кто умножал и крепил наш род, но из воспоминаний отца и матери, из общения с их многочисленными родственниками и односельчанами можно определенно сказать, что все они были крестьянами.

История села отсчитывается с 1809 года, когда на этих местах обосновались крестьяне-переселенцы из Рязанской губернии. Они ехали в эти края за лучшей долей, переезжали целыми семьями,

пригоняли на новые места имевшийся у них скот, везли домашний скарб. Как гласит церковная летопись 1863 года, «это был народ православный, в делах христианских довольно благочестив. К грамоте расположен и предубеждений против оной не обнаруживает. Жители весьма склонны к разведению скотоводства, торговле и особенно к посевам хлеба – ржаного и прочего, и от того средства к жизни у них нескудны».

Непосредственным отцом-основателем Шарлыка является Михайло Тычинин. Он был ссадчиком, то есть тем, кто «ссаживает на землю», выражаясь современным языком, – разведчиком, выбирающим подходящее место для поселения. Оно было выбрано им в Оренбургском уезде одноименной губернии. Окончательное решение об основании поселения было принято всем миром, а первым названием нового села стала Михайловка, по имени Михайлы Тычинина. Однако к концу XIX века Михайловку стали именовать также Шарлыком – по названию речки Шарлычки, протекавшей в этом месте. Свое окончательное название – Шарлык – село получило в 1925 году.

Чем же приглянулись новые места проделавшим немалый путь новоселам? Прежде всего, конечно, тем, что здесь в достатке хватало всего для жизни с учетом привычного им образа жизни: изобилие земли, пригодной под пашню на холмистых равнинах, и необозримая степь, невысокие горы, реки и озера с рыбой и богатым разнотравьем, леса и родники с ключевой водой. Но наверняка не могли не обратить внимания наши предки и на неповторимую красоту этого края, удивлявшего разнообразием и гармонией окружающей природы.

Первые жители Михайловки обосновались на землях, на которых еще с IV века до нашей эры жили скотоводы-кочевники, именовавшиеся сарматами. В дальнейшем на протяжении более полутора тысячелетий территория Южного Урала представляла собой перекресток двух цивилизаций – европейской и азиатской. Сменяя друг друга, на земли Оренбургской губернии приходили и вновь уходили, исчезая в безбрежных пространствах Заволжья и Урала, башкиры и удмурты, татары и ногайцы, другие народы и племена, а по берегам Яика (Урала) селились казаки.

В течение XVI–XVIII веков правителям Руси удалось подчинить себе проживающие в этих местах народы, заложить новые поселения и укрепления, защищающие государство от набегов восточных соседей. Вот как описывал состояние этих мест во второй половине XVIII века, то есть незадолго до основания Михайловки-Шарлыка, А.С. Пушкин в повести «Капитанская дочка»: «Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признававших… владычество

российских государей. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными… и заселены по большей части казаками». Именно в эти годы произошли в Шарлыцком районе исторические события, которые оставили глубокий след в истории государства Российского.

В 1773 году в губернии началось крестьянское восстание, толчком к которому послужило недовольство яицких казаков сложившимися порядками на службе и условиями жизни. Возглавленное Емельяном Пугачевым восстание быстро распространилось на большую территорию.

Места, где вскоре возникла Михайловка, и соседние села оказались в гуще этих событий. Недалеко от будущей Михайловки в деревне Юзеево правительственные войска под командованием генерала Кара потерпели первое поражение в бою с пугачевцами. Лишь после того, как Екатерина II назначила командующими частями, направляемыми на подавление бунтовщиков, своих лучших генералов, восстание, докатившееся до границ Московской губернии, было подавлено.

К моменту прихода переселенцев из Центральной России в этих краях уже более тридцати лет царило спокойствие. О том, что выбранное для поселения место оказалось удачным и мирной жизни ничто в то время не мешало, свидетельствует быстрый рост населения Михайловки. Согласно именной ведомости от июня 1817 года, в ней существовало 138 домохозяйств, в которых проживало более тысячи человек, при этом почти половину населения составляли дети. Жили большими семьями, обычно состоявшими из трех поколений, в количестве до 10 и более человек.

Вот именно с этого 1817 года я могу проследить реальных патриархов нашего рода, все поколения которого жили уже на новом месте. Среди жителей Михайловки, согласно сохранившимся документам, в списке фамилий основателей значатся Филипп, Стефан и Семен Родимцовы. Скорее всего, кто-то из них и являлся прародителем моего отца, а фамилия со временем трансформировалась из Родимцов в Родимцев. Это подтверждается также тем, что в настоящее время в Шарлыке проживает несколько семей с фамилией Родимцев.

Вспоминая поступки и жизненные принципы своих родителей, как те, о которых я знаю сам, так и те, о которых мне рассказывали их родственники, друзья и знакомые, я понимаю, что их готовность к помощи не только родным, но порой совсем малознакомым людям, приверженность моральным ценностям и семейным традициями, свойственная людям крестьянского сословия, способность терпеливо переносить тяготы и невзгоды,

скромность и бескорыстие, любовь к родным местам достались им в наследство от основателей рода, от тех, кто стоял у его корней.

Шли годы, небольшое село Шарлык быстро развивалось в значительной мере благодаря своему удачному расположению на большом торговом тракте. В начале прошлого века село уже не было только крестьянским, поскольку в нем постепенно обосновались купцы и другие торговые люди. Лишь по окраине села пролегли тихие невзрачные улицы с чередой домов, крытых почерневшей от времени соломой. А центр села преобразился до неузнаваемости. Теперь здесь просторно раскинулась торговая площадь с купеческими магазинами, заполненными товарами не только местными, но и привезенными издалека – из центральных городов страны, из Средней Азии и даже из Европы и с Кавказа. Главной улицей села стала Сластена, получившая свое затейливое название из-за расположенных здесь лавок со сладостями.

В южной части Шарлыка вытянулась вдоль крестьянских наделов неподалеку от небольшой речки Шарлычки улица Оторвановка. Жили на ней в основном бедняки. И хотя ее название говорит об отдаленности от центра села, именно с этой улицы началась его история, здесь появились дома первых переселенцев. В одном из таких уже много лет простоявших домов появился на свет мой отец Александр Родимцев.

Отцом написано несколько книг, в которых рассказывается о грандиозных исторических событиях, участником которых он являлся. В них он с большой теплотой вспоминает своих друзей, командиров, бойцов, однополчан. Но о своей жизни до того, как он стал военным человеком, он написал очень скупо. Особенно до обидного мало места в его мемуарах отведено детству и юности. Я понимаю отца, ему казалось, что в юные годы у него было мало радостей и слишком много непрерывного труда, потерь и невзгод, вспоминать о которых тяжело. И еще, в чем я абсолютно уверен: слишком много рассказывать о себе, а тем более чем-то хвалиться отцу не позволяли скромность и понимание того, что многими своими достижениями в жизни он обязан не только своим личным качествам, но и тому влиянию, которое оказали на него другие замечательные люди, повстречавшиеся, к счастью, ему на разных этапах жизненного пути.

Александр родился 8 марта 1905 года (по новому стилю) в семье безземельных крестьян Ильи и Аксиньи Родимцевых. Саня, или Санек, как его звали в детстве, был единственным сыном в семье, в которой было четверо детей. Уже с детских лет он

помогал отцу в нелегком крестьянском труде. Но была в эти годы у него и своя радость – забота о единственной лошаденке Сивке.

Вместе с другими мальчишками он ходил в ночное, когда далеко за селом они пасли по ночам лошадей. Отец очень часто вспоминал это время: как сидел с товарищами у костра, как готовили нехитрую еду – сливную кашу из пшенки с картошкой, ставшую его любимым кушаньем на всю жизнь, ели, обжигаясь, печеную картошку, таская ее из костра, пили родниковую воду, чистили и купали лошадей, купались в прохладной воде степной речки Салмыш.

Днем было время у ребят для забав, любимой из которых были скачки. Они носились по степи верхом, а тут уж не все зависело от седока, больше от лошади. Отцовская Сивка была далеко не из лучших. Пытаясь не отстать от товарищей, Саша падал, но снова и снова вставал, учился держаться вверху, несмотря на выкрутасы своего скакуна, а это непростая наука. Именно тогда, разбивая до крови руки, ноги, лицо, он научился терпеть, не бояться препятствий и ловко управлять лошадью. Так, с раннего детства он познавал науку верховой езды, мечтая промчаться однажды на настоящем скакуне.

Саше было двенадцать лет, когда в его жизни произошло событие, сыгравшее, спустя годы, очень важную роль в его жизни. Однажды в жаркий июльский день Саня с друзьями отправился искупаться и порыбачить на любимое место сельской детворы – настоящий водопад, который местные прозвали «бучила», – на речке Шарлычке. В этом месте вода, падая с трехметровой высоты, образовала небольшой, но глубокий омут. Вместе с ребятами на речку пришли две девчушки – восьмилетняя сестренка Сашиного друга Володи Шеина, чья семья жила в соседней с Родимцевами избе, кареглазая Катя со своей подружкой-сверстницей. За играми и рыбалкой мальчишки совсем забыли о них. Как рассказывал отец, первым о девочках вспомнил почему-то именно он. Выскочив на берег, он огляделся, но их нигде не было. Саша побежал вдоль речки и наконец увидел барахтающихся в воде девочек. Не раздумывая, он бросился в воду. С большим трудом ему удалось подхватить одну из них из воды на поверхность, другая вцепилась в него, и с помощью подоспевших ребят обеих вытащили на берег. До этого дня Санек и внимания-то особого на эту самую Катю не обращал. Разве мог тогда Саша Родимцев знать, что спас он не просто соседскую девчушку, а… свою будущую жену, верную спутницу всей его жизни! «Вот, спас на свою голову…», шутя говорил иногда отец, рассказывая об этом случае.

Были у отца в детстве и самые любимые места в окрестностях

родного села. Одно из них – это Попов лес, славившийся обилием ягод и родниками с чистой студеной водой. Известен был этот лес еще и тем, что все, кто побывал в нем, непременно хоть раз плутали. Заблудился однажды в этом, казалось бы, хорошо знакомом ему лесу и Саша. Да так, что до позднего вечера искали его родные и друзья, найдя Санька спящим на земле около дерева.

Но, несмотря ни на что, Саша продолжал ходить в лес и с друзьями, и один. Отец сохранил любовь к лесным прогулкам на всю жизнь, был страстным грибником и ягодником, всегда собирал их больше всех, знал много лесных примет и очень хорошо ориентировался, даже в незнакомом лесу.

Любил Александр бывать и на водяных мельницах, которых много было вокруг села. Вместе с отцом он часто привозил на расположенную в двух верстах от дома известную в округе Пискунову мельницу молоть зерно. Пока взрослые делали свою работу, Саша ловил рыбу в пруду и здорово пристрастился к этому занятию, сохранив рыбацкий азарт и умение на долгие годы. Но, как рассказывал отец, он любил помимо рыбалки смотреть на вращающиеся мельничные колеса. Было для него что-то завораживающее в непрерывном потоке воды и гармоничном слиянии природы и создания человеческих рук.

Но были в те годы в деревнях и другие, более суровые забавы, в которых участвовали вместе и взрослые, и подростки. Называлось это случавшееся время от времени «развлечение» – стенка на стенку. Рассказывая об этом, мой отец называл это «драться на кула́чках». По его словам, обычно выходили подраться улица на улицу. Обязательно соблюдались следующие правила: драться честно – только на кулаках, применение свинчаток и прочих предметов не разрешалось, за нарушение сурово карали; бились, выражаясь современным языком, по возрастным категориям; драться полагалось один на один, лежачих не бить. Участвовали в таких битвах все желающие, но среди мальчишек особым авторитетом пользовались те, кто всегда выходил на бой. Отец не очень любил эти сходки, но от участия не уклонялся и, будучи парнем не по годам развитым и ловким, битым никогда не бывал. В глазах сельских мальчишек за ним быстро утвердился имидж вожака. Трусость считалась в этой среде одной из самых тяжких черт. Так, постепенно, в невинных забавах и крутых игрищах формировались грани Сашиного характера – лидерство, смелость, сила воли. Хотя он сам еще не отдавал себе в этом отчета.

Яркие впечатления о событиях детства – невинных забавах, скачках, отчаянных схватках, неожиданных приключениях и

ночных посиделках у костра с бесконечными разговорами о радости познания родного края и обретения верных друзей – сохранились у отца на всю жизнь.

Дорога к мечте

Но больше всего на свете Александру хотелось учиться. В те годы дети, проживавшие в сельской местности, начинали учебу в 8—12 лет. Это было вызвано не только тем, что отправка детей в школу требовала дополнительных средств, которых в многодетных семьях часто не хватало, но и отношением к учебе как со стороны родителей, так и учителей. Если первые считали, что поскольку их дети вряд ли смогут получить в жизни какое-либо образование кроме начального, то с них и этого станется, так как в старшем подростковом возрасте они должны заниматься крестьянским трудом, а не учебой, то вторые полагали, исходя из опыта, что дети младшего возраста плохо усваивают школьную программу. Как видим, резон был и у одних, и у других, что способствовало общественному консенсусу в этом вопросе.

Александр пошел в школу в октябре 1913 года. Разве мог тогда мой отец и его сверстники знать, что это был последний мирный год перед началом грозных событий: войн, революций, тяжелейших испытаний, гибели родных и близких людей, голода и разрухи, коренных перемен во всем, что представляло собой привычный уклад их образа жизни.

В школу Сашу собирали всей семьей. Мать надела ему новую рубашку, положила в сшитую ею для сына сумку не тетрадки и не учебники – их просто не было, а горячие лепешки, аккуратно завернув их, чтобы не остыли по дороге. Поскольку семья жила на краю села, идти было далековато, но Саня словно не замечал этого. Он старался не пропускать ни дня учебы, ходил и в дождь, и в мороз.

Добраться до школы можно было по улицам села. Это безопасно и легко, но долго. Саша раз и навсегда выбрал для себя другой путь – по прямой, через пойму речки и небольшой лесок. Этой дорогой почти никто не ходил даже днем. Случись что – кругом ни души, а в темное время так и вообще страшно. Ходить этой дорогой отговаривали Сашу родители и друзья, даже пугали его ведьмами и русалками, лешими и волками. Но, видимо, уже тогда проявились и другие черты его характера – самостоятельность, осознанное, не во вред другим, упрямство, способность совершать рискованные поступки.

Впоследствии отец о своих хождениях в школу прямиком или «напрямки», как выражались тогда деревенские ребята, рассказывал как о чем-то совершенно нормальном. Однако эти походы не всегда заканчивались безобидно. Не зря, видно, уговаривали его ходить другой дорогой, чтобы быть, «как все».

Однажды, когда он возвращался из школы домой, его стала преследовать свора бродячих собак. Саша отбивался как мог, но они не унимались и в нескольких местах уже изорвали его одежду. Чтобы спастись, ему пришлось забраться на небольшой стог. Собаки не уходили, и он просидел, продрогнув на осеннем холоде, до позднего вечера, пока отец, встревоженный его долгим отсутствием, не пришел ему на помощь. В другой раз увязались за отцом незнакомые люди, что-то кричали, потом бежали за ним, но Саня, где прячась, а где убегая, сумел добраться до дома. Но и после этих происшествий Саша остался верен себе – ходить «напрямки», однако примечал, как можно в случае опасности быстро скрыться, да брал палку покрепче. Сашина смелость и упрямство раззадорили его друзей, и некоторые из них стали иногда ходить этой дорогой вместе с ним.

Учился Саша хорошо, выделяясь среди ребят дисциплиной и прилежанием. После школы он помогал отцу по хозяйству. Иногда вечером ему удавалось почитать что-нибудь из книг, которые давала учительница.

Но однажды зимой он не пришел в школу. Не пришел он и в следующие несколько дней. Учительница – Вера Афиногеновна Ампилогова – попросила одного из его друзей узнать в чем дело. На следующий день мальчик сообщил ей, что Саня больше в школу не придет. На вопрос учительницы: «Почему?» – он сказал, что у него лапти совсем износились, не в чем ходить в школу. Назавтра учительница сама пришла к Родимцевым домой и принесла ему новые лапти.

Отец на всю жизнь сохранил память о своей первой учительнице. Когда спустя много лет отец вернется из Испании и получит высшие награды Родины, Вера Афиногеновна напишет ему письмо. Это письмо с фотографией первой учительницы отец сохранил на всю жизнь. Они встречались каждый раз, когда отец бывал в родном селе, их дружба продолжалась и после войны.

С началом империалистической войны жизнь в Шарлыке стала быстро меняться. Уходили один за другим на фронт односельчане. Саша помнил, как провожали рекрутов, прощальные песни, плач женщин. А вскоре наступил революционный 1917 год. Что знали тогда отец и его товарищи о событиях, которые происходили в России? Из разговоров взрослых Александр знал, что свергли царя, и часто слышал новое слово «революция». В селе случались митинги, сходки, появлялись агитаторы разных мастей. Но в жизни деревенского подростка ничего необычного пока не случилось.

Еще совсем недавно будущее моего отца виделось таким же предопределенным – крестьянским, шарлыцким, как у его

предков. Однако, не окончив еще даже начальной школы, он оказался в другой стране. И хотя до первых проблесков новой, совершенно иной реальности в их далеком селе было еще далеко, а впереди предстояли годы испытаний и тяжелого труда, его линия жизни отныне не станет повторением патриархального родительского уклада. Ему и большинству его друзей судьбою уже был уготовлен иной путь.

В 1918–1919 годах в Оренбуржье полыхала Гражданская война. Особенно тяжело пришлось жителям тех городов и деревень, которые по нескольку раз переходили из рук в руки. Такая участь постигла и Шарлык. О жизни семьи Родимцевых в эти тяжелые годы в своей книге «Твои, отечество, сыны» отец написал так: «В заштатное наше село отзвуки больших событий докатывались медленно и глухо. Помню шумную, праздничную сходку бедноты. Красный флаг над зданием волости. Пышный красный бант на груди у отца.

В суровую пору Гражданской войны белогвардейцам надолго удалось отрезать Оренбургскую губернию от советской территории. В селе что ни день появлялись новые атаманы. Особенно свирепствовали бандиты Дутова. После их налетов многие сироты оплакивали родных».

Сельские кулаки запомнили, что батрак Илья Родимцев на сельских митингах приветствовал приход Красной армии и выдали его белоказакам. За участие в революционных сходках дутовцы жестоко избили Илью Родимцева шомполами на глазах у семьи. Истерзанный белобандитами, он скончался через несколько дней. Единственным кормильцем в семье остался Александр. Его заветная мечта – учиться – вновь прервалась, на этот раз надолго.

О дальнейшем своем жизненном пути отец так рассказал в своих воспоминаниях: «Тягостно и горько было мне идти в услужение к богатею, который, я знал это, выдал моего отца, но другого пути у меня не было, а слезы матери и благословение усталой ее руки были для меня приказом. Я оставил семью, школу, товарищей и нанялся в батраки».

Но симпатии бедняков оставались на стороне Красной армии, и Саша Родимцев вместе с земляками вскоре с восторгом встречал возвращение красных конников в Шарлык, теперь уже навсегда. Вид этих бравых бойцов на могучих рысаках произвел на Сашу неизгладимое впечатление. А когда один из них подхватил его и, усадив на луку седла, провез его под звуки полкового оркестра через все село, Александру показалось, что ничего нет прекраснее, чем быть красным кавалеристом. Отец вместе со всеми оставшимися в селе земляками воспринял

возвращение Красной армии с радостью и облегчением.

Об этих незабываемых днях и о своих чувствах, переполнявших его, отец писал: «Манящая даль военных походов отныне стала моей детской мечтой. Но почему же эта мечта не приходила раньше? Ведь и раньше не раз на улицах нашего села гарцевали вооруженные конники. Однако при появлении белоказаков Шарлык словно бы вымирал, только священник, староста и тройка бородатых богачей выходили на площадь к церкви с хлебом и солью на полотенце. А теперь ликовал весь народ…» Юношеское сердце Саши окончательно склонилось к военной профессии. Он мечтал стать красным кавалеристом, таким же лихим и отважным, как они.

Однако до призыва в армию было еще далеко, и Александру предстояли тяжелые годы батрачества. Но совсем трудное настало время для семьи Родимцевых, когда из-за разрухи, царившей в стране после Гражданской войны, в Поволжье и на Урале разразился голод, унесший миллионы жизней. В эти страшные годы осталась сиротой моя мама. Ее, как и многих других детей из их села, определили в оренбургский детский дом.

Лишь в 1923 году Родимцевы получили от советской власти бесплатно надел земли и лошадь. Теперь отец работал на своем участке, но легче ему от этого не стало. Трудиться приходилось с утра до позднего вечера. Зимой приходилось искать любую подработку. Довольно длительное время отец был подмастерьем у сапожника. Но новый хозяин не столько учил его шить сапоги, сколько заставлял выполнять самую разную тяжелую работу по хозяйству. От усталости он порой, едва дойдя до дома, валился с ног.

Но Саша сдюжил, не сломался от тяжкого труда, нужды и обид, не озлобился. Его спасал окрепший характер, сложившийся сызмальства, – унаследованное от отца трудолюбие, упорство, привычка любую работу доводить до конца. Но кроме этого была у него еще одна заветная цель, к которой он стремился, несмотря ни на что, – учиться! Он шел к ней, преодолевая обстоятельства и самого себя. За годы нескончаемого труда и хозяйских забот он не забывал о школе, о книгах. Его страждущая душа тянулась к знаниям, и это интуитивное врожденное стремление, подчас непонятное окружающим, служило ему надеждой на лучшее будущее. Отцу, вопреки всем тягостям и препятствиям, удалось окончить в 1920 году, в дополнение к начальной школе, еще два класса так называемого высше-начального училища.

Сельская школа, в которой начинал учиться отец, после революции была переименована в школу крестьянской молодежи. Несмотря на смену названия, новых предметов в ней не

прибавилось. Но главным было то, что она сохранилась почти нетронутой и в ней продолжали работать преподаватели, знавшие его. По мере того, как налаживалась новая жизнь, Александр стал использовать любую возможность, чтобы прийти в это здание, которое он был вынужден покинуть несколько лет назад. Его учителя и друзья знали, что ему было нужно больше всего – книги. Однако достать интересную, а главное, полезную литературу в те годы в отдаленном селе было, мягко говоря, непросто. Гражданская война, несколько раз жестоко пройдясь по Оренбуржью, оставила после себя разруху. Почти все связи с внешним миром оборвались. Да и сам этот «внешний мир» стал другим. А новые времена еще не пришли. Но все, что попадало ему в руки, Александр читал запоем, в каждую свободную минуту и по ночам, при свече или тусклом свете керосиновой лампы, когда ему удавалось раздобыть для этого керосин. Больше всего он любил книги по истории Руси, а еще – о сражениях и полководцах. С тех лет его кумиром стал Александр Васильевич Суворов.

В середине двадцатых годов усилиями энтузиастов-учителей в школе была организована художественная самодеятельность. Старшеклассники ставили спектакли по пьесам русских писателей, читали стихи и прозу. Для сельской молодежи деятельность подобных кружков, которые в огромном количестве создавались в первые годы советской власти по всей стране, была ярким событием, запомнившимся, например, моему отцу на всю жизнь, она вызывала искренний интерес и являлась для большей части молодежи, по сути, единственным источником познания родной литературы.

А шить сапоги отец все же научился! Я помню, как он при подходящем случае говорил, что может хоть сейчас сшить отличные сапоги.

В юности у каждого из нас случаются встречи со сверстниками, которые на первый взгляд кажутся обыденными и ничем особенным не примечательными. Часто бывает так, что наши жизненные пути расходятся и лишь спустя годы мы узнаем о делах людей, с которыми были когда-то знакомы, радуемся их достижениям, с уважением, а порой с тайной завистью относимся к их славе или остаемся безразличными к их судьбе.

Моему отцу по жизни везло на знакомства с людьми, которые со временем становились героями отечества, известными не только в нашей стране, но и в мире. Среди них был человек, судьба которого поистине трагична. История их знакомства началась, когда оба были еще мальчишками. А было так.

Всего в десяти километрах от Шарлыка есть небольшое татарское село Мустафино. Жители соседних деревень были частыми гостями друг у друга. Вместе с друзьями много раз бывал в этом селе и Саша Родимцев. Они участвовали в играх и в скачках с мустафинскими мальчишками в дни праздников. Александр был заводилой среди шарлычан, а в Мустафино лидером у подростков был Муса Залилов, имя которого в истории нашей страны больше известно как Муса Джалиль.

Отец хорошо помнил юного Мусу, ведь они были почти одногодки и оба верховодили «своими» во время состязаний. Пройдут годы, и эти двое парней, родившиеся и выросшие рядом друг с другом, оба плоть от плоти оренбургской земли, прославят на весь мир свою малую родину. Но если моего отца судьба уберегла во всех выпавших на его долю испытаниях и войнах, то Муса Джалиль стал олицетворением человеческой стойкости перед лицом неминуемой гибели.

Уже в юности он написал свои первые стихи – лирические, патриотические, о революции и свободе. Окончив Московский университет, он работал в Москве и в Татарстане, помогал молодым литераторам, был секретарем Союза писателей Татарской АССР.

С первого года Великой Отечественной войны Муса находился в действующей армии, был политработником. Летом 1942 года, будучи тяжело раненным при выходе его части из окружения, попал в плен. Ему удалось установить связь с подпольем и продолжить борьбу с врагом, даже находясь в фашистской неволе. Арестованный гестаповцами, Муса был помещен в берлинскую тюрьму «Моабит». В августе 1944 года его казнили.

В нашей стране его считали «пропавшим без вести». Лишь благодаря военнопленным, вернувшимся из немецкого плена, рассказавшим о гибели Джалиля и передавшим советским властям тетради со стихами, написанными им в тюрьме, на родине стало известно о его судьбе. В 1957 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а за стихи, написанные им в фашистских застенках, опубликованные под названием «Моабитская тетрадь», Муса Джалиль стал лауреатом Ленинской премии.

Мой отец помнил Мусу и знал о его судьбе. В разговорах он неоднократно вспоминал о том, как встречался с ним и в Шарлыке, и в Мустафине. Кстати, брат поэта Ибрагим и сестра Хадича Залиловы, выступая на торжествах по случаю 60-летия Мусы на его родине, говорили о том, что он тоже рассказывал, как несколько раз встречался при разных обстоятельствах

с Александром Родимцевым. Я думаю, что отец не написал в своих воспоминаниях об их знакомстве, так как, по-видимому, полагал, что поскольку оно было непродолжительным и к тому же произошло в далеком детстве, упоминание о Мусе могут расценить как его попытку каким-то образом «приобщиться» к чужой славе, чего он никогда себе не позволял.

Какие же невероятные переплетения родных и близких нам имен преподносит порой жизнь! Оренбург, наше время. По центру города идет троллейбус. Над окном водителя на табличках с указанием маршрута написано: «Улица Родимцева – Улица Джалиля». Я смотрю на эту надпись и не верю своим глазам. Не знаю, волею ли провидения или случая их имена оказались рядом спустя почти целый век с поры их знакомства, в этом почти родном для них городе – в новой действительности, совершенно непохожей на мир, в котором они прожили свои жизни. Она стала для кого-то лучше, а для многих явилась испытанием и больно ранила несправедливостью.

Для большинства пассажиров, едущих по своим делам, фамилии на табличке – это просто конечные точки ежедневного маршрута, обычная жизнь, хотя большинство из них, надеюсь, знают, в честь кого названы улицы, по которым они проезжают. А для меня это ожившая память. Я очень хочу, чтобы троллейбус с их именами на борту соединял оренбуржцев еще много-много лет. И спасибо городу, который помнит героев-земляков, давших его улицам свои имена.

В середине 20-х годов жизнь в Шарлыке начала постепенно налаживаться. Миновали голодные годы, привыкший к трудностям Александр старался, как мог, создать в доме достаток, выполнял всю тяжелую работу, вместе с сестрами ухаживал за больной матерью. Он стал настоящей опорой семьи, единственным мужчиной и хозяином в доме. В минуты отчаяния или сомнений Александр вспоминал своего отца, который учил его не только крестьянскому труду, но и быть уверенным в себе, не бояться любой работы. А еще он унаследовал от отца затейливую, прилетевшую откуда-то из оренбургских степей и с Уральских гор поговорочку: «Шайтан побери!» Произносимая с разной интонацией, в зависимости от обстоятельств, она могла означать целую гамму чувств – досаду, удивление, упрек, решимость и даже высшую степень одобрения. Все, кто знал моего отца, вспоминали это его выражение и, что интересно, все хорошо понимали, что бы оно могло означать.

Вот так пролетело и ушло безвозвратно бесшабашное, озорное Сашино детство. В заботах и трудах проходила юность. Близилось время исполнения отцовской мечты – стать красным

кавалеристом! И, наконец, настал памятный для него осенний день 1927 года, когда он прибыл в Оренбург и предстал перед призывной комиссией.

Из воспоминаний отца: «Я нарочно выпячивал перед врачами грудь, напрягал мускулы, старался ступать тяжело и вразвалку: вот, мол, какая силенка – полы подо мной дрожат! Но физический труд, знакомый мне с детства, зной и стужа достаточно закалили меня, и врачи в один голос сказали: годен.

Как-то очень быстро все это произошло: я не успел сказать о своем желании служить в кавалерии, а уже был зачислен в караульную роту. Просить о другом назначении мне показалось неудобным… С этого дня и началась моя настоящая биография, а все предшествующее было только подготовкой к самостоятельной жизни».

Впервые Родимцев ехал по железной дороге в Саратов. Когда поезд втянулся на мост через Волгу, Саша, полагавший, что шире и краше его родного Салмыша нет реки, с восторгом смотрел на покрытую утренним туманом безбрежную, как ему казалось, реку. Отец говорил, что когда он увидел первый раз Волгу, он начал понимать огромность страны, в которой он живет.

Не мог тогда парень из дальнего оренбургского села знать, что Волга станет главной рекой в его жизни, что однажды враг дойдет до ее берегов, откуда рукой подать и до родного Шарлыка, а нынешний рядовой необученный красноармеец Александр Родимцев будет – всего через 15 лет – уже боевым генералом! Вместе со своими гвардейцами они остановят вражье нашествие у самой кромки волжской воды, и весь мир будет славить защитников Сталинграда, сумевших повернуть ход войны туда, откуда она к нам пришла.

Офицерская молодость

О годах своей армейской службы отец в воспоминаниях писал: «В армии передо мной раскрылись возможности учёбы. Я с жадностью набросился на книги, отдавая им каждую свободную минуту, слушал и конспектировал лекции, пристрастился к газетам, увлёкся географией и авиацией, стал мечтать о парашютном спорте… Два года действительной службы в армии стали для меня доподлинным и разносторонним курсом житейского университета… В армии я вступил в комсомол… Эти два года не прошли для меня даром: я нашел свое призвание, свой путь в жизни. Теперь я не мыслил себя вне рядов Красной Армии, с которой сроднился навсегда».

По окончании действительной службы Родимцев выдержал экзамены в Московскую объединенную высшую военную школу имени ВЦИК. (В настоящее время оно называется Московское высшее военное командное училище). Поступление в школу ВЦИК далось отцу с большим трудом. Конные испытания и военные дисциплины он выдержал на «отлично». Проблемы возникли с общеобразовательными науками. Ему, крестьянскому парню, с большими перерывами посещавшему сельскую школу, пришлось не спать ночами, чтобы не провалиться на экзаменах по математике и русскому языку.

Когда перед строем будущих курсантов объявили, что из-за низких оценок по общеобразовательным дисциплинам Родимцев не может быть зачислен в училище, отец, не в силах что-либо сказать, готов был провалиться сквозь землю. Но, неожиданно, из строя вышел командир отделения Дмитрий Цюрупа: «Товарищ командир, – сказал он обращаясь к начальнику школы, – У Родимцева отличные оценки по военным дисциплинам. А в остальном мы ему поможем, он обязательно наверстает». Сказал свое слово в поддержку Александра и командир эскадрона Шаймурадов. А на вопрос начальника школы, обращенный к нему – «Справитесь?», Родимцев твердо ответил: «Справлюсь. Одно прошу – зачислите, не подведу.» Так исполнилась мечта отца – он курсант кавалерийского отделения!

Училище располагалось на территории Московского Кремля, поэтому слушателей называли «кремлевскими курсантами». Отец учился с увлечением, дополнительно занимался с преподавателями по русскому языку и математике и сдержал своё слово, данное при поступлении. Но, к своему удивлению, ему пришлось переучиваться и в кавалерийском мастерстве, где он изначально был одним из лучших среди поступавших, умел

выполнять разные конные трюки и сам считал себя отличным наездником. Однако, посмотрев на его манеру ездить и управлять конем, командир назвал её «весёлым кустарничеством». Пришлось освоить джигитовку, вольтижировку, рубку и ещё многие другие приёмы, в которых он быстро достиг отличных результатов. Отец частенько вспоминал впоследствии о том, какое наслаждение и восторг испытывал он, выполняя сложные упражнения верхом на своей резвой и послушной лошади с необычной художественной кличкой – Аллегория.

С не меньшим интересом изучал он и современную технику. Отец проявил особый интерес к пулемётам, хорошо изучил пулемёты многих отечественных и зарубежных систем. Его успехи по всем направлениям не остались незамеченными и его перевели в пулемётный взвод. И здесь случилось неожиданное – в нём открылись необыкновенные способности к стрельбе из этого вида оружия. За короткий срок Александр стал настоящим асом-пулемётчиком. А вскоре произошёл случай, который едва не стоил отцу отчисления из училища, но в итоге ещё больше укрепил его авторитет среди курсантов, да и командиров тоже, как лучшего пулемётчика.

Сдавая зачеты по стрельбе, отец, подначиваемый товарищами, знавшими о его снайперских способностях, на спор выбил на мишени из пулемёта своё имя. За самовольную стрельбу командир пригрозил ему отчислением, но, внимательно осмотрев пробоины на мишени, поглядев на стоявшего с опущенной головой Александра и его притихших однокурсников, объявил курсанту Родимцеву наряд вне очереди, а затем с удовлетворением произнёс: «А стрелять вы всё-таки хорошо научились».

Пройдёт совсем немного лет и известность лейтенанта Родимцева-пулемётчика шагнёт далеко за пределы подмосковного стрельбища и даже обрастёт преувеличениями, как любое незаурядное проявление мастерства. Профессионализм Александра Родимцева в этой области военного искусства будет высоко оценен бойцами республиканских войск и интернациональных бригад во время гражданской войны в Испании.

Ещё большую известность Родимцев-пулемётчик приобретёт после того, как М.А. Шолохов, с которым мой отец познакомился ещё во время Великой отечественной войны, в романе «Они сражались за Родину» так расскажет об словами одного из своих героев: «Родимцев, будучи командиром взвода, выбивал на мишени из пулемёта своё имя и фамилию. Не хотел бы я побывать под огнём пулемёта, за которым прилёг Родимцев… А

посмотреть – муху не обидит, милый, скромный парень, каких много на родной Руси».

В свободное от учёбы время отец, вместе со своим другом Дмитрием Цюрупой, сыном известного революционера, первого наркома продовольствия, гуляли по городу. Дмитрий оказался незаменимым гидом – он знакомил отца с Москвой, они старались посмотреть все интересные фильмы, спектакли, выставки. Но Митя, как называли его однокурсники, оказался не только эрудитом, но и отличным другом. Посещать театры, музеи и другие культурные учреждения в кавалерийском обмундировании, пропахшем аммиаком, было неловко. Митя пригласил отца в московскую квартиру своих родителей, находившуюся в Кремле, чтобы выбрать ему гражданский костюм из тех, которые у него были. Отец долго отказывался, стеснялся, но в конце концов согласился, понимая, что другого выхода у него нет.

Как рассказывал отец, пребывание в Москве сыграло большую роль в расширении его кругозора и интересов. Здесь он узнал много нового об истории нашей страны, присутствовал на встречах с выдающимися людьми того времени.

Следует отметить, что сложившаяся в первые годы советской власти практика размещения высших военных учебных заведений и многих училищ преимущественно в Москве была отнюдь не случайной. Руководство страны и армии понимало, что основу создаваемого нового офицерского корпуса составляют дети рабочих и крестьян, многие из которых, как и мой отец, являются уроженцами отдалённых городов и сёл. За годы учёбы в Москве они имели возможность познакомиться с лучшими образцами национальной и мировой культуры, науки и техники, лично увидеть и услышать известнейших представителей советской интеллигенции, учились ориентироваться в потоке информации. И надо сказать, что такой подход в итоге доказал свою эффективность, так как способствовал поднятию интеллектуального уровня офицерского корпуса, позволил молодым командирам Красной Армии избавиться от атавистических представлений об окружающем мире, сформировавшихся во время учебы в сельских и им подобных школах.

В числе лучших курсантов отцу было доверено стоять на «посту № 1» – у мавзолея Ленина. Во время учебы в школе ВЦИК он был принят в ряды ВКП(б).

На протяжении всей своей жизни отец с особым теплом и с едва уловимой грустью вспоминал годы, проведённые в училище. Он так написал об этом: «Курсантские годы! Ох, как дороги и

трудны были они. Но зато сейчас я всегда с гордостью вспоминаю это время… Мы несли почётную вахту, учились, знакомились с Москвой».

После окончания с отличием училища в 1932 г., отец был направлен командиром пулемётного взвода в 61-й кавалерийский полк в Москве, а позже был назначен инструктором в полковую школу.

Вскоре в Москве у отца состоялась удивительная встреча, которая стала одним из главных событий в его жизни. Во время редких, из-за занятости на службе, выездов в город отец старался повидаться с другом детства, соседом по шарлыцкой улице Володей, который работал в Москве. И однажды, придя к нему домой, он встретил его младшую сестру Катю – ту самую, которую он когда-то спас на Салмыше! Теперь она была уже взрослой красивой девушкой. Катя окончила железнодорожный техникум, получила назначение на работу на Савёловский вокзал Москвы.

Молодые люди стали часто встречаться, их взаимная симпатия росла, и через некоторое время они стали мужем и женой. Александр привел молодую жену в военный городок полка. В помещении, где уже жила одна молодая семья, фанерой отгородили часть комнаты. Это место и стало первым домом Родимцевых. Жили очень скромно, но дружно и весело. А вскоре появилась на свет моя старшая сестра Ира.

Время службы летело быстро. Много дел и забот у взводного командира, служба не отпускает от себя ни днём, ни ночью. Но Александр Родимцев был в своей стихии, он занимался любимым делом, рядом были друзья, и была цель – сделать свой эскадрон для начала лучшим в полку. Молодой командир не забывал – для того, чтобы научить бойцов воинскому делу необходимо, прежде всего, овладеть им в совершенстве самому. Именно – в совершенстве! Это слово было главным у отца когда речь шла о воинской службе, с курсантской скамьи и до генеральских погон.

За четыре года службы Александр уже стал в полку признанным мастером кавалерийского искусства. Но всё это время он не переставал совершенствовать и свою пулемётную подготовку. Он досконально изучил не только устройство всех марок пулемётов в Красной Армии, но и тактические особенности их применения, хорошо разбирался в оружии иностранного производства.

Учения, походы, ночные марши, стрельбы, занятия в классе. Родимцев и его подчинённые в числе лучших, и вот уже его

портрет на Доске почёта 61-го кавполка. Единственное о чём жалел лейтенант Родимцев, это о том, что мало времени удаётся побыть с семьёй, со своей Катей, с маленькой Иринкой. Возвращаясь с работы, несмотря зачастую на позднее время, он начинал рассказывать жене о том, как прошёл день, о том, что в следующие выходные они обязательно пойдут погулять в Серебряный Бор, и что скоро будет коллективный поход в Большой театр, в котором они непременно примут участие, пока соседи присмотрят за дочкой. Моя мама слушала отца с улыбкой, она к тому времени уже хорошо понимала, что такое офицерская служба, когда муж уходит на службу, когда ещё не рассвело, а возвращается затемно. И тут уж не до прогулок, да и вообще планировать своё личное время молодому командиру очень непросто.

Но Александр старался держать слово, и пусть не в эти выходные, а в следующие, обязательно были и прогулки в парке, и театр, и вечера с друзьями за скромным столом, с задушевными песнями, воспоминаниями о родных местах, и горячими спорами о настоящем и будущем.

В этом стремительном, напряжённом ритме несли офицерскую службу вместе с отцом и его друзья – лейтенанты, и старшие командиры. Так будет всегда в армейской судьбе моего отца – чем выше должность, тем выше чувство ответственности, и тем больше надо будет отдавать всего себя до конца в служении выбранной раз и навсегда профессии офицера. Так понимал солдатский долг Александр Родимцев, всегда на всех поворотах своего жизненного пути предпочитавший многотрудную командирскую долю вдали от столицы кабинетной службе.

Об этом периоде своей службы отец писал: «Всю свою энергию и способности я старался отдать бойцам своего подразделения, воспитывая в них чувство долга, непоколебимую преданность Родине и партии, высокую дисциплину, настойчивость в боевой и политической подготовке. Я понимал, как важно постоянно вникать в каждую мелочь жизни и быта солдата, беречь его и заботиться о нём, чтобы воин видел в своём командире не только строгого, требовательного руководителя, но и чуткого, отзывчивого товарища».

Возможно, людям не знакомым с биографией моего отца, может показаться, что эти, безусловно правильные по сути, слова звучат несколько по-казённому, формально, и что, как говорится, легко сказать, но трудно сделать. Забегая немного вперёд, скажу – на протяжении всей своей воинской службы, и тем более в ходе Великой отечественной войны, отец вёл себя по отношению к подчинённым именно так, как в свои первые командирские годы,

и именно так, как учил их отец вели себя в бою бойцы и командиры, которыми он командовал. Они сами расскажут об этом на страницах этой книги. Так что в приведённых выше словах отца нет ни лжи, ни формализма.

Несмотря на занятость, всё это время Александр Родимцев продолжал учиться в общеобразовательной школе командного состава. И даже тогда, когда уже казалось не оставалось ни времени, ни сил, выкраивал каждую свободную минуту для книг, среди которых наибольший интерес у него вызывала военно-историческая литература и произведения русских классиков.

Он словно спешил утолить неудовлетворённую в юности жажду знаний, чувствуя, что надо спешить, что время для учёбы, отпущенное им, скоро закончится, и наступит время для них – первого поколения армейских командиров Советской Республики, принять на свои плечи всю тяжесть ответственности за мирный труд и независимость своей страны.

Для старшего лейтенанта Александра Родимцева это время пришло весной 1936 года вместе с первыми газетными сообщениями о мятеже в Республиканской Испании. Этот год круто изменил судьбу моего отца.

Часть II

…Вы подымались на фронт Кастилии, пришедшие издалека, из ваших потерянных родин, из ваших снов, чтобы отстоять испанский город, где распятая свобода не знала, протянет ли день.

Из книги чилийского поэта П. Неруда «Испания в сердце», 1938 г.

Доброволец

События в Испании развивались стремительно. Реакционные силы в этой стране не хотели мириться с победой Народного фронта на парламентских выборах в Испании в феврале 1936 года и созданием республиканского правительства. 17 июля группа высокопоставленных военных во главе с генералом Ф. Франко, при поддержке правых сил подняли восстание против законного правительства.

Мятеж постепенно охватывал все новые и новые области страны. Вооруженные столкновения защитников республики с мятежниками становились все ожесточеннее. Страна оказалась ввергнутой в гражданскую войну.

Главари путчистов обратились к фашистским режимам Италии и Германии с просьбой о поставках оружия. Примерно в те же дни с аналогичной просьбой обратились к европейским правительствам и республиканцы. А вскоре обе воюющие стороны попросили прислать им на помощь и иностранных военных советников. Драматические события в Испании стремительно выходили за национальные рамки.

В то же время правительства большинства стран Европы, не желая быть втянутыми в конфликт, а также руководствуясь собственными интересами, подписали 24 августа общеевропейское соглашение о невмешательстве. Его участники обязались не поставлять в Испанию военные материалы и не пропускать их через свою территорию. Но фатальным недостатком этого соглашения явилось то, что в нем не было прописано никакого механизма контроля за его выполнением.

Девятого сентября в Лондоне начал работу международный «Комитет невмешательства в испанские дела», в который вошли 27 государств, в том числе Советский Союз и Германия. Но очень быстро стало очевидным, что принятые комитетом документы носят декларативный характер и не являются препятствием начавшимся уже вскоре поставкам мятежникам оружия из Германии, Италии и ряда других стран.

В ответ на двусмысленную позицию некоторых европейских государств на защиту республиканской Испании встали прогрессивные люди всего мира.

Добровольцы! Это слово мгновенно стало символом времени!

Советские люди одними из первых откликнулись на призыв Испанской Республики о помощи в защите демократических преобразований, в борьбе с надвигающимся фашизмом. Начало августа 1936 года выдалось в Москве невероятно знойным,

столбики термометров подбирались к сорокаградусной отметке. 3 августа на улицы Москвы, раскаленные солнцем не меньше, чем улицы Мадрида в эту пору, по призыву профсоюзов вышли люди разных профессий и возрастов, чтобы собраться на Красной площади на митинг, в котором приняли участие 120 тысяч человек.

В обращении, принятом на митинге, в частности, говорилось:

«Трудящиеся столицы Советского Союза, города Москвы, выражают свою братскую солидарность с испанским народом, героически защищающим демократическую республику и независимость своей родины против мятежа фашистских генералов, злейших врагов испанского народа».

По призыву москвичей в короткий срок была собрана большая сумма денег, на которую закупили продовольствие и одежду для испанских детей и женщин. В конце сентября – начале октября судами «Нива» и «Кубань» груз доставили в испанский порт Аликанте.

Как и большинство советских граждан, Александр Родимцев с волнением брал по утрам в руки свежий номер газеты и сразу же искал новости из Испании. Газеты сообщали и о том, как все новые добровольцы, группами и в одиночку, минуя многочисленные запреты и преграды, рискуя жизнью, прибывают в Испанию, чтобы влиться в ряды защитников республики. Читая газеты, он повторял про себя ставшую крылатой фразу: «Но пасаран!» Она не выходила у него из головы уже много дней.

Вспоминая о тех днях и о том, как к нему пришло решение стать добровольцем и отправиться в Испанию, отец рассказывал, что это произошло само собой, без посторонних советов и разговоров на эту тему. Он чувствовал, что может быть полезен на фронте как хорошо подготовленный профессиональный военный и искренне надеялся, что если он подаст рапорт, то будет сразу же замечен и его просьбу удовлетворят. Хотя он, конечно, совершенно не представлял, каким именно образом это будет происходить.

Однако на деле все происходило не так гладко и быстро. Отец несколько раз обращался к командованию с просьбой направить его в качестве добровольца в Испанию, чтобы сражаться против мятежников. Но вслед за первым эмоциональным, хотя и осознанным, порывом и надеждой на то, что его просьба будет удовлетворена, появилась тревога. Он ни словом не обмолвился о своих планах жене, и пока старался не думать о том, что он скажет ей, если придется надолго расстаться, оставив ее одну с маленькой дочкой на руках.

Шли дни, ответа не было, и отец совсем уже было решил, что

его рапорт оставили без внимания, когда в сентябре его вызвали к комдиву Урицкому. О своем, возможно, самом главном в жизни разговоре с командованием, определившем, по сути, всю его военную судьбу, он так написал в своих воспоминаниях:

«Девять часов вечера. Подошла моя очередь. Встал со стула, мысленно повторил про себя: “Товарищ комдив, старший лейтенант Родимцев по вашему вызову прибыл”. Волнуясь, открыл дверь кабинета. Человек в военной форме, с посеребренными висками… поднялся из-за стола и подошел ко мне. Пожал руку, предложил сесть.

– Нам известно, – начал он, – что вы более трех лет командуете взводом в полковой школе. Мы согласны, Александр Ильич, удовлетворить вашу просьбу. Поедете в Испанию. Там позарез нужны пулеметчики. Довольны?

– Большое спасибо, – ответил я. – Оправдаю доверие.

– У вас жена и дочка?

– Так точно.

– Придется им некоторое время пожить одним. Будет трудно – поможем. А вам даю сутки на сборы. Готовьтесь… Запомните, туда едут самые лучшие люди, молодежь всего мира. Держитесь, как подобает советскому человеку. Завтра приходите сюда. Переоденетесь в гражданскую одежду, получите паспорт и в 21 час с Белорусского вокзала отправитесь в путь».

Урицкий запретил отцу рассказывать о своем отъезде кому бы то ни было, в том числе командиру части, сказав, что все вопросы, связанные с его нынешней службой, будут урегулированы без него. Жене тоже следовало говорить как можно меньше.

На следующий день в управлении отец переоделся в приготовленную для него одежду – новенький однобортный костюм, белую рубашку с галстуком, ботинки с носками, взял пальто и шляпу. Никогда в жизни ему не приходилось носить такой полный «джентльменский» комплект гражданской одежды. В непривычном для него виде, чувствуя себя неуверенно и неуютно, он вновь предстал перед Урицким, который сказал: «Отныне и до Парижа ваше имя – Павлито. А в Испании – Гошес. Запомните. Ну а теперь получите документы и деньги на дорогу». В конце разговора комдив крепко пожал Родимцеву руку и произнес: «Ждем героем на Родину».

Домой отец вернулся уже под вечер. Времени до отъезда оставалось совсем мало. Что сказать жене? Как объяснить свой необычный наряд? События последних суток, резко изменившие привычный распорядок его жизни, нахлынувшие новые заботы и обязанности уносили его мысли далеко отсюда и мешали

сосредоточиться. Только теперь, стоя перед дверью, за которой его ждали жена и маленькая дочь, он понял, что не знает, как рассказать Кате о том, что предстоит долгая разлука. И ни он сам, никто другой не сможет ответить – надолго ли.

Отец вспоминал, что, взглянув на жену и увидев ее удивленный и встревоженный взгляд, так ничего и не придумав для объяснения, прямо сказал:

– Еду, Катя.

– Куда?

– В Испанию.

Вспоминая тот далекий день, моя мама рассказывала: «Когда отец сказал, что едет в Испанию, это было для меня совершенно неожиданно. А узнав, что он уже совсем скоро должен ехать на вокзал, я растерялась и не могла сразу сообразить, что надо делать».

Сборы были недолгими, что брать с собой, они толком не знали. Мама положила в чемодан самое необходимое, то, что обычно брал с собой отец, уезжая в командировки, – смену белья, носовые платки, тапочки, туалетные принадлежности. Теплые вещи было решено не брать, однако, подумав, мама положила все-таки вязаный шарф – до Испании далеко, на дворе осень, а сколько времени придется ехать, каким будет путь – кто знает? Отец взял фотографии жены и дочурки и спрятал их в карман.

Отъезд отца мои родители запомнили на всю жизнь, но какие слова они сказали друг другу на прощание, вспомнить не могли. Простившись с родными, отец быстро дошел до трамвайной остановки. Он рассказывал, что за все время, пока ехал до Белорусского вокзала, думал только о том, как тяжело будет Кате пережить его отсутствие. Ведь он ушел из дому, как следует не объяснив, как все это произошло, и даже не зная, вернется ли и когда.

В назначенное время отец приехал на вокзал. Он прохаживался по перрону, ожидая человека, который, как ему было сказано, встретит его перед отъездом. Несмотря на инструктаж в управлении, отец в первый день своей секретной командировки еще не представлял себе подлинную степень конспирации, которой была окружена процедура отправки советских добровольцев. Когда до отправления поезда осталось несколько минут, его кто-то негромко окликнул: «Павлито!» Меньше всего он ожидал услышать в этой обстановке свое новое конспиративное имя. О том, что произошло дальше, отец вспоминал: «Я обернулся. Коренастый, широкоплечий парень пристально смотрел на меня. Я тоже внимательно изучал незнакомца. Наконец ему надоело играть в молчанку:

– Разрешите познакомиться?

Я протянул руку и неожиданно почувствовал в своей ладони сложенную бумагу. Разжал пальцы, в ладони лежал билет на уходящий через пять минут поезд.

– Торопись, – шепнул парень и пошел вдоль перрона.

– Как зовут? – крикнул я ему вдогонку.

Он то ли не расслышал, то ли пожелал остаться безымянным».

Удивляться было некогда. Едва отец успел вскочить в свой вагон, как поезд тронулся. Это была хотя и запоминающаяся, но только первая из многих почти детективных историй и встреч, которые ожидали его на пути в Испанию.

Когда он открыл дверь своего купе, то не поверил своим глазам. Сюрпризы сегодняшнего дня продолжались. У окна за столиком сидел тот самый молодой человек. Приветливо посмотрев на вошедшего и заметив его смущение, он сказал:

– Входи, чего растерялся. Будем знакомиться?

Знакомство оказалось забавным. Незнакомец произнес: «Петр Николаев». Отец ответил: «Александр Павлов». И оба рассмеялись, понимая ситуацию.

Назвавшийся Николаем попутчик тоже оказался добровольцем. Им было о чем поговорить. А поезд, набирая ход, вырвался из города и помчался сквозь подмосковные перелески, мимо сонных полустанков на запад. Так началась для них долгая дорога в Испанию. Впервые в своей жизни они ехали на войну.

Ранним утром поезд прибыл на пограничную станцию Негорелое. Здесь отец с попутчиком пересели в другой вагон, который следовал прямым сообщением через Берлин в Париж.

На вокзале в Париже их встретил сотрудник советского посольства. Они пробыли в городе несколько дней. Вечерами им удавалось пройтись по красивым, ярко освещенным улицам. Отец впервые увидел так близко непривычную, чужую жизнь. Но не меньшее впечатление, чем город, произвели на него парижане – очень разные, но в большинстве своем приветливые, улыбающиеся, открытые. Отцу запомнилось, что в самых разных местах часто звучала русская речь. Город был полон русских эмигрантов всех сословий, многие из которых работали в магазинах, гостиницах, ресторанах и кафе, водителями такси.

Однако здесь, в Париже, то, что происходило в Испании, ощущалось сильнее, чем в Москве. На центральных улицах продавцы газет выкрикивали газетные заголовки, в которых звучали слова: «Испания в огне! Мятежники рвутся к Мадриду! Фашисты бомбят испанские города! Испания встречает добровольцев!»

Быстро промчались насыщенные, полные забот и все же незабываемые эти несколько дней в Париже. Очень хотелось осмотреть достопримечательности, но делать это пришлось урывками, поскольку времени для этого почти не оставалось. В нашем посольстве отцу вручили новое удостоверение личности, снабдили необходимой информацией, которая могла быть ему полезной на тот момент, и сообщили, что по пути в Барселону с ним встретятся свои люди. Отец, памятуя о недавних неожиданностях при отъезде из Москвы, не стал задавать лишних вопросов о том, как он узнает этих людей.

Кстати, о том, что происходило в это время в Москве, в кавалерийском полку, где служил отец до своего отъезда. На следующий день, после того как он отбыл в заграничную командировку, в квартиру, где проживала семья Родимцевых, пришел посыльный от командира части с заданием – узнать, куда подевался старший лейтенант Александр Родимцев и почему он не явился на службу. Моя мама, сильно удивленная его вопросами, но хорошо запомнившая наказ мужа ни с кем не обсуждать цель его отъезда, ответила, что, поскольку его чемодана нет на месте, то, возможно, он уехал в командировку, а больше ей ничего не известно. И от себя добавила, что, наверное, его начальство должно все знать, чем сильно озадачила неожиданного визитера.

Как и следовало ожидать, вскоре прибыло «начальство» в лице командира полка с тем же вопросом. По рассказам мамы, услышав от него об исчезновении ее мужа, она была даже не столько удивлена расспросами – ведь сказать правду она все равно не могла, – сколько очень взволнована судьбой мужа, чье отсутствие, как выяснилось, явилось совершенно неожиданным даже для его командования. Мама хорошо запомнила, что она ответила: «Сашу направили в Монголию косить сено для лошадей».

Неизвестно, насколько комполка был удовлетворен таким ответом, но больше к маме никто с подобными вопросами не обращался. А ей самой, встревоженной этими разговорами, не оставалось ничего, кроме как ждать.

Эту историю можно было бы назвать трагикомической, если бы она произошла в другое время и в другом месте. На самом же деле она может служить небольшой зарисовкой того, как жила наша страна в те годы. Распространившаяся атмосфера подозрительности и замкнутости, опасение за жизнь близких людей, неосведомленность о том, что на самом деле происходит, порождали взаимное недоверие и страх. Сейчас трудно сказать, что явилось причиной этих «странных» визитов. По-видимому,

подчиненные комдива Урицкого не выполнили вовремя то, о чем он сказал Родимцеву во время беседы с ним: все вопросы, касающиеся его службы в полку, в связи со срочным отъездом, будут улажены без него. Кроме того, этот случай еще раз красноречиво свидетельствует об уровне секретности, сопровождавшей отправку советских добровольцев в Испанию.

На парижский вокзал отец пришел один, сел в поезд Париж – Барселона. Когда французская столица осталась далеко позади, в вагоне к нему подошел улыбающийся человек и, поздоровавшись, поинтересовался, откуда он, далеко ли едет. Они разговорились.

Со стороны это была обычная дорожная беседа людей, коротающих время в пути. Даже русская речь не являлась для окружающих чем-то необычным, но к их беседе никто из пассажиров и не прислушивался. Попутчик много шутил и смеялся. Увидев, что в вагон вошел полицейский, внимательно рассматривающий пассажиров, они помолчали, пережидая, пока он пройдет мимо них.

О своей дальнейшей беседе с новым знакомым отец писал: «Потом, когда мы остались вдвоем, он сразу стал серьезным, задвинул дверь купе и тихо произнес:

– Будем знакомы – Петрович Кирилл Афанасьевич. В Испании, Павлито, станем работать вместе. Задание получишь от меня.

Он назвал пароль».

Лишь много позже отец узнал, что его энергичным и веселым попутчиком был К.А. Мерецков, будущий Маршал Советского Союза и один из известнейших полководцев Великой Отечественной войны.

Самым сложным этапом на пути в Барселону являлось пересечение франко-испанской границы. Еще в начале августа французское правительство закрыло границу с Испанией для военных грузов, тщательной проверке подвергались также все лица, пересекавшие ее в обоих направлениях. Таков был вклад французских правящих кругов в «защиту» демократии в соседней дружественной стране.

Советские добровольцы преодолевали испанскую границу разными путями. Некоторые из них шли пешком по горным дорогам в сопровождении проводников, а затем добирались до Барселоны местными поездами. Коммерсант Павлито Гошес, чьи документы не вызвали у пограничников с обеих сторон никаких вопросов, благополучно миновал границу и продолжил свой путь. В вагонах появились люди в военной форме самой разной принадлежности, многие были с оружием, крестьяне – с большими корзинами, полными разной снеди, аккуратно одетые

состоятельные граждане, шумная молодежь.

В Барселоне отца встретили и вместе с другими добровольцами, которые прибыли тем же поездом, отвезли в неприметное здание на тихой улице, где уже было довольно много таких же гостей. Их накормили обедом, который состоял из холодной баранины, стакана вина и апельсинов. С этого началось знакомство отца с испанской кухней, которая пришлась ему по душе, а к обычаю запивать обед вином предстояло еще привыкнуть.

Капитану Павлито (так будут называть моего отца в Испании товарищи по оружию – и командиры, и бойцы) предстояло узнать еще много нового не только об образе жизни, характере и привычках испанцев, но также о своеобразной, неподдающейся пониманию профессионального военного манере поведения в боевой обстановке.

Но все-таки самое главное, что ожидало отца впереди на испанской земле, – это встречи с людьми: бойцами и командирами республиканской армии, многие из которых еще недавно были простыми рабочими, крестьянами, шахтерами, преподавателями, служащими; с добровольцами из разных стран, воевавшими в составе интернациональных бригад, с известными политиками, военными, писателями, приехавшими в эту страну, чтобы помочь в борьбе с главным врагом всех демократических сил мира – фашизмом. Большинство из них, как показало время, были мужественными, смелыми и исполнительными воинами, хорошо освоившими военную науку. Отец до конца своих дней вспоминал их с огромной теплотой и искренним уважением. Вместе с тем, постоянно находясь в гуще событий, он впервые столкнулся и даже смог почувствовать на себе равнодушие и трусость, отсутствие дисциплины и порядка, вопиющую безответственность граничащую с предательством.

Дальнейший путь отца лежал в Мадрид. Но до отъезда он успел познакомиться с Барселоной. Эта поездка произвела на него большое впечатление. Второй по величине город страны словно жил двойной жизнью. В богатом, утопающем в зелени центре города царила почти праздничная атмосфера, работали рестораны и кафе, слышалась громкая музыка, улицы были заполнены гуляющими. Но на окраине картина была иная: баррикады, над которыми развевались красные флаги коммунистов и красно-черные анархистов, траншеи, укрытия – приметы города, готовящегося к обороне.

Совсем другим увидел Александр Родимцев Мадрид. По всему чувствовалась, что война уже пришла в этот город. Слышались гул пролетающих самолетов и разрывы бомб. В домах

не горели огни, людей на улицах почти не было. Повсюду виднелись разрушения – следы варварских бомбежек. Используя свое господство в воздухе, фашистская авиация безжалостно бомбила Мадрид, нанося удары по историческому центру города, жилым кварталам, по недавно построенному университетскому городку на берегу быстрой реки Мансанарес.

Разрушения и смерть несли испанским детям, женщинам и старикам пилоты Муссолини и Гитлера. В конце августа на аэродромах страны приземлились несколько десятков итальянских бомбардировщиков «Савойя-Маркетти-81» и германских «Юнкерсов-52» без опознавательных знаков. Все летчики были одеты в форму Иностранного легиона. Именно они участвовали в рейдах на беззащитные испанские города.

Эти бомбежки осуществлялись с одной целью – посеять панику, внушить страх, подавить волю к сопротивлению у бойцов, которые защищают Мадрид, и у его жителей. Жестокой бомбежке подверглись также Барселона, Валенсия, Картахена, Герника, Альмерия. Города Испании стали первыми жертвами варварской тактики агрессоров, когда нападению подвергаются не военные объекты, а жилые дома, больницы, школы. Этот кровавый почерк убийц, уповающих на свою безнаказанность, повторится затем во многих странах Европы, ставших жертвами фашистской агрессии. Его испытают на себе Киев и Ленинград, Одесса и Сталинград, сотни других больших и малых городов нашей страны.

Но в испанском небе им оставалось хозяйничать уже недолго. Осенью 1936 года из СССР морским путем в Испанию были доставлены новые советские самолеты И-16, путевку в жизнь которым дал Валерий Чкалов. Истребительная авиация республики, где главную роль будут играть советские летчики, вскоре нанесет фашистским бомбардировщикам такой урон, после которого те не осмелятся бомбить Мадрид и другие города в дневное время. Налеты станут ночными, и хотя это не предотвратит разрушения и гибель людей, но все же жертв станет гораздо меньше.

Знакомство с Мадридом продолжалось недолго. Вскоре вместе с Петровичем (К.А. Мерецковым) и испанской переводчицей они отправились в военное министерство, где их тепло приветствовал командующий Центральным фронтом генерал Посас. Неторопливо и обстоятельно он обрисовал советским товарищам положение в стране и на фронте. То, что они узнали во время разговора с ним, оказалось хуже того, о чем им рассказывали товарищи в Париже.

Весь юго-запад страны занят мятежниками, прорвана первая линия обороны Мадрида, и фронт проходит почти у стен города,

а в стране до сих пор нет организованной армии. Наспех сколоченные, плохо обученные части несут большие потери. Не хватает оружия, особенно современного, войска испытывают недостаток в артиллерии, танках, практически нет авиации. Положение усугубляется крайне низкой дисциплиной в войсках. Основные неприятности исходят от анархистов, которые самовольно покидают позиции, не подчиняются приказам командиров, расхищают оружие. В рядах республиканцев усилился разлад между представителями различных партий. Все это сводит на нет огромный энтузиазм народных масс, готовых сражаться за свою республику.

Посас отметил и позитивные моменты. Жители Мадрида полны решимости защищать город до конца. В армии появились боеспособные части, одной из которых является 5-й полк, основу которого составляют коммунисты, а командиром является Энрике Листер. Необходимо как можно скорее организовать обучение испанских бойцов и иностранных добровольцев военному делу.

До беседы с генералом Посасом Петрович уже встретился в Мадриде с главным военным советником республики и руководителем советских советников в Испании Яном Карловичем Берзиным. Известный в нашей стране военачальник и революционер, он долгое время являлся начальником разведовательного управления Красной армии, был активным участником Октябрьского вооруженного восстания. Петрович доложил Берзину о прибывших вместе с ним советских военных специалистах. Берзин считал, что главная задача текущего момента – удержать Мадрид. Другой важнейшей задачей являлась подготовка кадров для республиканской армии.

Его оценка положения на фронтах и разногласий между различными политическими силами республики в основном совпадала с тем, что они услышали в штабе Центрального фронта, а также с информацией, которую Петрович узнал в Барселоне во время беседы с советским консулом В.А. Антоновым-Овсеенко. Между прочим, это был тот самый человек, который, будучи одним из руководителей Петроградского военно-революционного комитета во время Октябрьского восстания, арестовал в Зимнем дворце Временное правительство. Присутствие такой фигуры, как Антонов-Овсеенко, красноречиво свидетельствует о том, какое значение придавалось событиям в Испании политическим руководством СССР.

Теперь, услышав и мнение испанской стороны о сложившейся обстановке, можно было начинать действовать. Родимцев получил от Петровича первое задание – срочно выехать в город Альбасете, где находились арсенал и учебный центр, и

приступить к формированию боевых частей из разрозненных групп испанцев и добровольцев, а также учить их пулеметному делу.

Первое задание

В Альбасете, небольшой провинциальный город на полпути между Мадридом и портом Аликанте, отец приехал на следующий день и поселился в скромной гостинице. Город был наводнен военными. Спустя всего несколько дней после прибытия в страну отец впервые остался один в незнакомой среде. Выйдя из гостиницы, он решил пройтись по улицам, чтобы почувствовать обстановку, а возможно, и встретить кого-нибудь из своих. О том, что он находится рядом с арсеналом, он понял по скоплению автомашин, груженных деревянными ящиками и военным снаряжением. Около них стояли группами военные и гражданские люди, о чем-то оживленно переговариваясь, покуривая и непрерывно размахивая руками. Разгружать машины или же двигаться дальше никто не торопился, некоторые грузы находились фактически без присмотра.

Павлито старался понять настроение окружающих его людей, вместе с которыми ему предстоит работать ближайшие недели, а может быть, и месяцы. Сегодня он лично убедился в справедливости слов, сказанных генералом Посасом: всеобщий энтузиазм и деловой настрой соседствуют с неорганизованностью и безответственностью.

В гостиницу Павлито вернулся уже под вечер. Несмотря на переполнявшие его новые впечатления, настроение у него было нерадостное. Вспоминая первые дни работы в Испании, отец всегда повторял, что сильнее всего его тревожило одно обстоятельство – незнание испанского языка. Как он корил сейчас себя за то, что не смог выкроить больше времени для языковой подготовки во время учебы в училище!

Кроме того, он был озадачен тем, что за весь день не встретил ни одного знакомого человека. Что же делать? Он решил, что завтра, не дожидаясь, пока приедет переводчица, которую обещал прислать ему в помощь Петрович, он пойдет на работу. «Наверняка найдется кто-нибудь, знающий русский язык. Ничего, разберемся, шайтан побери!» – успокаивал он сам себя.

Какими же были его удивление и радость, когда в этот же вечер он встретил в гостинице… своего друга Диму Цюрупу! Ведь бывает же так! Друзья не виделись несколько лет, и вдруг такая встреча, здесь, вдали от Москвы. Они крепко обнялись и стали наперебой делиться своими впечатлениями и новостями.

Митя (так называл его мой отец) сказал, что он уже давно находится на дипломатической службе, а сейчас является сотрудником аппарата военного атташе в Испании и именно он

отвечает за прием советской военной техники и распределение добровольцев по местам. Цюрупа подробно рассказал о том, что за люди работают в арсенале, какое имеется оружие, как организовано обучение. От него отец узнал о прибытии в Испанию известного летчика Серова с группой опытных пилотов, а также танкистов, среди которых их товарищ по школе имени ВЦИКа Дмитрий Погодин, и многих других советских волонтеров. Цурюпа сообщил, что в ответ на действия Германии и Италии, открыто нарушивших соглашение о невмешательстве, в Испанию из СССР отправлены первые корабли с танками, орудиями, пулеметами, военным снаряжением, продовольствием.

– Оружие будет, Саша, – говорил он. – Но не хватает специалистов. Я пропадаю в арсенале с утра до вечера. Из пулеметчиков ты пока единственный! Иностранцы, приехавшие сюда, плохо владеют оружием.

– Тяжело мне без испанского языка, – сказал отец. – Как я буду с ними работать? А переводчицы пока нет, может, ты поможешь? Я, конечно, язык выучу, тогда справлюсь сам.

Цурюпа впервые за вечер рассмеялся и произнес замечательную фразу, которую мой отец, обладавший прекрасным чувством юмора, впоследствии с улыбкой вспоминал:

– Саша, пока ты выучишь язык, война кончится!

Они отлично понимали друг друга, и Александр знал, что Митя не обидеть его хотел, а лишь дал понять, что времени на изучение испанского языка у него сейчас нет и Александру надо будет ловить все на лету.

– А переводчица у тебя будет хорошая, не сомневайся. Встретимся завтра в арсенале.

Получив ценные советы друга, Павлито наутро отправился в арсенал в сопровождении переводчицы Марии, которую испанцы называли Хулия, то есть Юлия. Отец уже был с ней знаком. Именно она была переводчицей во время их беседы с генералом Посасом. Это была невысокая, на вид совсем молодая женщина, энергичная и общительная. Дима Цюрупа выполнил свое обещание. Вместе с Марией они и поехали в арсенал.

Прежде чем продолжить рассказ о первых днях работы отца в Испании, мне хочется коротко коснуться судьбы этой необыкновенной, героической женщины, о которой отец всегда вспоминал с особой теплотой.

Ее настоящее имя Мария Фортус. Ее биография была удивительной, полной опасностей и драматических событий. Она участвовала в Гражданской войне в нашей стране. Спустя несколько лет она отправилась в Испанию, и задолго до мятежа

вместе с испанскими коммунистами боролась за установление республики. Вместе с ней сражались за республику ее муж, испанец по национальности, который был секретарем ЦК компартии Каталонии, и сын-летчик. Оба они погибли и похоронены в Испании.

Мария не только помогала советским товарищам готовить кадры для республиканской армии. Она часто находилась и на передовой. Из воспоминаний моего отца: «Однажды мы приехали с ней на участок фронта, который обороняли анархисты. Фашисты начали здесь сильную атаку, авиация, артиллерия, танки – все это подействовало на обороняющихся. И анархисты побежали. Они бросали оружие, снаряжение и в панике метались под огнем врага. И тогда из окопа во весь рост поднялась Мария Фортус. Она бросилась навстречу анархистам: “Стой!” При виде рассерженной женщины многие остановились, солдатам стало стыдно. Они вернулись на позиции».

Очень тепло написал об этой сильной духом женщине в своих воспоминаниях не только мой отец, но и маршал К.А. Мерецков – он же Петрович, который выбрал Марию своей переводчицей и, пожалуй, лучше других советских военных советников знал ее по работе в Испании: «Мария Александровна… в совершенстве владела языком, отлично знала страну и ее обычаи, была рассудительной, быстро ориентирующейся в обстановке и храброй женщиной. Ей по плечу оказалась не только работа переводчицы, которую она выполняла блестяще. Как показала жизнь, она с успехом вела переговоры с любыми должностными лицами и в дальнейшем фактически являлась офицером для поручений».

Мария Александровна вернулась из Испании в Советский Союз. В Великую Отечественную войну она была начальником разведки в партизанском отряде Медведева, действовавшем в районе г. Ровно, участвовала в операциях вместе с прославленным разведчиком Героем Советского Союза Николаем Кузнецовым. Об одной из операций с ее участием был снят художественный фильм «Альба Регия», а о самой Марии – фильм «Салют, Мария!».

Отец часто встречался с Марией Фортус, она бывала у нас дома в Москве. Через всю жизнь пронесли они свою дружбу как память о борьбе за свободу испанского народа, о замечательных людях, с которыми они прожили эти незабываемые дни.

Первый рабочий день и встреча с волонтерами запечатлелись в памяти отца до мельчайших деталей. Пока они добирались до места, Мария наставляла Александра:

– Тебе очень важно с первой встречи завоевать доверие. Покажи интернационалистам, что ты не просто специалист, а профессор своего дела. Им это понравится. И смелее берись за работу. Среди них есть люди, которые знают русский язык, они помогут тебе.

Арсенал представлял собой большой сарай, внутри которого стояли длинные дощатые столы. Вдоль стен громоздились ящики и коробки. В помещении было шумно, толпились и сновали взад и вперед люди в военной форме самых разных фасонов, в рабочих комбинезонах и просто в цивильной одежде. Было даже трудно понять, кто они – бойцы-республиканцы, добровольцы, рабочие или крестьяне. Все были чем-то заняты: перетаскивали ящики с оружием, вскрывали их, раскладывали содержимое на столах и полках. Услышав шумную разноязыкую речь, отец успел подумать: «Ну, прямо Вавилон какой-то, шайтан побери!»

Повсюду – и в ящиках, и на столах – лежали пулеметы различных марок, в основном полностью или частично разобранные. Чего здесь только не было! Французские «сент-этьен», «шош» и «гочкис», английские «льюис» и «виккерс», а также «максим» в разных вариантах. Правительство Испании закупало оружие везде, где только было возможно. Некоторые из этих пулеметов представляли собой устаревшие образцы времен Первой мировой войны и, как успел заметить отец, были далеко не новые.

За одним из столов расположилась группа людей, которые громко спорили, перебирая детали пулемета «максим». Подойдя к ним, отец, как советовала ему Мария, поздоровался по-испански: «Салют, камарада». Ему нестройно ответили, так как все были увлечены спором о том, как надо собирать пулемет. Глядя на них, отец едва не рассмеялся, видя, какие предлагались невероятные способы сборки, причем все неправильные.

Из воспоминаний отца: «Я взял часть замка и, не торопясь, показывая каждую деталь, собрал его. Для большей убедительности спустил курок, демонстрирую, что замок собран правильно. Затем снял плащ, засучил рукава и начал собирать пулемет. Через полчаса из него можно было стрелять.

Добровольцы окружили меня, что-то говорят. Но толком разобрать трудно. Ясно одно: они хотели так же хорошо знать пулемет… Хулия объяснила, что я русский военный специалист – пулеметчик.

– А с вашей стороны нужны внимание и дисциплина, – назидательно, словно учительница, сказала им Хулия. – Вы готовитесь к жестокой борьбе, а на фронте должна быть железная дисциплина.

Интербригадовцы согласно кивали головами.

Так начался мой первый рабочий день».

Дальнейшая учеба так и проходила по принципу: «Делай, как я!» Вскоре добровольцев разбили на группы по языку, подобрали из них переводчиков, и дела пошли на лад. Работа по сборке пошла еще быстрее, когда руководить группами сборщиков доверили наиболее подготовленным ребятам. Люди работали днем и ночью. Армия республики в короткий срок стала получать много хорошего оружия.

Убедившись, что в арсенале дело спорилось, руководство поручило Павлито формировать и обучать пулеметные команды для отправки их на фронт. В учебном центре неподалеку от Альбасете находилось большое стрельбище, где было все необходимое для начальной военной подготовки. Здесь отцу пришлось учить бойцов не только умело обращаться с пулеметом, но и приемам стрельбы, обустройству огневых позиций, различным тактическим действиям. Снова возникли трудности перевода из-за того, что прибывшая вместо отозванной на другую работу Марии новая переводчица с трудом справлялась со своими обязанностями. Кроме того, среди бойцов встречались сугубо гражданские люди, которым тяжело давалась военная наука. Порой отцу приходилось буквально брать некоторых из них за руку, как школьников, и вместе последовательно проходить все необходимые действия: заряжать ленту, устанавливать прицел, поднимать предохранитель, нажимать на гашетку. Те испанские товарищи, которые быстро осваивали дело, помогали готовить новичков.

Но отца все это время не отпускала одна и та же мысль: как действуют его подопечные в бою, справляются ли? По той информации, которая доходила до него, получалось, что в основном бойцы и оружие не подвели его. Однако появились и слухи, что пулемет «максим» ненадежен в бою, кое-кто даже отказывался от него. Как вскоре выяснилось, дело тут было не только в неопытности бойцов, но и в предвзятом отношении к советскому оружию у анархистов, которыми командовал начальник одного из крупных формирований из сторонников Дуррути. Его позиция, однако, изменилась после беседы с Петровичем, который убедил его направлять своих солдат на учебу и поднять дисциплину в частях.

Петрович (маршал К.А. Мерецков) вспоминал: «Что касается его (Дуррути) пулеметчиков, то они действительно прибыли в Альбасете. Мы дали им пулеметы «максим». Сначала ребята отказывались иметь с ними дело, жалуясь на их тяжесть. Но потом, когда советник А.И. Родимцев продемонстрировал, как

здорово они стреляют, бойцы влюбились в них и обучаться начали прилежно и старательно. Внешний вид у этой команды был нередко неважный, дисциплина хромала на обе ноги. Однако пулеметчики из них получились лихие. А когда они посмотрели какой-то из советских фильмов о Гражданской войне в СССР, то на следующий день преобразились и с тех пор всегда наматывали на себя пулеметные ленты крест-накрест, подражая героям 1917–1920 годов».

Александр Родимцев – капитан Павлито стал первым советским специалистом, готовившим пулеметные кадры для республики. Его известность среди испанских военных и добровольцев быстро росла. За короткое время отец со своими помощниками подготовил 24 пулеметных расчета.

К этому времени положение республиканских войск ухудшилось, фронт подошел вплотную к столице страны. Стянув сюда большое количество техники, полученной из Германии и Италии, мятежники готовились к решающему штурму, назначенному на 7 ноября. Появились сообщения, что для торжественного въезда в город для Франко приготовлен белый конь. Удержать Мадрид означало спасти республику.

Отец чувствовал, что пришло время не только готовиться, но и действовать. Он успел уже много сделать для укрепления республиканской армии здесь, в тылу, но настал момент, ради которого он и стремился сюда – бить врага на поле боя.

У стен Мадрида

Предчувствия скорых перемен в его дальнейшей судьбе не обманули отца. Явившись к Петровичу по его приказу, он получил задание срочно отправиться вместе с подготовленными бойцами и пулеметами на помощь частям, оборонявшим столицу, и обеспечить, чтобы люди и оружие попали в руки 5-го коммунистического полка, которым командовал Энрике Листер. Однако еще более важным для отца явилось разрешение участвовать в боевых действиях вместе со своими подопечными. Это было то, чего он давно хотел, о чем думал, когда писал в Москве заявление об отправке его в Испанию.

Через несколько дней отец вместе с бойцами и вооружением прибыл в Мадрид. Хорошие пулеметчики, да еще с оружием, требовались всем, но Павлито выполнил приказ Петровича – все его подопечные направлялись в пулеметный батальон 5-го полка, которым командовал коммунист капитан Овиедо, а пулеметы были сданы на склад. При этом отец был неприятно удивлен бездействием часовых, которые даже не обратили внимания на него, когда он вошел в помещение, полное оружия, хотя все знали, что в городе орудует «пятая колонна», о существовании которой не раз заявлял Франко. (Выражение «пятая колонна» получило широкое распространение. Так стали называть тайных врагов в тылу.) Но исправить существующие порядки Павлито не мог.

Утром следующего дня отец вместе с проводником-испанцем и переводчиком выехал на передовую, чтобы познакомиться с командиром батальона и быть рядом с людьми, которых он готовил. Большую часть пути им пришлось преодолеть под обстрелом, а затем и ползком. Вскоре выяснилось, что проводник самовольно привел отца не в штаб к капитану Овиедо, а прямиком на передовую!

Они оказались в небольшом окопчике, где отдыхали три солдата. Установленный на бруствере пулемет молчал, хотя вокруг слышалась стрельба с обеих сторон. Оценив обстановку, отец понял, что противник готовит очередную атаку. А это значит, что именно здесь, на подступах к Мадриду, ему предстоит бой – первый в его воинской службе! Подробности этого дня запечатлелись в памяти отца так же ясно, как и первый день его прихода в арсенал. Об этом дне он подробно написал в своих воспоминаниях и даже спустя много лет, отвечая на расспросы о войне в Испании, часто рассказывал о тех событиях.

Один из бойцов начал что-то быстро говорить, показывая ему

на пулемет. Оказалось, что они уже около часа не участвуют в бою из-за его поломки. Отцу было достаточно лишь взглянуть на «максим», чтобы понять, в чем дело, – утыкание патрона в патронник. «Шайтан побери, из-за такого пустяка бросили пулемет! У ребят, которых я учил, такого бы не случилось», – подумал отец. Он ударил ладонью по рукоятке так, чтобы видел боец-пулеметчик, и неисправность была ликвидирована.

Едва устранив одну проблему, Павлито тут же столкнулся с новой, которая его еще более поразила. Неожиданно его новые товарищи стали менять позицию. Для советского офицера такая самодеятельность – смена позиции без приказа командира – являлась грубейшим нарушением воинской дисциплины. Увидев удивление русского товарища, испанец пояснил, что у них в батальоне пулеметчики часто меняют позицию на свое усмотрение. А когда Павлито поинтересовался, зачем они это делают, тот простодушно ответил, что таким образом они вводят противника в заблуждение, создавая видимость того, что пулеметов у них больше, чем имеется на самом деле. Для отца, отлично понимавшего, что подобные действия недопустимы, такое поведение испанцев в бою явилось неприятной неожиданностью. Что до их объяснений, то было даже нелегко понять, чего в этой «военной хитрости» больше – отсутствия дисциплины, безрассудства, незнания законов войны или наивной веры в то, что противник безнадежно глуп.

Едва они обустроили новую позицию, как раздалась барабанная дробь и противник пошел в атаку. Это были марокканские наемники, они шли цепью, в полный рост, с винтовками наперевес. Офицеры шагали впереди с шашками наголо. Психическая атака! Отец был настолько удивлен уже в который раз за день, что с трудом верил своим глазам – в первом же бою такой сюрприз! Ему сразу вспомнился фильм «Чапаев», где он впервые увидел, как таким же строем наступали белогвардейцы. Отец посмотрел на пулеметчиков, убедился, что они готовы к бою, и залег с винтовкой вместе с другими бойцами. Подпустив противника поближе, пулеметчики, а вместе с ними и все обороняющиеся открыли огонь. Атака была отбита с большими потерями для врага. Вспоминая свой первый бой, отец говорил, что он не мог до конца понять, что явилось главной причиной этого необычного наступления противника, закончившегося полным фиаско: бездарность их командиров, наглая самоуверенность или просчет.

Капитан Павлито не был бы настоящим пулеметчиком и командиром, если бы не воспользовался коротким затишьем, чтобы показать им несколько приемов стрельбы, объяснив, как

следует вести огонь, экономя патроны. Заодно он подсказал им, как правильнее обустроить огневую позицию. Бойцы выполнили его указания, хотя было видно, что копаться в земле им очень не хотелось. Позже отец узнал, что испанцы считают рытье укрытий делом необязательным, и даже недостойным храброго воина!

Вот так, на ходу познавая науку воевать, ценой собственных ошибок, за которые многие заплатили жизнью, крепла республиканская армия, в действиях которой все сильнее ощущалось присутствие советских советников и специалистов, сражавшихся плечом к плечу с испанскими товарищами и бойцами интербригад. В конце октября благодаря умелым действиям пулеметчиков и наиболее боеспособных частей, воевавших на стороне республики, отражавших по семь-восемь атак в день, удалось сорвать попытку мятежников с ходу ворваться в Мадрид. Лишь благодаря значительному превосходству в танках и авиации противнику удалось продвинуться ближе к столице.

Когда вечером того же дня отец прощался со своими новыми друзьями, испанцы благодарили его за помощь, но они не могли даже предположить, что в этот день их русский товарищ – доброволец капитан Павлито – принял боевое крещение!

По настоянию советских специалистов республиканцы нанесли на этом направлении контрудар, в котором впервые участвовали советские танки. Это были новые машины Т-26, доставленные накануне пароходом «Комсомолец». У деревни Сесиньи недалеко от Мадрида танкисты под командованием советского добровольца Поля Армана остановили врага, нанеся ему огромный урон. Наша техника в этих боях показала свое полное превосходство над итальянской.

Капитан Овиедо, к которому наконец-то добрался Павлито, очень хвалил пулеметчиков, присланных из Альбасете, и наши пулеметы. Находясь в этой части, отец узнал еще одну удивительную подробность об испанской армии – в батальоне было два командира! Молодой и бравый капитан Овиедо командовал во время боевых действий, а другой начальник в чине майора вступал в свои обязанности во время отдыха. Такая структура в руководстве была и во многих других частях.

Пребывание в батальоне запомнилось отцу еще и благодаря рассказу о невероятной операции, проведенной в полевом лазарете. Эта история настолько уникальна, что о ней стоит вспомнить, тем более что она имела неожиданное продолжение спустя тридцать лет.

В медчасть был доставлен тяжелораненый командир бригады Висенте Пертегас. До войны он был поэтом, лауреатом

Национальной премии Испании. Когда начался франкистский мятеж, вступил в ряды республиканской армии. А сейчас ему требовалась срочная пластическая операция – его лицо представляло собой кровавое месиво. Осмотревшие его врачи были дантистами и отказывались оперировать. Висенте был в сознании и слышал их разговоры. Один из них сказал, что у них есть журнал на французском языке с описанием такой операции, и спросил раненого, знает ли он французский. Висенте утвердительно кивнул. «Тогда один из нас будет читать статью, а ты переводи», – сказал доктор и добавил: «Чем точнее, тем для тебя лучше».

Мой отец так написал об этой невероятной операции: «Со стороны дантисты и раненый походили на заговорщиков. Альберто медленно, по слогам читал статью, Висенте, кривясь от боли, переводил. Маноло орудовал скальпелем, нитками и множеством инструментов. Временами Висенте терял сознание, и тогда дантисты ждали… Операцию они сделали. Командир бригады вернется в часть».

С тех пор минуло много лет. В середине 60-х годов наша семья жила в Москве на Ленинском проспекте. Отец работал над книгой «Под небом Испании», когда познакомился с улыбчивым и энергичным, как все испанцы, человеком по имени… Висенте Пертегас! Оказалось, что он жил в одном доме с нами и даже в одном подъезде! Отец и Висенте сдружились и часто общались. О его дальнейшей судьбе после той операции и о том, как он сумел вырваться из захваченной фашистами родины, можно написать отдельную книгу. Я хорошо помню камарада Висенте – умного, с лукаво смеющимися глазами, со шрамами на лице и быстрой речью с легким акцентом.

После временного затишья бои за Мадрид возобновились с новой силой. Вскоре и моему отцу пришлось принять участие в самых жестоких и кровопролитных сражениях за испанскую столицу.

Решающее наступление националисты начали утром 7 ноября. Отряды республиканцев из последних сил сдерживали их у западной окраины Мадрида на берегах реки Мансанарес. В этих боях отличились многие пулеметчики, прибывшие из Альбасете. Отдельным частям фалангистов удалось ворваться в город. В бой шли уже не только бойцы республиканской армии, а жители города, те, кто мог сражаться. Силы защитников столицы таяли.

В эти определяющие судьбу города дни на помощь Мадриду пришли 11-я и 12-я интернациональные бригады. Они прошли парадным маршем, под звуки оркестра через весь город прямо на

передовую. Вид нескольких тысяч хорошо вооруженных и экипированных бойцов, их решимость воодушевила всех жителей и защитников города. Впервые после того, как республиканское правительство шестого ноября в спешке и не очень организованно покинуло столицу и переехало в Валенсию, жители осажденного Мадрида стали свидетелями события, которое подняло их боевой дух и вселило веру в победу.

В рядах интербригад, воевавших против мятежников, в ходе гражданской войны сражалось, по разным оценкам, от 30 до 40 тысяч человек. Они прибыли в Испанию почти из всех стран Европы, а также из Аргентины, США, Канады, Палестины. Многих из тех, кто прошел в тот день по Мадриду, Александр Родимцев увидел вскоре и на других фронтах. Отец часто говорил о том, что эти люди, чьи образы он навсегда сохранил в памяти и в сердце, вызывали у него восхищение и уважение своей надежностью в бою, уверенностью в себе, искренностью чувств и мыслей, энтузиазмом и объединяющей их верой в победу над фашизмом.

Когда через много лет отец прочел стихотворение испанского поэта Рафаэля Альберти «Бойцам интернациональных бригад», он вновь ясно и пронзительно вспомнил этих замечательных людей, с которыми был рядом там, в осажденном Мадриде, словно это было только вчера:

Пускай ваш край далек, не устрашились дали
Сердца, что шире всех границ и рубежей.
Вам угрожала смерть, и смерть вы повидали
В горящих городах и средь чужих межей.
Пускай далек ваш край, великий или малый,
Пятном отмечен он на карте иль мазком,
Вас общая мечта в дорогу поднимала,
Хотя вы не владели общим языком.
Вы нам помочь пришли…
Вам даже цвет неведом
Тех стен, какие защитили вы.
От них вы двинулись к победам,
И многие из вас не сносят головы,
Но вся Испания раскрыла вам объятья,
И в каждой хижине для вас огонь горит,
Испанские моря вам громко плещут, братья,
И вашим именем прославлен наш Мадрид.

Появление свежих частей в рядах защитников столицы и их упорство оказалось для франкистов полной неожиданностью. В

последующие дни были предприняты попытки прорваться на других участках, но защитники города держались.

В середине ноября противник начал очередное наступление в районе мадридского пригорода Каса-дель-Кампо, однако действовавшие на этом участке отборные части африканской армии вновь были остановлены на рубеже реки Мансанарес на западной окраине Мадрида. Пулеметные заслоны республиканцев при поддержке танков и артиллерии не давали противнику захватить мосты через реку или переправиться в других местах и создать плацдармы на восточном берегу. Бои приняли ожесточеннейший характер. Пулеметчики, а вместе с ними и отец оказались в самом пекле.

К.А. Мерецков в своих воспоминаниях так рассказал о действиях Родимцева в этих боях: «Вот случай на мосту у Мансанареса в Мадриде. Мост этот мы называли “французским”. Марокканцы прорвались к окраине города и на рассвете атаковали мост. Республиканский пулемет, державший переправу под обстрелом, внезапно отказал. Фашисты уже вбегали на мост и, стреляя на ходу, устремились к нашему берегу. Бойцы дрогнули. Еще несколько секунд, и враг прорвется в город. Под огнем Родимцев бросился к пулемету. Фашисты были уже в нескольких шагах, когда “максим” снова заработал. Вражеские солдаты, срезанные ливнем пуль в упор, свалились на мост, а другие откатились прочь».

За этот бой Александр Родимцев был награжден первым в своей жизни орденом – Красного Знамени. В жизни генерала Родимцева будет много наград – две Звезды Героя Советского Союза, 14 орденов, медали, награды других государств. Но тот орден был первым, незабываемым.

Рядом с интербригадами оборону у реки Мансанарес держали также анархисты под командованием Дуррути. Но в какой-то момент их части не выдержали накала боев и среди них начался разброд. Этим воспользовался противник и прорвался в университетский городок, находившийся на восточном берегу.

Вот как описывает эти события в книге «Гражданская война в Испании (1936–1939)» российский исследователь С.Ю.Данилов: «Иностранный легион беспрепятственно хлынул в пределы столицы… Марокканцы одним броском с боем прошли в глубь городских кварталов более километра, упорно пробиваясь к площади Испании… Подоспевшие интербригады уничтожили авангард националистов, не допустив его к площади, и отбросили его остатки за пределы городской черты. В университетском городке несколько дней шло настоящее побоище. Борьба, как позже в Сталинграде, шла за каждый этаж, каждую лестницу,

каждую комнату. Гранатные схватки перемежались с рукопашными».

Отец рассказал мне об одном драматичном эпизоде, который случился с ним в эти дни в университетском городке. Однажды его вызвали с передовой к командованию. Вскоре он вновь отправился на позицию, откуда недавно уходил. Он шел тем же путем, который хорошо запомнил. Ему нужно было пройти через полуразрушенное здание, расположенное на значительном расстоянии от места, куда он направлялся, и он был уверен, что находится на своей территории. Двигаясь быстро, но соблюдая осторожность, к чему он привык в прифронтовой обстановке, он вышел из-за угла длинного коридора и увидел двух солдат с винтовками в руках, стоявших спиной к нему буквально в нескольких шагах от себя. Это были фашисты. Он выхватил пистолет и выстрелил первым в то мгновение, когда они уже почти повернулись в его сторону. Если бы они стояли лицом к нему, имея оружие наготове, исход этой встречи мог быть другим… Отец благополучно добрался до места, но никто тогда не мог толком понять откуда взялись эти двое у них в тылу. Бои в развалинах были еще впереди.

В сражениях под Мадридом обе стороны понесли большие потери. Смертельное ранение получил и командир анархистов Дуррути. Но для войск мятежников последствия оказались более серьезными, поскольку их наиболее боеспособные части были сильно потрепаны, большой урон был нанесен их авиации и бронетанковым войскам. В республиканской армии потери хорошо подготовленных добровольческих соединений оказались меньше по сравнению с испанскими формированиями.

Битву за Мадрид в ноябре 1936 года франкисты проиграли.

Несмотря на то что главная задача советских советников и военспецов состояла в оказании помощи республиканским командирам всех уровней и подготовке кадров, жизнь постоянно вносила свои коррективы. В период с осени 1936 года по весну 1937 года положение на фронтах порой становилось настолько скверным, что им приходилось по согласованию с испанскими товарищами заниматься не терпящими отлагательства вопросами оперативного характера, боевой подготовки и участвовать в военных действиях.

За время пребывания моего отца в Испании произошло несколько больших сражений между республиканской армией и франкистами, оказавших заметное влияние на ход войны. Наиболее значительными из них являлись оборона Мадрида, сражение на реке Харама, а также одна из крупнейших за всю

войну и триумфальная для республики Гвадалахарская операция и битва под городом Брунете. Отцу довелось принять самое активное участие в каждом из них, побывав при этом едва ли не во всех мыслимых в его положении ситуациях, выполняя порой функции, которые невозможно было предвидеть: советником, штабистом, командиром полка, офицером для особых поручений. А когда положение несколько раз становилось критическим он появлялся на передовой, где вместе с наиболее стойкими бойцами, рискуя быть окруженными, они прикрывали отход основных сил.

Освоить в короткий срок новые обязанности отцу удалось благодаря его переводу в распоряжение командира одной из наиболее боеспособных частей республиканской армии – 1-й бригады Энрике Листера, который ранее командовал 5-м коммунистическим полком. Этому предшествовал ряд событий.

Вскоре после ноябрьских боев за Мадрид по приказу Петровича отец вернулся в Альбасете. Петрович сообщил, что, по отзывам командования, подготовленные им испанские пулеметчики сражаются умело, но необходимо продолжить работу по подготовке кадров. Отцу было поручено заняться формированием двух пулеметных батальонов – испанского и интернационального.

Он очень обрадовался, узнав, что в учебный центр прибыли новые советские добровольцы. С одним из них, артиллеристом Николаем Гурьевым, за время, проведенное в Испании, они стали настоящими друзьями, так же как и с танкистом Дмитрием Погодиным, с которым он успел познакомиться в боевой обстановке. Уже скоро дружба Родимцева с этими людьми пройдет проверку на полях сражений – под Мадридом, на реке Хараме, под Гвадалахарой, Брунете, Теруэлем. Встречались они друг с другом и в годы Великой Отечественной войны.

Времени для обучения было в обрез, но помогал накопленный опыт. Спустя две недели оба батальона направились на защиту Мадрида. Капитану Павлито было приказано отправиться вместе с ними. Бои за столицу не утихали. Мятежники искали слабые места в обороне города и накапливали силы для нового удара, на этот раз севернее Мадрида.

Перед самым отъездом в Мадрид отец получил долгожданное письмо из дома:

«Здравствуй, милый Саша!

Большой привет от всех наших близких. Я работаю теперь воспитательницей в детском саду при Аэрофлоте. За Ирочку не беспокойся. Дочка со мной в садике. Дома бываю поздно вечером. Тяжело приходить одной в комнату, она кажется неуютной и

чужой. Да еще от ненужных вопросов соседок подальше.

Ждем тебя домой.

Целую, твоя Катеринка».

Это была первая весточка от жены. Всего несколько строк, но они перенесли его на какое-то время в Москву, к родным. Как рассказывал отец, вспоминая этот момент, ему казалось, что это было очень давно – тот вечер, когда он вышел из дома в последний раз. А ведь прошло всего три месяца! Но сколько же событий они вместили в себя! И чем ближе они подъезжали к Мадриду, тем сильнее становилась тревога, вызванная ответственностью, возложенной на него.

Результаты работы Александра Родимцева за небольшой период его пребывания в Испании, его умение ориентироваться в обстановке и устанавливать хорошие отношения с испанцами и добровольцами из интербригад, четкие доклады о проделанной работе и положении дел на местах, проявленная личная храбрость при выполнении заданий не остались незамеченными командованием. Опыт, полученный Родимцевым, позволял направить его на новую работу в рядах республиканской армии. Тем более что обстановка на фронтах требовала большего присутствия руководящих советских советников в частях, что было физически невозможно. Часть работы должны были взять на себя молодые, но проверенные в деле офицеры.

Сразу после приезда в Мадрид Родимцева вызвал коронель Малино. Под этим псевдонимом находился в Испании военный советник Родион Яковлевич Малиновский, будущий Маршал Советского Союза и министр обороны СССР.

Это была их первая встреча на испанской земле – в небольшой комнате в здании на окраине Мадрида. Родион Яковлевич приветливо встретил отца и подвел его к большой карте, разложенной на столе. Он показал место рядом с городом, где находилась бригада Энрике Листера, и приказал отцу отправляться к нему в штаб. Он предупредил о близости противника, а также, учитывая частые перемещения обеих сторон, о необходимости соблюдать особую осторожность, чтобы не попасть к франкистам.

Третьего января 1937 года Родимцев вместе с переводчиком Марио выехали в штаб Листера. Но едва они отъехали от города, как попали под артиллерийский обстрел, а вскоре появились вражеские бомбардировщики, которые атаковали все машины, следовавшие по дороге. Налеты шли один за другим с небольшими перерывами. Павлито и его товарищи много раз покидали машину, чтобы найти укрытие. Отцу уже не раз приходилось быть под бомбежкой, но, по его рассказам, в такую

переделку он попал впервые. Лишь к вечеру они, грязные и измученные, добрались до места.

Отец с нетерпением ждал встречи с Листером. В свой первый приезд в Мадрид, в штабе 5-го полка, он уже познакомился с тем, чье имя в короткий срок стало очень популярно в Испании. Вот каким запомнил его отец:

«Среднего роста, коренастый, смуглый. Высокий выпуклый лоб обрамляли черные, с коричневатым отливом волосы… Густые, черные, как антрацит, брови еще больше подчеркивали блеск глаз. Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки, придававшие лицу добродушное, почти детское выражение. Запоминалась его манера говорить. Если он был кем-то недоволен, то, разговаривая, отводил взгляд в сторону и голову наклонял вниз. Листер был еще молод, но биография его удивляла и восхищала каждого, кто с ней знакомился».

Энрике родился в Галисии, в семье каменщика. Еще в юности он стал активным участником рабочего движения. За свои революционные взгляды он провел четыре года в тюрьме. В 1931 году, когда Испания стала республикой, вышел на свободу и вскоре вступил в ряды Коммунистической партии. Спасаясь от преследования властей, он вынужден был эмигрировать из страны и приехал в СССР. Здесь Листер работал на строительстве московского метрополитена, с 1932 по 1935 год учился в Академии им. Фрунзе.

На родину Энрике вернулся в 1935 году, а в первые же дни фашистского мятежа отправился на фронт дружинником народной милиции. Но очень скоро он проявил себя как способный командир, один из самых подготовленных в военном отношении специалистов в рядах компартии. Ему было присвоено звание младшего лейтенанта, а уже в августе 1936 года он стал майором, так были отмечены его боевые заслуги.

При встрече с отцом Листер сказал по-русски: «Здравствуйте, Павлито. Давно жду. Малино еще утром звонил мне, сказал, что вы выехали. Что-нибудь случилось?» Павлито рассказал ему, каким оказался их путь.

Листер познакомил Павлито с комиссаром, начальником штаба и офицерами. Рассказывая о положении в бригаде и на передовой, предупредил, что следует быть осторожным, поскольку в части есть люди «пятой колонны».

Ждать активных действий бригады долго не пришлось. На утро следующего дня был запланирован штурм расположенного поблизости монастыря Серо-де-лос-Анхалес, где укрепился

большой отряд франкистов. Поскольку рассчитывать на артиллерийскую подготовку не приходилось, ввиду отсутствия артиллерии в бригаде успех операции зависел от внезапных и согласованных действий всех частей. Отец убедил Листера провести рекогносцировку с участием всех командиров подразделений.

Атака началась еще до рассвета. Хорошо спланированная операция закончилась полным успехом. Франкисты не ожидали, что республиканцы отважатся на штурм, да еще в ночное время. Успех омрачался только тем, что в бою Листер был легко ранен по причине того, что вместе с бойцами бросился в атаку, увлекая их личным примером. Павлито все время находился с ним рядом и, как только заметил, что Листер стал припадать на бегу, помог ему добраться до ближайшего укрытия и вызвал санитара.

После боя у отца состоялся разговор с Листером о месте командира в бою, напоминавший разговор Чапаева с Фурмановым из известного фильма. Отец, как ему показалось, убедил-таки Листера, что тому не следует бегать в атаку впереди всех, бригада могла и без командира остаться. Листер поблагодарил отца за помощь и вдруг сказал: «Я буду просить командование, чтобы вас прикомандировали к моей бригаде. Пусть и у меня в бригаде будут интернационалисты». Отец ответил согласием.

Так, неожиданно для него самого, роль отца в бригаде круто изменилась. Оставаясь военным советником Листера, он стал уже не гостем в бригаде, а офицером испанской республиканской армии.

Для укрепления фронта на опасном участке к северу от Мадрида командование решило направить туда наиболее боеспособные части, включая соединение Листера. Приступив к работе, отец столкнулся с серьезными упущениями в управлении бригадой: совершенно неудовлетворительно была организована работа штаба, офицеры слабо представляли себе, с каким противником им предстоит воевать, исполнения приказов порой надо было добиваться уговорами и перепроверять.

Примечателен в этом отношении рассказ отца о беседе с начальником разведки: «Я попросил его рассказать о противнике, который ведет бой на участке бригады. Капитан недоуменно посмотрел на меня, пожал плечами. Потом похлопал меня по плечу: “Завтра, камарада, все узнаем. Пойдем в бой и уточним. Возьмем пленных – выясним. А вообще-то какая разница, какой противник ведет с нами бой… Наш основной враг – Франко. И, довольный своим ответом, улыбнулся». Вот так понимал этот офицер-республиканец свою задачу. Подобных примеров, к сожалению, по словам отца, было немало. И это в соединении,

которое считалось одним из лучших в армии республики!

Было очевидно, что сила бригады держится главным образом волей одного человека – ее командира, и его способностью объединять своих подчиненных в решающий момент сражения. Воспользовавшись паузой в боях, Павлито при активной поддержке Листера, преодолевая непонимание и даже сопротивление отдельных командиров, успел провести несколько практических занятий. Отец руководствовался той задачей, которую поставил перед ним Малино, и делал все, что мог, чтобы каждый командир знал место своего подразделения в бою и умел выполнить поставленную задачу. Однако убедить испанцев постигать военное искусство в периоды затишья между боями оказалось непросто еще и по другой причине, о которой отец даже не догадывался. Его знакомство с неискоренимыми военными традициями испанцев продолжалось! Но самым неожиданным для отца явилось то, что об этом поведал ему не кто иной, как сам Листер, не скрывавший, что ему по душе обычаи соотечественников.

Когда Павлито подготовил трехдневный план учебы комсостава и представил его командиру бригады, тот заметил, что весь день расписан по минутам и людям некогда будет отдохнуть. Отец вспоминал, что на его замечание о том, что военным в боевой обстановке отдыхать не положено, Листер ответил: «План хороший, но отдохнуть людям тоже надо. Подумай над этим. И не забудь, что испанцы любят повеселиться, попеть песни, поговорить за рюмкой вина. Когда бой идет – мы воюем, когда затишье – гуляем. Годами сложившиеся обычаи, нравы, привычки, даже если они плохие, сразу не сломать». Что мог на это ответить Павлито? Ему оставалось лишь принять к сведению.

Был в испанской армии и еще один обычай, связанный с едой, ставший для отца, пожалуй, самым большим сюрпризом. Испанцы воевали с перерывом на обед! В условиях войны, характер которой уже сильно отличался от сражений начала века, такой распорядок человеку со стороны казался абсурдом. Отец рассказывал, что из-за нежелания испанцев отказаться от этой привычки ему не раз пришлось столкнуться с серьезными проблемами.

Упущенные победы

Республиканское командование, зная о готовящемся новом ударе врага на Мадрид, приняло решение о контрнаступлении на Центральном фронте, чтобы отбросить наконец противника от столицы. По сути, впервые с начала обороны города армия готовилась наступать, причем не где-нибудь, а на главном, западном направлении.

Переход к активным действиям после нескольких месяцев оборонительных боев был важен не только с военной, но и с политической точки зрения. Необходимо было поднять моральный дух войск и гражданского населения и укрепить авторитет руководства республики, катастрофически упавший после переезда правительства в Валенсию. Даже несмотря на то, что в этом переезде, который, кстати, поддерживали советские советники, присутствовал здравый смысл, поспешность отъезда была крайне негативно воспринята обществом. Наши военные специалисты принимали участие и в разработке плана новой операции. Это был один из важнейших эпизодов в битве за Мадрид.

В наступлении принимали участие пять бригад, в том числе две интернациональные, всего около 9000 человек при поддержке 50 танков. Однако беспокоил явный недостаток артиллерии. Согласно плану, бригада Листера наступала в направлении селения Лас-Росас, расположенного примерно в 15 километрах от Мадрида. Оборона противника была построена вокруг массивного четырехэтажного здания телеграфа, расположенного на небольшой возвышенности. Взятие этого укрепления позволяло установить контроль над соседними населенными пунктами и окрестной территорией.

Бой за телеграф, о существовании которого никто в бригаде еще вчера не подозревал, мой отец запомнил в деталях, хотя, как ему тогда казалось, после того, что ему довелось испытать у реки Мансанарес и в университетском городке, его уже трудно было чем-то удивить.

Начавшие на рассвете наступление республиканские части наткнулись на проволочные заграждения и, не сумев преодолеть их, попали под сильный обстрел и вынуждены были отступить. В результате план действий других бригад был сорван. Начало операции было скомкано, а фактор внезапности утерян. Это был плохой знак.

Однако настроение атакующих улучшилось, когда разведчикам удалось ночью привести «языка». Получив от него

ценную информацию, удалось быстро захватить телеграф и соседние селения. Успех был в какой-то степени неожиданным, что не умаляло заслуг солдат и офицеров, участвовавших в штурме. Особенно был рад Листер, поскольку ключевое здание захватили батальоны его бригады. На командный пункт к нему приехали офицеры, все были в эйфории, как будто сражение на этом закончилось.

По совету отца Листер приказал подтянуть остальные силы, пока противник в растерянности, а затем они вместе отправились в захваченный телеграф. С трудом добравшись до места, они увидели, что никто, включая командиров, не подумал об обороне. Появление Листера и его четкие распоряжения заставили их действовать. Отец руководил размещением огневых точек, когда с верхнего этажа заметил невдалеке колонну вражеских грузовиков, подвозящих пехоту, и разворачивающиеся в боевой порядок танки. Превосходство противника становилось очевидным, но на помощь республиканцам также подошли несколько танков. Какова же была радость отца, когда он увидел своего друга Диму Погодина, командовавшего танкистами. Едва они успели договориться о совместных действиях, как противник открыл огонь. Листер уехал в бригаду, а отец остался на НП рядом с телеграфом.

На дальнейших событиях этого дня стоит остановиться подробнее. Это была одна из самых отчаянных и кровопролитных схваток, в которых участвовала бригада, а вместе с ней и мой отец. Он писал: «Со стороны противника появились шесть бомбардировщиков. Казалось, что почти над нашей головой самолет сбросил три стокилограммовые бомбы. Затем сбросили груз остальные самолеты. Бомбы ложились слева, сзади, справа… Но вот взрывная волна прижала к земле всех, кто находился на НП… Зазвенело в ушах, непривычно горько и сухо стало во рту. Сквозь грохот и пыль послышались стоны раненых, крики. За первой группой самолетов последовала вторая, затем третья и так далее… Видно, за телеграф мятежники взялись основательно. После авиации выступили артиллеристы. Они открыли бешеный огонь… Сидеть в каменном мешке становилось выше человеческих сил. От дыма, гари, копоти, беспрестанных разрывов гудела голова, слезились глаза».

В это время волна танков и марокканской пехоты уже накатывалась на защитников телеграфа. Обороняющиеся встретили их дружным огнем. В бой вступили и танкисты Погодина, стоявшие в засаде. Послышались близкие залпы орудий – это была поддержка артиллеристов Николая Гурьева. Наступавшие заметались, но часть из них, несмотря на огонь по

ним в упор, прорвалась в здание. Теперь на верхних этажах были свои, а внизу враги. Такую картину Родимцев увидит позже в Сталинграде. Ряды республиканцев, оборонявшихся возле здания, таяли под ударами артиллерии и авиации. Связь с защитниками здания прервалась, вестей о подходе своих частей не было.

Используя численное превосходство в людях и технике, противник начал охват позиций оборонявшихся и, обнаружив НП, открыл по нему такой огонь, что пытаться вырваться означало верную смерть. Отец вспоминал, что в тот момент он впервые подумал: «Шайтан побери. Так недолго и в плен попасть. А это не входит в мои планы». Вместе с отцом оставались переводчик Марио и около двадцати бойцов с одним пулеметом. Они видели, как сошлись в схватке танкисты. А рядом с ними уже не было никого из своих.

Держались они долго, один за другим падали убитые и раненые бойцы, но и натиск противника ослаб, когда вдруг раздался чей-то крик: «Наши!» Увидев бегущие в их сторону цепи солдат-республиканцев – помощь, которую прислал Листер, лежавший за пулеметом отец, не жалея патронов, открыл огонь по обратившимся в бегство франкистам.

Когда отец вместе с бойцами направился к зданию телеграфа, они увидели ужасную картину. На большом пространстве лежали сотни трупов, многие тела были изуродованы взрывами. Большинство мятежников были уничтожены, оставшиеся в живых взяты в плен. Но и от батальона, оборонявшего телеграф, уцелели лишь несколько человек. Внутри здания повсюду были следы жестокой рукопашной схватки, погибшие лежали вперемешку с ранеными, подоспевшие санитары и бойцы выносили их из здания. С глубокой болью отец слушал рассказы солдат, которые переводил ему Марио. Впервые он так остро переживал гибель своих товарищей. Со многими из них он успел подружиться, обучал их пулеметному делу, был рядом с ними в окопах, слушал их песни, рассказывал им о своей родине. В отсутствии командира бригады Павлито считал себя одним из тех, кто был в ответе за исход боя. Он понял, что каждый сделал все, что мог.

К отцу подбежал Погодин, обнял его.

– Саша! Живой! – воскликнул Дмитрий. – Когда я увидел, что они ворвались в здание, решил, что все… Я же думал, что ты там, внутри…

Через два дня был получен приказ штаба фронта прекратить дальнейшее наступление и перейти к обороне. И хотя противник был отодвинут от Мадрида на несколько километров, по мнению многих республиканских командиров и советских военных

советников и специалистов, в том числе и моего отца, контрнаступление не принесло ожидаемых результатов. Главными причинами, не позволившими добиться полноценного результата, являлись отсутствие согласованности в действиях войск – некоторые части ничего не знали о том, что происходит на передовой и в самый разгар сражения стояли на месте, а также слабая поддержка своей авиации и артиллерии. Усилий одних только советских военспецов и храбрости солдат и командиров не хватило для того, чтобы добиться поставленных целей. Штаб фронта не сумел оперативно реагировать на быстро менявшуюся обстановку – за трое суток боев оттуда не поступило никаких распоряжений.

Во второй половине января 1-я бригада Листера была переформирована в 11-ю дивизию. В ее состав влились еще три бригады – 18-я, 23-я и 66-я. Командиром лучшей из них – 1-й – был назначен майор Пандо, командовавший батальоном. Смелый и грамотный командир, он пользовался авторитетом у солдат и офицеров. Врач по профессии, аккуратный и собранный в работе, очень скромный человек, Пандо быстро освоил военное дело и благодаря своей способности аналитически мыслить отличался во всей дивизии высоким уровнем разработки операций. Ближайшим помощником Листера, душой дивизии был комиссар Сантьяго Альварес.

Отец успел к этому времени уже немало испытать на испанских фронтах, но сражение на Хараме явилось очередной проверкой на зрелость всех советских советников и специалистов, оно показало, что у республики появилась новая армия. Большинство командиров и солдат к этому времени получили серьезный боевой опыт, а мужества этим людям было не занимать. Фашисты бросили здесь в бой свои лучшие силы и большое количество техники, которая огромным потоком шла в армию Франко из Германии и Италии.

Республиканские войска готовились к большому контрнаступлению на Центральном фронте в районе местечка Арганда, в 12 километрах юго-восточнее Мадрида. Однако подготовка этой операции протекала медленно, ее начало многократно переносилось и в итоге было отнесено на 12 февраля.

Случилось так, что в это же время франкисты планировали новое наступление на столицу также с южного направления. Узнав о планах республиканцев, мятежники решили опередить их. Утром 6 февраля по республиканским войскам, которые сосредоточивались на восточном берегу Харамы, был нанесен

сильный удар авиации и артиллерии врага, после чего марокканская пехота и танки двинулись в атаку. Таким образом, на сравнительно небольшом участке фронта, в районе слияния рек Харама и Мансанарес, развернулось, по сути, встречное сражение с использованием большого количества людей и техники, одно из самых кровопролитных за все время войны.

Дивизия Листера оказалась в центре развернувшегося сражения, она являлась стержнем обороны республиканской армии. Павлито находился в бригаде Пандо, занимавшей рубеж в районе господствующих высот, за которые вскоре начались ожесточенные бои. Эти ключевые позиции несколько раз переходили из рук в руки. Используя свое преимущество в живой силе и бронетехнике, мятежникам удалось прорваться на восточный берег Харамы через мосты, которые республиканцы не уничтожили, полагая использовать их для собственного наступления. Теперь за это промедление пришлось дорого заплатить. Франкисты постоянно подтягивали новые части и с ходу бросали их в бой. В разгар битвы против республиканцев на этом участке действовало до четырех пехотных дивизий, вооруженных немецкими автоматами, и около ста танков. Под натиском врага бригада Пандо и другие части вынуждены были отступить.

Отец регулярно докладывал о положении дел на фронте и в войсках лично Листеру, а также Петровичу (Мерецкову), который часто бывал на передовой. Получая их указания, они с Пандо готовили план действий и приказы младшим командирам, а большую часть времени Павлито находился в частях.

Однажды на передовой произошел курьезный эпизод с участием Петровича, Листера и Павлито, о котором К.А. Мерецков в воспоминаниях писал: «Бригада Листера наступала вдоль русла Харамы. Обстановка была нелегкой. Фашисты вели сильный заградительный огонь. Я как раз оказался в поражаемой зоне. Чувствую, два человека хватают меня и куда-то волокут. Я отбиваюсь (подумал, что фашисты тащат в плен). Отчаянно возимся и все трое падаем в окоп. Слышу ругань. Дым рассеялся. Гляжу, передо мной улыбающийся Листер, а двое, что меня схватили, – Родимцев и комиссар Листера… Говорят, что спасали меня от обстрела. Я сгоряча набросился на Родимцева: разве можно так тащить в укрытие старшего командира? Ведь мы находимся в войсках. Это и дух бойцов подрывает, и субординацию нарушает. Он извиняется, а Листер хохочет».

Перевес противника в людях и технике был временами настолько значительным, что о наступлении или штурме захваченных им позиций не могло быть и речи. В то же время

стойкость республиканских частей оказалась неожиданной для врага, непрерывно атакуя, франкисты несли ощутимые потери. Как вспоминал впоследствии отец, боевые действия не прекращались даже ночью. Этот прием был выбран сознательно и приносил успех за счет неожиданности и невозможности для франкистов применять авиацию и танки. Но иногда завоеванное с таким трудом ночью приходилось вновь уступать в дневное время.

Лишь во второй половине февраля республиканцам удалось подтянуть в этот район танки, артиллерию, авиацию и остановить наступление противника. После окончания сражения Листер оценил его как одно из самых крупных за всю войну.

Значительными были и потери сторон. Так, С.Ю. Данилов в своей монографии указывает, что они составили почти по 20 000 человек убитыми и ранеными. Плачевным оказался итог этого сражения для элитных частей мятежников: марокканские войска и Иностранный легион потеряли половину своего состава. Было ясно, что эти войска уже не смогут играть в войне роль ударных частей, которую они до этого исполняли. Огромные потери понесли ирландский и португальский легионы, которые вскоре были расформированы. В этом сражении потеряли многих своих бойцов и интербригады.

Харамская операция показала возросший уровень руководства войсками республиканским командованием и выучку бойцов. Если в ноябре под Мадридом войска республики представляли собой разрозненные, склонные к партизанским методам ведения войны части, то в сражении на Хараме они предстали хорошо вооруженной, организованной и дисциплинированной армией. Стойкость и профессионализм ее бойцов и командиров оказались для врага неприятным сюрпризом. Пехота больше не бежала, увидев танки противника или попав под налет авиации. Солдаты были уверены, что танкисты-республиканцы не оставят их один на один против бронетехники врага, а своя авиация не позволит его самолетам хозяйничать в небе.

Участвуя в этом сражении, отец постоянно находился рядом с командиром бригады Пандо, а выезжая на передовую, помогал организовать оборону, проверял выполнение приказов командира. Много раз ему самому приходилось брать винтовку или ложиться за пулемет в одном окопе со своими боевыми товарищами.

Дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов, также находившийся в тот период советником в Испании под именем Фриц Пабло, в своих воспоминаниях

писал: «Я видел Александра Родимцева в Испании на реке Хараме, где в тяжелых боях 12-я интернациональная бригада сдерживала натиск франкистов, итальянских и немецких интервентов: он под огнем на поле боя ремонтировал пулеметы. Военный человек поймет, какой это был подвиг – держать в боевой готовности пулеметы более чем 20 разных устаревших систем. Испанские товарищи ценили вклад советских добровольцев в борьбу за свободу, против фашизма. Родимцева они считали храбрейшим из храбрых и прозвали его «профессором пулеметного дела республиканской армии».

О том, что Родимцев приобрел в Испании и многие командирские навыки, в реальной боевой обстановке осваивая науку управления войсками, вспоминал К.А. Мерецков: «Превосходно показал себя в Испании капитан (сначала он был лейтенантом) А.И. Родимцев. Я часто видел его в бою и смог оценить его качества. Являясь военным советником у Листера, Родимцев приносил, как мне кажется, большую пользу тактичными и умелыми советами по руководству подразделениями, а если возникала необходимость, то и примером личного мужества в острых ситуациях.

Вот франкисты атакуют со стороны Толедо, нацелившись на стык республиканских соединений и вклиниваясь между ними. Чтобы задержать противника, штаб посылает вперед дивизию. Командира на месте нет. Родимцев получает от меня приказ: развернуть дивизию и ввести в бой. До этого Родимцеву не приходилось командовать у нас даже полком. Поэтому вслед посылаю другого офицера – проверить, как пойдет дело. Предупреждаю, что через два часа буду на месте сам. Родимцев слегка нервничал, но действовал четко. И когда я приехал, офицер очень высоко оценил его действия. Садимся в броневик, объезжаем поле боя. Действительно, все идет как надо».

Несмотря на то что наступление республиканцев сорвалось, противник лишился накопленных резервов. И хотя националистам удалось потеснить республиканские войска более чем на десять километров к востоку, они не смогли добиться своей главной цели – овладеть стратегически важной дорогой, соединяющей Мадрид с портами Средиземного моря, и окружить столицу.

На Гвадалахарском направлении

Франкисты и их иностранные союзники, не добившись поставленных целей на фронтах под Мадридом, отбросили всякие договоренности, достигнутые в рамках Комитета о невмешательстве, и сделали ставку на расширение иностранного военного присутствия на территории Испании. В феврале 1937 года завершилась переброска в страну итальянского экспедиционного корпуса. В него входили четыре итальянские дивизии и две смешанные итало-испанские бригады. Главной силой корпуса являлась дивизия «Литторио». Тремя другими дивизиями были «Божья воля», «Черное пламя» и «Черные перья». Корпус имел танки, артиллерию, около 120 самолетов и большое количество транспорта.

После сражения на Хараме, где Иностранный легион понес огромные потери, гитлеровский союзник Муссолини настоял на самостоятельной операции итальянского корпуса. Для очередного решающего удара на Мадрид было выбрано Гвадалахарское направление. Наступление планировалось вести вдоль автомобильной дороги Альгора –Ториха – Гвадалахара, которая является частью международной автострады Мадрид – Париж, так называемого Французского шоссе.

В начале марта командование республиканских сил получило данные о том, что в районе Сигуэнса – Альгора – Ариса, примерно в 100 километрах к северо-востоку от Мадрида, наблюдается скопление итальянских войск и интенсивное передвижение военных грузов. Однако, несмотря на информацию разведки и агентуры, планы противника не были проанализированы. Оборону на этом направлении, на фронте шириной около 80 километров, держала всего одна 12-я дивизия, в которой было около 10 тысяч человек и ни одного танка.

Петрович (К.А. Мерецков) вызвал к себе Родимцева. Новое задание оказалось, пожалуй, самым ответственным из всех, которые поручались отцу за время его испанской командировки, поскольку речь шла о судьбе целого фронта, а действовать ему предстояло в основном самостоятельно, опираясь лишь на нескольких офицеров. Петрович сказал: «Не исключена возможность, что итальянские интервенты готовятся наступать в направлении Гвадалахара – Мадрид. Командование фронта пока еще не придает Гвадалахарскому направлению большого значения… Нам надо быть готовым ко всяким неожиданностям, поэтому поручаю тебе вместе с небольшой оперативной группой из штабных офицеров выехать в 12-ю пехотную дивизию и

выяснить обстановку на этом участке фронта».

Дождливым утром 7 марта отец с несколькими офицерами выехал в штаб 12-й дивизии. Первым неприятным сюрпризом оказалось то, что, несмотря на все усилия, в этот день им так и не удалось отыскать этот штаб. Вместо этого они оказались в расположении 50-й бригады, входившей в эту дивизию. Беседа с офицерами показала, что они не владеют необходимой информацией. Более полезным для выяснения обстановки оказалось посещение частей, стоявших в обороне.

Впечатления от этой инспекционной поездки оказались самими неутешительными. Оборона была построена примитивно, наспех, тактически безграмотно, резервы отсутствовали. Скорого наступления противника здесь не ждали, да и не были к нему готовы. Было ясно, что в случае наступления противник легко прорвет фронт. Еще хуже было положение в другой бригаде этой дивизии. Выяснилось, что в ее составе имеются лишь два батальона и нет ни одного пулемета.

Наконец, утром 8 марта группа добралась до Бриуэги, в 15 километрах от передовой, где располагался штаб 12-й дивизии. Здесь они встретили единственного офицера. Командир и комиссар дивизии в это время находились в Мадриде. Почему штаб дивизии находится так далеко от своих частей, а все командование отсутствует, так и осталось непонятным.

Когда отец еще находился в поездке, поступило сообщение, что итальянцы при поддержке танков и авиации перешли в наступление вдоль Французского шоссе. Легко преодолевая слабое сопротивление передовых частей, итальянские войска быстро продвигались вперед. Республиканцы отступали, оказывая упорное сопротивление.

Вспоминая события тех дней, отец подчеркивал, что обстановка требовала принятия экстренных мер. Он срочно вернулся в штаб фронта, где детально проинформировал свое руководство о положении в 12-й дивизии и вероятных действиях противника с учетом его значительного превосходства в технике и людях и отсутствии подготовленных рубежей обороны. К этому времени связь с дивизией была прервана. Достоверными данными о составе наступавшей группировки в штабе не располагали, и лишь через сутки стало ясно, что в наступлении принимают участие четыре вражеские дивизии, а не одна, как считали вначале. Проблема была еще и в том, что после Харамской операции, в которой республиканская армия понесла ощутимые потери, готовых резервов для переброски на Гвадалахарское направление не было. Необходимо было срочно найти боеспособные части, которые можно было бы направить для

отражения удара интервентов.

Как вскоре выяснилось, результат поездки группы под руководством отца, его подробный анализ возможностей республиканских частей и реальной угрозы прорыва противника явился важнейшим источником информации для штаба фронта и группы советских советников, что способствовало своевременному принятию мер по срыву намерений врага.

В июне 2015 года, в день 70-летия Парада Победы, я встретился с сыном маршала К.А Мерецкова (Петрович) – Владимиром Кирилловичем Мерецковым, генерал-полковником, участником Великой Отечественной войны, занимавшим высокие командные должности в Советской армии. Владимир Кириллович рассказал мне о том, что рассказывал ему его отец о роли Родимцева в Гвадалахарской операции: «Мы чувствовали, что на этом направлении могут случиться серьезные неприятности, если вовремя не будут приняты меры. Я решил послать Родимцева в части, занимавшие оборону на этом участке, чтобы лично ознакомиться с положением дел и по возможности как можно больше выяснить о противнике. Несмотря на то что Родимцев по прибытии в Испанию не имел достаточного оперативного опыта, за короткое время он показал себя с лучшей стороны не только как специалист пулеметного дела и боевой подготовки, но и быстро овладел навыками оперативно-штабной работы, умело и тщательно выполняя задания, которые он получал от меня и от других руководителей. Родимцев хорошо ориентировался в обстановке и, что важно, сумел завоевать авторитет среди испанского командования. Он за короткий срок объехал все участки нашей обороны, сумел выявить ее слабые места и оценить масштаб угрозы, грозившей крупными неприятностями, а возможно, и потерей Мадрида. Он был первым, кто доставил в штаб фронта необходимые сведения о том, что действительно происходит на этом направлении, и подробно доложил их мне. Мы успели принять необходимые меры. Родимцев сыграл важную роль в организации нашей обороны и успешном завершении Гвадалахарской операции».

Лишь с помощью срочно переброшенного резерва удалось приостановить наступление итальянцев. Но главное – на подходе уже были 11-я и 12-я интернациональные бригады. Командиром 12-й интербригады был генерал Лукач – известный венгерский писатель Матэ Залка.

Много замечательных, известных людей повстречал в Испании Александр Родимцев. Генерал Лукач был одним из

них. Подпоручик австро-венгерской армии Матэ Залка в 1916 году попал в русский плен. После революции он вступил в ряды Красной армии. А когда окончилась Гражданская война, пришел работать в Наркомат иностранных дел, был на партийной работе. Но все-таки главным его призванием была литература. Талантливый писатель Матэ Залка был близко знаком с Николаем Островским, Ильей Эренбургом. Он приехал в Испанию в дни обороны Мадрида.

Впервые отец встретился с Лукачем в конце 1936 года, в штабе его бригады. За время боев под Гвадалахарой он часто встречался в боевой обстановке с этим человеком незаурядной судьбы и огромного обаяния. Между ними сложились, несмотря на разницу в положении и в возрасте, очень теплые, дружеские отношения. Свои устные и письменные обращения к отцу он обычно начинал словами «Дорогой мой Павлито…» Однажды, по его просьбе, отец несколько дней провел в его бригаде, приводя в порядок неисправные пулеметы, а Матэ Залка подарил ему пистолет «вальтер», с которым отец не расставался и в Испании, и в военных походах, и в Великую Отечественную. С болью в сердце отец узнал летом 1937 года о гибели под Уэской генерала Лукача. В своих воспоминаниях отец писал: «Погиб боевой друг, талантливый командир… Те, кому довелось жить рядом с ним или бороться, надолго сохранят образ сына венгерского народа, героя Испании».

Девятого марта отец получил приказ отправиться в 11-ю бригаду, которой командовал немецкий коммунист Ганс Кале, для оказания помощи в организации взаимодействия с танкистами и артиллеристами. Вспоминая битву под Гвадалахарой, отец подчеркивал, что весной 1937 года поведение республиканской армии в бою разительно отличалось в лучшую сторону от самой себя образца трех-четырехмесячной давности. Хотя их действиям иногда по-прежнему не хватало собранности и дисциплины, бросалась в глаза разительная перемена в обороне: подразделения согласовывали свои действия с соседями, исчез страх перед танками – войска научились бороться с ними. А своя авиация уже давно покончила с господством франкистских летчиков в небе Испании. Военная выучка, помноженная на храбрость и обостренное чувство чести, – черты, присущие испанским воинам, сделали из этих людей настоящих солдат, способных сражаться с любым противником.

Под стать им воевали и бойцы интербригад. Отец восхищался этими беззаветными людьми. Они стойко держались даже в самых тяжелых ситуациях, решительно и смело атаковали врага,

отважно действовали в разведке.

Забегая вперед, отметим, что одной из причин поражения фашистов под Гвадалахарой явилась недооценка командованием итальянского корпуса боевых качеств республиканской армии и возросшего уровня руководства войсками. В этом сражении они проявились еще отчетливее, чем в битве на Хараме.

К утру 10 марта бригада Кале успела занять позиции в районе 82-го километра Французского шоссе. Для усиления обороны прибыли танкисты под командованием Погодина. Друзья – Родимцев и Погодин – снова были рядом. В это дождливое утро никто еще не знал, что начавшееся сражение явится крупнейшим в этой войне и окажет большое влияние на весь ее ход.

В этот день итальянцы провели большими силами атаки на позиции республиканцев. Вместе с командованием бригады отец находился на наблюдательном пункте, который был обстрелян артиллерией. Появились убитые и раненые, была прервана связь, управлять боем пришлось через связных.

В действиях итальянцев чувствовалась самоуверенность – танки далеко оторвались от пехоты, которая наступала цепями, в полный рост, а офицеры шли впереди с обнаженными клинками, поднятыми над головой. В критический момент боя из засады появились танки Погодина и советского добровольца Баранова. Противник понес большие потери и в беспорядке отступил. Однако вскоре атака повторилась, и пехота снова, как будто не было утреннего жестокого урока, шла в атаку стройными рядами. Большинство наступавших солдат противника были уничтожены, многие взяты в плен. Умелые совместные действия всех обороняющихся привели к тому, что все участвовавшие в этот день в бою итальянские танки были сожжены или выведены из строя.

На следующий день отец узнал о геройском поступке Дмитрия Погодина. Когда на одном из участков обороны танки противника устремились на единственный мост через реку, навстречу им на него выехал республиканский танк и открыл огонь. Головная фашистская машина загорелась, движение по мосту было заблокировано. Все попытки убрать танк с пути были пресечены огнем республиканской пехоты и танков, опасность прорыва миновала. Позже за этот подвиг Погодину было присвоено звание Героя Советского Союза. Александр Родимцев больше всех радовался за своего друга.

Вечером того же дня отец по приказу Петровича вернулся в Мадрид. Беседа их на этот раз затянулась. Он подробно рассказал Петровичу о действиях итальянцев, об обстановке в республиканских частях, о том, как грамотно воюют все –

испанцы, бойцы интербригад и советские добровольцы. Особый интерес вызвало его сообщение о том, что советские танки по своим боевым качествам намного превосходят всю бронетехнику интервентов.

Выслушав его доклад, Петрович приказал отцу выехать в дивизию Листера, которая выдвигалась на Гвадалахарское направление. Вместе с отцом должен был выехать и Николай Гурьев. Он пригласил отца к себе в гости, чтобы вместе провести свободный вечер, а утром отправиться в путь. В маленькой комнатке Николая отец наконец-то смог прочитать полученное в этот день письмо от жены. Они вспомнили Москву, своих близких, друзей, проговорив до поздней ночи. Но выспаться на этот раз им не пришлось.

Эту ночь отец запомнил во всех подробностях и, вспоминая, каждый раз качал в задумчивости головой, словно сам не верил в то, что тогда случилось. Его разбудил нарастающий гул самолетов, а Николай уже тряс его за плечо: «Саша, Саша! Вставай, налет!» О том, что было дальше, отец вспоминал так: «Вдруг послышался пронзительный свист, потом сильный взрыв. Все пошло ходуном. Стол и койки закачались, как на палубе океанского корабля во время шторма… Я оказался на полу. Комната наполнилась дымом. Попытался крикнуть – язык не повиновался, голова кружилась. Как только дым рассеялся, мы увидели, что у комнаты осталось три стены. Четвертую словно ветром сдуло. Крыша чудом держалась… Как потом выяснилось, в угол дома попала стокилограммовая бомба». Успев выскочить на улицу в засыпанной известкой и местами порванной одежде, они смотрели на развалины и не могли понять, каким чудом они остались живы. На их глазах из дома выносили убитых и раненых, среди которых были женщины и дети. Было невыносимо тяжело видеть людское горе. Не хотелось даже думать о том, чем едва не закончилась для них эта ночь, – здесь, далеко от передовой, где, как казалось, им ничего не грозит.

Заехав по дороге в часть, чтобы переодеться, Родимцев и Гурьев прибыли в штаб 11-й дивизии к Листеру. От него отец получил приказ отправиться в хорошо ему известную бригаду Пандо, которая уже находилась на передовой, и помочь в подготовке наступления на позиции противника в местечках Трихуэке и Касса-дель-Кабо. Эти населенные пункты, расположенные вдоль Французского шоссе, противник превратил в сильные опорные пункты. Выбить его оттуда означало отбросить фашистов сразу на 30 километров от Гвадалахары, надежно перекрыть шоссе и надолго лишить их возможности организовать новое наступление на Мадрид с северо-востока.

Начиналась вторая, наступательная фаза Гвадалахарской операции – республиканская армия должна была не просто остановить врага, но и сокрушить его. Дивизия Листера оказалась вновь на направлении главного удара, став частью той группировки, которая в итоге наголову разбила интервентов и отбросила их от Мадрида.

Дальнейшие события, по воспоминаниям отца, представляли собой непрерывную череду боев, длившихся несколько дней подряд. Несмотря на тяжелейшие погодные условия – дождь, мокрый снег, раскисшие дороги, утром 12 марта бригада Пандо двинулась вперед при поддержке танков и авиации, которая бомбила передний край и дальние резервы врага, в отличие от бездействовавшей авиации противника. В это самое время по шоссе двигалась к передовой итальянская автоколонна с солдатами. Атака республиканцев застала их врасплох. Колонна была разгромлена, а передовые части добровольцев прорвались к окраинам Трихуэки.

Однако вскоре в бой вступила свежая дивизия «Литторио», самая боеспособная из всех вражеских формирований, участвовавших в сражении. Атака интербригадовцев захлебнулась, они стали отходить, но подоспевшие танкисты на советских машинах остановили врага.

В этот критический момент около тридцати республиканских истребителей и бомбардировщиков атаковали двигавшийся на машинах полк дивизии «Литторио» и полностью разгромили его. Отец вспоминал, что таких эффективных действий своей авиации республиканцы еще не видели. Успехи летчиков и танкистов вызвали восторг в рядах интербригад, подняли их боевой дух.

Командующий итальянским экспедиционным корпусом генерал Манчини бросил в бой против 11-й дивизии Листера четыре итальянских и одну испанскую дивизию. Однако все попытки прорваться в направлении Мадрида провалились. Но и республиканцам не удалось с ходу захватить намеченные пункты. Завязались жестокие бои, переходившие врукопашную. Овладеть местечком Трихуэке удалось лишь с помощью обходного маневра, подготовленного отцом совместно с молодым командиром батальона, на помощь которому он был направлен Листером.

Лишь на третьи сутки непрерывных боев республиканцы подошли к окраине Каса-дель-Кобо. Солдаты лежали в воде и грязи, казалось, никто и ничто не в состоянии поднять этих людей в бой. Но с рассветом они снова пошли на штурм и выполнили приказ. Сопротивление интервентов было сломлено.

На протяжении всего сражения капитан Павлито находился рядом с командиром 2-й бригады Пандо или в окопах с бойцами.

Он выполнял поручения Листера и Пандо, оказывая помощь командирам частей, обеспечивал связь и совместные действия с соседями – интербригадами Ганса Кале и генерала Лукача, а также с советскими командирами-добровольцами – танкистами и артиллеристами.

В связи с крайне неблагоприятной погодой и огромной усталостью войск к вечеру 14 марта активные действия на время прекратились. Стало очевидно, что наступление интервентов окончательно выдохлось.

По воспоминаниям отца, в дни затишья на фронт приезжали сотни простых испанцев, молодых и стариков, они привозили солдатам подарки, продукты, одежду. Частыми гостями были и руководители коммунистической партии и другие политики. Отцу особенно запомнился приезд Долорес Ибаррури. О встрече и общении с этой удивительной женщиной отец писал: «Она изъявила желание пойти на передовую к бойцам.

– Как, Павлито, можно посетить бойцов в окопах?

Зная, что пройти на передовую можно лишь с большим риском, я ответил:

– Конечно, можно, но только необязательно. Вы же не агитатор бригады и не комиссар дивизии, который шел бы в подразделения на передовую, чтобы провести беседу. Вы руководитель партии, и вам нельзя рисковать своей жизнью.

Чувствую, что мой ответ ее не удовлетворил. И Листер соглашается идти вместе с ней. Ну а раз пойдет Листер, пойдут и все остальные, а это значит, что наберется большая группа людей… Долго шел спор. В конце концов решили идти только вчетвером: Долорес, Листер, Пандо и я. Долорес переоделась в мужское платье, на голове у нее красовалась испанская пилотка».

Отец вспоминал о том, в какой дружеской, почти семейной атмосфере прошло общение Долорес Ибаррури с бойцами и командирами. Они наперебой рассказывали ей о своих успехах, угощали едой, спрашивали о делах на фронтах и о ее здоровье. Итальянцы, видимо, заметили, что на стороне республиканцев происходит какая-то необычная суета, и выпустили в их сторону несколько мин. Но встреча продолжалась своим чередом.

Начиналась последняя часть Гвадалахарской операции – разгром итальянского корпуса. 18 марта республиканцы прорвали оборону противника и подошли к городу Бриуэга, где находилось большое количество войск и техники интервентов. Однако, воспользовавшись пассивностью некоторых республиканских частей, итальянцы начали отвод своих войск.

Петрович, находившийся в дивизии Листера, приказал Родимцеву срочно отправиться в одну из бригад и помочь

организовать обходной маневр, чтобы отрезать путь отхода итальянцам на север. Отцу вместе со своим верным товарищем Марио опять «повезло» – добираться пришлось под непрерывным обстрелом. Останавливаться и пережидать было некогда. Выполняя приказ, бригада стремительным рывком перекрыла фашистам путь к отступлению. Но главные события дня еще были впереди.

Как вспоминал отец, неожиданно они увидели большую итальянскую автоколонну, которая двигалась в город. Видимо, их командование еще не знало, что путь отхода перекрыт. Обсудив ситуацию с Павлито, командир бригады принял решение блокировать колонну и попытаться ее захватить. План удался: в нужный момент танки выехали на шоссе и открыли огонь, солдаты и офицеры противника, поняв, что им грозит окружение, бросились бежать, бросая все. Республиканцами было взято много пленных, захвачены большие трофеи, включая танки и автомобили, а также штабные документы. Со взятием Бриуэги фронт итальянского экспедиционного корпуса был прорван.

Пытаясь спасти хотя бы часть своих войск, итальянский генерал Манчини начал их отвод на север. Но оторваться от преследования не удалось. Отступление сопровождалось непрерывными ударами республиканцев. Большие массы итальянских войск мешали друг другу, создавая огромные заторы. Авиация республиканцев в течение нескольких дней беспрерывно бомбила и расстреливала отходившие части противника. Это был разгром.

Потери интервентов составили около десяти тысяч человек, свыше тысячи солдат и офицеров попали в плен. Потери республиканцев были почти в два раза меньше. В их руках оказалась треть всей вражеской артиллерии, сотни автомашин, много танков и другого оружия. Дивизии итальянского экспедиционного корпуса больше не существовали как боевые единицы, две из них были вскоре расформированы.

Преследуя противника, армия республики вышла к 96-му километру Французского шоссе, лишь немного не дойдя до города Сигуэнса. Однако прорваться дальше и с ходу овладеть этим крупным узлом не удалось – войскам требовался отдых, нужны были дополнительные силы.

22 марта боевые действия на Гвадалахарском направлении закончились. Это крупнейшее сражение, за исходом которого следила вся Испания по обе линии фронта, а также друзья и недруги республики во многих странах мира, завершилось грандиозной победой республиканской армии.

Впервые в ходе гражданской войны столь значительным

оказался вклад в общую победу авиации и бронетанковых сил. В результате их эффективных действий враг был не просто отброшен, но и разгромлен.

В течение нескольких дней на всей территории республики продолжалось ликование по случаю гвадалахарской победы. Даже на территориях, контролируемых франкистами, люди отмечали это событие.

Ни попытки итальянских генералов оправдать свое позорное поражение, ни упущенная республиканским командованием возможность развить успех не могут, по мнению военных специалистов и историков, умалить главного – масштаб военного успеха республики в Гвадалахарской битве, а также огромный международный резонанс поставили ее в ряд крупнейших побед в истории над силами фашизма.

Отец писал в своих воспоминаниях, что основная тяжесть боев в этой кампании легла на четыре бригады Листера. Именно они были поставлены штабом фронта на главное направление. Вместе с испанскими солдатами и добровольцами мой отец прошел весь этот путь – по разбитым и грязным от непогоды дорогам, по бездорожью, по горам и ущельям, по залитым водой траншеям, по улицам поселков и городов, на которых не оставалось ни одного целого дома.

Воспоминания о Листере, с которым моему отцу довелось испытать и радость побед, и разочарования от неудач, и потери близких товарищей, наполнены искренним уважением и даже восхищением этим человеком, ставшим для Александра Родимцева примером военачальника, антифашиста и патриота. Однажды в разговоре с писателем Борисом Полевым отец назвал Листера «испанским Чапаевым».

А как оценивал вклад капитана Павлито в общее дело сам Энрике Листер? В своей книге «Наша война», опубликованной спустя много лет после окончания гражданской войны в Испании, Листер так написал о своем советском друге, вспоминая сражения во время Гвадалахарской операции:

«Большую роль в этом бою и в дальнейшем, на протяжении всей операции, сыграл капитан Павлито, советский офицер, который с первых дней обороны Мадрида находился в дивизии и помогал нам во всем. Его любили за сердечность, исключительную выдержку и военные знания, которые он блестяще использовал в боях под Мадридом, на Хараме и особенно в Гвадалахаре. Потом он участвовал в боях в Гарабитас, на юге Тахо, в Брунете. Он всегда находился на наиболее трудных участках фронта, помогая советами и личным примером выходить из многих, казалось бы, безвыходных ситуаций. Когда мы

встретились вновь (через два года), капитан Павлито был уже полковником Родимцевым, а спустя еще три года – генералом, одним из героев Сталинграда, командиром 13-й гвардейской дивизии. Через много лет, в мае 1965 года, мы вновь увиделись на встрече ветеранов в Москве. Он остался таким же испанцем, как и в дни обороны Мадрида».

Вместе с Александром Родимцевым в Гвадалахарском сражении участвовали его боевые товарищи – танкисты Арман, Погодин и Баранов, артиллеристы Гурьев и Татаринов, рядом находились их руководители – Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, Н.Н. Воронов, М.С. Шумилов, П.И. Батов и многие другие советские добровольцы – на земле и в небе.

Последний бой

Весной и в начале лета 1937 года фракисты активизировали военные действия на севере страны, пытаясь перехватить инициативу на фронтах после поражения под Гвадалахарой. Несмотря на отчаянное, но плохо организованное сопротивление республиканцев, мятежникам удалось захватить крупнейший город на севере страны Бильбао, а также важный промышленный район и овладеть большой территорией.

С целью отвлечения сил националистов от Северного фронта республиканское руководство подготовило несколько отвлекающих ударов в разных местах. Однако вследствие неуверенных действий командования и плохо организованного снабжения войск контрудары в районе Уэски (именно в этот период здесь погиб генерал Лукач), Теруэля и в университетском городке Мадрида окончились неудачей. При этом республиканская армия понесла большие и совершенно неоправданные потери. Самым неприятным следствием неудачных сражений явились значительное ослабление наиболее боеспособных частей – интербригад, а также утрата большого количества техники.

Неудачи на фронте сопровождались обострением политических разногласий в стане республиканцев. Дело дошло до вооруженного противостояния между коммунистами, социалистами и анархистами в Барселоне, которое, однако, было недолгим.

Пытаясь переломить неудачи последних месяцев, республиканское командование тщательно и в условиях повышенной секретности готовило еще одно наступление, на этот раз на Центральном фронте – западнее и южнее Мадрида. Для участия в операции удалось привлечь значительные силы – до 100 тысяч человек, а также большое количество артиллерии, танков и около 140 самолетов. Главная задача – разгромить сильную группировку мятежников и отбросить их от столицы.

Это было самое крупное наступление республиканцев в ходе гражданской войны, на которое была сделана большая ставка. Войска напутствовали министр обороны Приете, начальник генерального штаба Рохо и секретарь компартии Испании Долорес Ибаррури. Неудача означала потерю на долгое время военной инициативы и отдаляла на неопределенный срок перспективу коренного перелома в пользу республики.

Об этом сражении, лишенном в силу разных причин глубокого расчета и единомыслия, написано много, но оценки

участников тех событий и исследователей в отношении того, что происходило на фронте, неоднозначны, настолько оно оказалось драматичным. Во-первых, оно явилось одним из самых продолжительных (с 5 по 28 июля) и кровопролитных. Во-вторых, в нем, как, пожалуй, ни в одном другом в ходе гражданской войны в Испании, переплелось очень многое – смелые решения командиров и преступная бездеятельность, героизм и предательство, удачные действия и огромные потери, воздушные схватки советских летчиков с немецкими пилотами, воевавшими на новейших «мессершмиттах», и неожиданно большие потери республиканцами своих танков. В-третьих, и это самое главное, его результаты оказались неадекватны затраченным усилиям и принесенным жертвам.

Для моего отца это сражение явилось последним на земле Испании, но при этом одним из тяжелейших, полным огромного нервного напряжения и горечи потерь боевых друзей. Александр Родимцев – капитан Павлито – не только принял в нем активное участие, но и пережил, возможно, один из самых критических и смертельно опасных эпизодов в своей жизни.

В конце июня отца вызвал Малино. Он сообщил о подготовке крупной операции, во время которой Павлито должен находиться у Листера, чья дивизия войдет в состав вновь созданного 5-го корпуса.

Листер рассказал Павлито о том, что главной целью являлся захват города Брунете – важного стратегического пункта на этом направлении, планы по взятию которого готовились уже давно. Наносить удар должны 5-й и 18-й корпуса, во главе которых стояли Модесто и полковник Хурадо – одни из лучших республиканских командиров.

Основная сложность предстоящей операции состояла в том, что из-за особенности местности наступать предстояло по узкому коридору шириной менее пяти километров между двумя сильно укрепленными населенными пунктами. Требовалось совершить ночной марш и пройти незамеченным под носом у врага. Другого пути просто не было. Видно было, что Листер крайне озабочен исходом предстоящего сражения, тем более что, по его информации, анархисты из 100-й бригады считают, что идти через узкую горловину под огнем врага – это верная смерть и они не желают выполнять бессмысленные приказы.

Наступило утро 6 июля. И с самого утра стали происходить события, которые фактически сорвали начало операции, смазали весь эффект от тщательно подготовленного наступления. Но, что самое трагичное, они станут причиной непредвиденных и очень чувствительных потерь в рядах республиканских войск.

Когда на войне случаются поражения или неудачи, то обязательно найдется кто-то, кого можно обвинить в халатности, в неверном исполнении приказа, разгильдяйстве, трусости и во всех других, известных высокому начальству грехах. Но, когда расписанная по минутам, огромная по количеству участвующих в ней людей и техники стратегическая операция целого фронта срывается из-за банальной нерасторопности или бездействия этого самого начальства, конкретных виновных порой стараются не называть. Просто всем нижестоящим командирам приходится напрягать все свои силы и волю, чтобы спасти положение, потому что они лично отвечают за жизнь каждого своего солдата и за выполнение приказа, несмотря ни на что, ибо остановить спущенный курок уже нельзя.

Однако в этом случае, что бывает редко, высокопоставленные виновные хорошо известны – это все анархистское командование 100-й бригады и командир 21-го корпуса Касадо, которому кроме преступного самоуправства в этом сражении суждено сыграть роковую роль во всей гражданской войне.

Павлито вместе с Листером весь день провели в частях. Подготовка к операции прошла незамеченной противником, и это вроде бы обещало успешное начало. Однако в 100-й бригаде, как они и предполагали, их ждал неприятный сюрприз. Командира и комиссара удалось разыскать не сразу, а когда они явились, оказалось, что оба пьяны. На требование Листера выполнить приказ командования и вывести бойцов на исходные позиции комиссар корпуса заявил, что не желает его выполнять. Листер приказал арестовать его, и после некоторого колебания солдаты взяли его под стражу. Такой решительный шаг командира дивизии произвел большое впечатление на бойцов и командиров, и после разговора с ними, убедившись, что порядок в бригаде восстановлен, Листер вместе с Родимцевым выехали на командный пункт дивизии.

Ночной скрытный марш на Брунете полностью удался. Однако, когда Листер приказал начать штурм, командир 100-й бригады, который занял свое место, вновь начал возражать. Для наведения порядка Листер снова отправился к анархистам, а отец выехал в 1-ю бригаду, наступавшую на главном направлении, которую лишь недавно возглавил молодой майор Родригес.

Отец вспоминал, что перед расставанием Листер подошел к нему и сказал: «Давай обнимемся. В нашем деле всякое бывает». Отец понял, как тревожно на душе у комдива за исход боя, когда ненадежны ни подчиненные, ни соседи.

В пять часов утра передовые отряды бригады вышли на окраины Брунете и захватили первые траншеи. Вскоре весь город

кроме центра был уже в руках республиканцев. Чтобы разобраться в том, что происходит в городе, Родригес вместе с отцом и двумя бойцами направились туда, где слышалась стрельба.

Пробираясь по узкой улочке, они увидели, как навстречу им бегут какие-то люди. Понять кто они – свои или чужие, – было невозможно. Лишь в последний момент Родригес, опознав солдат противника, крикнул: «Павлито, назад!» Отец бросил в толпу франкистов гранату, едва успев спрятаться за угол дома. Четверо фашистов упали, оставшиеся подняли руки. Воспользовавшись их растерянностью, удалось обезоружить и взять в плен одиннадцать человек. Если бы они знали, что на их пути оказались всего четверо плохо вооруженных людей…

Связавшись с Листером, отец узнал, что, несмотря на удачные действия его дивизии, план наступления срывается: некоторые части не выполнили свои задачи, а 34-я дивизия, которая и ранее беспокоила командование, вообще не вела боевых действий!

Положение становилось угрожающим. Две бригады продвинулись вперед на 15 километров, но артиллерия и танкисты отстали. Развивать наступление без их поддержки и при отсутствии успеха у соседей было рискованно – обе бригады могли попасть в окружение.

Наступил критический момент сражения. Листер принял решение: не теряя инициативы, захватить переправы через реку Гвадарраму. Но противник занимал ключевые высоты и отходить не собирался. Два дня бригады безуспешно штурмовали высоты и переправы, но взять их так и не смогли. Республиканские части понесли большие потери, все сильнее давали о себе знать трудности со снабжением. Положение усугублялось страшной жарой и нехваткой воды.

Лишь спустя несколько дней, с прибытием танков и артиллерии республиканцам удалось прорваться к переправам и захватить их. Однако на эти бои было потрачено драгоценное время. Шли дни, но некоторые республиканские части так и не выполнили свои задачи. Этому способствовали разные причины: неуверенное руководство войсками со стороны отдельных командиров, плохо организованное снабжение продовольствием и боеприпасами. Кроме того, в рядах республиканцев появилось много неопытных солдат, которые нередко не выдерживали ударов авиации и огня противника и самовольно оставляли свои позиции. В интербригадах, которые были наиболее боеспособными частями, восполнить потери было некем.

Был и еще один «отличившийся» в этом не достигшем цели сражении. У многих республиканских командиров вызывало недоумение то, что 21-й корпус так и не начал запланированное

наступление, оставшись стоять у Харамы. Командир этого корпуса Касадо своими действиями фактически не только сорвал операцию по окружению и разгрому врага, чем свел на нет героические усилия других частей, но и поставил их перед угрозой окружения.

В свою очередь, националисты и лично Франко придавали Брунетскому направлению огромное значение. Сюда спешно перебрасывались свежие части. Удары с воздуха становились сильнее день ото дня.

11 июля наступление республиканцев прекратилось, и они начали готовиться к обороне. Но ежедневно до 150 самолетов противника продолжали бомбить боевые порядки дивизии Листера вплоть до 18 июля, широко применяя зажигательные бомбы. Горели дома, оливковые рощи, посевы.

Листера вызвали в Мадрид, и отец поехал вместе с ним. На улицах столицы было многолюдно и шумно, работали магазины, театры, кафе. Трудно было представить, что рядом идет война, люди гибнут, страдают от жажды.

Отец зашел в гостиницу, где получил два письма и посылку из Москвы. Затем он отправился на встречу с Малино, которому было важно услышать подробности от непосредственного участника событий.

Прощаясь с ним, Малино сказал:

– Я хотел отправить тебя домой, но Листер просил пока оставить. Сейчас происходит замена наших товарищей. Скоро приедет и твоя замена, поедешь в Москву. А сегодня поезжай в Алкалу, там соберутся наши добровольцы.

В Алкалу – небольшой городок к востоку от Мадрида – отец добрался только вечером. В общежитии за большим столом собрались многие его друзья – Цюрупа, Поль Арман, Хулия, артиллеристы, танкисты, летчики. Присутствовало много вновь прибывших товарищей. Было шумно и весело, все спешили поделиться новостями – с фронта, из Москвы. Отец навсегда запомнил этот вечер и последнюю общую встречу с друзьями на испанской земле. Уже была поздняя ночь, когда он вновь выехал в Брунете.

Доброволец Александр Родимцев отправлялся в свой последний бой на испанской войне. Он уже многое повидал, узнал людей, которые могут то, что по силам не каждому, – стоять насмерть за свой дом, за родину. Он сам стал частью этого боевого братства и уже не мыслил себя в стороне от фронтовых будней, где все подчинено одной цели – выполнить приказ и победить. Но он не мог знать, что судьба уготовила ему последнее испытание, и его дорога домой еще скрыта в дыму разрывов, на

последнем рубеже, где он вступит в смертельную схватку, из которой обязательно нужно выйти живым.

Прибыв на место, отец получил от Листера задание отправиться в 9-ю бригаду, которой командовал его хороший знакомый по гвадалахарскому сражению Пандо.

В три часа ночи 18 июля франкисты атаковали позиции этой бригады и все другие республиканские части. Атака была мощной, к тому же ее не ждали, поскольку противник не имел обыкновения начинать крупное наступление ночью. Таким образом мятежники решили отметить годовщину начала своего путча. Не выдержав сильного удара, все республиканские соединения начали отходить, неся потери.

За сутки мятежники вернули себе ключевые высоты, которые с таким трудом были взяты несколько дней назад. Вслед за этим франкисты бросили в бой свежие силы – наваррские бригады, появление которых оказалось для оборонявшихся полной неожиданностью, и 25 июля овладели Брунете.

В сложившейся ситуации части, состоявшие из анархистов, стали беспорядочно отступать. Воспользовавшись этим, противник попытался окружить часть республиканских войск, в том числе дивизию Листера. Они начали отход, который прикрывали надежные интербригады генералов Вальтера и Клебера.

Далее события разворачивались стремительно. Несмотря на отчаянное сопротивление, враг вплотную приблизился к НП дивизии, где вместе с командованием находился и Родимцев. Листер предпринял попытку остановить отступавших бойцов и бросился к ним. Отец рванулся за ним, но шквальный огонь противника заставил его лечь на землю, и он не смог продвинуться дальше ни на метр.

Отец вернулся на НП. Рядом с ним остался лишь его неотлучный адъютант-переводчик Альберто, сменивший в этой должности Марио. Они видели, как отходят последние солдаты и офицеры 9-й бригады, прикрывая отвод раненых и штаба. Пожалуй, еще можно было подать им сигнал, и если бы они приостановились, то попытаться, если повезет, добежать до них – по открытому пространству под огнем врага. Отец понимал, что слишком много «если», да и людей из прикрытия можно подставить под обстрел.

Я не знаю, как поступили бы на его месте другие, но он приготовил к бою два оставшихся «максима», а про себя решил: «Будь что будет. Приму последний бой здесь». Он посмотрел на Альберто, тот молча кивнул, достал гранаты и положил их рядом с пулеметами.

В их сторону уже бежали с разных сторон фашисты. Это был передовой отряд, вырвавшийся вперед. Перед тем как открыть огонь, отец осмотрелся: больше никого из своих уже не было видно нигде. Поймав в прорезь прицела набегающих солдат противника, он нажал на гашетку. Родимцев стрелял короткими очередями, и так же скупо и метко бил по врагу Альберто. Отец успел про себя подумать: «Молодец, шайтан побери. Не зря я с ним возился».

Потеряв немало своих людей, франкисты приостановились, залегли. Надежды на помощь у отца с Альберто не было, ведь никто не знал, что на НП кто-то остался. Рядом с их окопом стали рваться снаряды. В эти минуты отец думал об одном: «Не подпускать их близко, прижать к земле. Если продержаться до темноты, то можно будет попытаться уйти к своим». Но до этого еще надо было дожить… Нещадно палило солнце. Выручить их мог только кто-нибудь из своих, если они заметят, что здесь идет бой.

Вот что рассказывал про этот бой отец: «Положение наше было исключительно тяжелым. Позже, когда все закончилось, я не мог понять, почему они не попытались покончить с нами. Вероятно, их занимало что-то более важное, чем подавление двух пулеметов посреди выжженного голого склона при сорокаградусной жаре. Мой “вальтер” был со мной. Я давно для себя решил, что живым не дамся».

Они не знали, сколько прошло времени до того момента, когда вражеские солдаты вдруг побежали прочь. Отец услышал выстрелы танковых пушек – справа от них неожиданно пошли вперед интербригадовцы при поддержке нескольких танков. Павлито и Альберто выпустили по длинной очереди вслед убегающим врагам. От раскаленных стволов пулеметов волной поднимался горячий воздух. Страшно хотелось пить. Но воды не было. Лишь несколько глотков пива на двоих из раздобытого где-то Альберто бочонка.

Отец разыскал Листера, и тот сурово выговорил ему за то, что он не отошел вместе со всем штабом и лишь чудом вышел живым из этой переделки. Родимцев хотел было объяснить, как все вышло, но решил, что это лишнее, поскольку все тревоги остались для них с Альберто позади. Но оказалось, что не всем повезло в этот день так, как им, – Листер сообщил печальную новость: погиб командир 9-й бригады Пандо.

Тяжелой болью отозвалась эта весть в душе Александра Родимцева. В скольких сражениях они были рядом, сколько прошли фронтовых дорог – на Хараме, под Гвадалахарой и здесь, у Брунете! Всего пару дней назад они были вместе на одном

рубеже под огнем врага. Они договорились, что постараются встретиться в Мадриде до Сашиного отъезда домой. Замечательный человек, храбрый командир, верный товарищ – таким запомнил мой отец своего боевого соратника Пандо на всю жизнь.

На следующий день франкисты попытались продолжить наступление, но повсюду были остановлены. Брунетское сражение завершилось.

В ходе его республиканцам не удалось добиться поставленных целей: снять осаду Мадрида и разгромить войска мятежников на этом участке фронта. Несогласованность в действиях республиканского командования, слабо подготовленное пополнение, самоуправство анархистов и бездействие некоторых командиров, которое с полным основанием можно назвать предательством, стало причиной тяжелых потерь. Под Брунете республика потеряла почти 25 000 человек убитыми и ранеными и большое количество техники. 11-я дивизия Листера, в которой был и мой отец, потеряла более половины личного состава. Потери франкистов составили около 10 000 человек.

Однако благодаря Брунетской операции удалось на некоторое время предотвратить попытки мятежников организовать новый штурм Мадрида и отсрочить их наступление на севере страны.

С Испанией в сердце

В начале августа 1937 года Родимцева вызвал Малино. Об этом разговоре, волнующем и памятным для отца, он вспоминал: «Малино расспрашивал о подготовке дивизии, справился о здоровье Листера и о моем здоровье. А потом, улыбнувшись, спросил:

– Ну как, товарищ Павлито, не надоело тебе воевать?

– Если дело требует… – начал я.

– Ты хорошо поработал в Испании, – прервал меня Малино. – Советское правительство, учитывая заслуги перед Родиной, наградило тебя за боевые действия против сил фашизма двумя орденами Красного Знамени. Принято решение направить тебя домой. Готовься, Павлито, к отъезду… Ты свой долг перед Родиной выполнил честно и добросовестно».

Отец помнил то радостное волнение от скорой встречи с семьей, друзьями, от высокой оценки его труда, охватившее его. Но к этой огромной радости примешивалось щемящее чувство предстоящего расставания с людьми, которые стали ему близки, с которыми он делил радость побед и горечь потерь. Да и борьба была ведь еще далеко не окончена. Тяжело оставлять друзей, зная, что им предстоит пройти трудный путь, а он уже не сможет встать с ними рядом, чтобы вместе принять на себя огонь врага.

Отец ехал по разрушенным предместьям Мадрида в гостиницу, а мысли его были далеко… Память возвращала его в яростные атаки врага на берегу Мансанареса, в бой за простреляннное насквозь здание телеграфа, на реку Хараму, где он впервые сражался вместе с Пандо, в напряженные и победные дни под Гвадалахарой, в жестокие бои у Брунете, окончившиеся всего несколько дней тому назад.

Многое выпало на долю добровольца Александра Родимцева на испанской земле. Не счесть, сколько раз он рисковал жизнью и был на волосок от гибели. Но он многому научился – принимать решения, выполнять боевые приказы, какими бы трудными и смертельно опасными они ни были, преодолевать себя.

В жестоких боях в Испании впервые проявились черты его воинского характера, которые впоследствии помогли ему стать командиром, за которым в огонь и в воду готовы были идти тысячи его солдат: доскональное знание военного дела, точный расчет, забота о подчиненных, оправданный риск и смекалка, железная дисциплина и личное мужество.

Удивительно, но факт: десятки раз пройдя сквозь бомбежки и обстрелы, сражаясь на передовой под огнем врага, он ни разу не

был ранен, словно был заговоренным. Испанские товарищи считали его «счастливчиком».

О многих боевых эпизодах и переделках, в которых побывал капитан Павлито – Родимцев, уже написано, но есть еще одно очень дорогое свидетельство его мужества, о котором вспоминала женщина, сама являвшаяся образцом смелости. Видевшая много раз Родимцева в боевой обстановке, Мария Фортус рассказывала: «Во время одного из боев мы с капитаном Павлито находились на командном пункте бригады. Вдруг командир бригады Энрике Листер увидел: танки, поддерживающие наступление его бойцов, внезапно изменили направление движения и пошли прямиком туда, где, как нам было известно, расположилась сильная артиллерийская засада противника.

Что делать? Как предупредить танкистов? Радиосвязи с ними нет…

И тут капитан Павлито, не раздумывая, под плотным огнем фашистов бросился наперерез танковой колонне, нагнал переднюю машину, вскочил на броню и начал барабанить в люк… Танкисты были предупреждены и приняли меры, боевую задачу успешно выполнили. А когда Павлито возвратился на командный пункт, на его шинели оказалось множество пулевых и осколочных отметин».

О том, что судьба благоволит смелым и решительным воинам, рассказывал спустя много лет и сам отец: «Среди тех, кто прошел войну с первого до последнего дня, было много отчаянно смелых людей, не раз рисковавших собой. Остаться в живых им помогло не просто везение, их выручало отличное знание своей военной профессии, умение ориентироваться в сложной обстановке, уверенность в своих силах, трезвый расчет. Именно сочетание личного мужества, выдержки и профессионализма выделяло их среди других и помогало выжить в самых невероятных обстоятельствах».

Первым, к кому Родимцев приехал с новостью о скором отъезде, был Листер. Он уже знал об этом и сказал, что уговаривал Малино оставить его, но тот ответил, что Родимцев должен ехать в Москву.

Вместе с Листером он приехал в дивизию. Вокруг было столько знакомых лиц. Офицеры и бойцы жали ему руку, обнимали, говорили простые, искренние, понятные каждому слова. Вспомнили они и о тех знакомых и друзьях, что не пришли проводить его домой. Они остались в могилах, которые разбросала по всей Испании война.

Завершив все дела и попрощавшись со всеми советскими и испанскими друзьями, кого он смог разыскать в Мадриде, в день

отъезда отец заехал еще раз к Листеру в Дом партии. Во время их разговора в комнату вошел молодой человек в форме капрала. Лицо юноши показалось моему отцу знакомым, хотя он точно знал, что не встречался с ним раньше. Листер обнял вошедшего и сказал:

– Познакомься, Павлито. Это Рубен Руис Ибаррури, сын Долорес, нашей Пассионарии.

Теперь отец понял, почему лицо юноши показалось ему знакомым, – он был очень похож на мать. Каково же было его удивление, когда он узнал, что юному капралу всего семнадцать лет! Листер рассказал, что Рубен с тринадцати лет вел подпольную работу, а когда начался мятеж, одним из первых отправился на фронт добровольцем.

На прощание Павлито сказал Рубену:

– Вам надо обязательно учиться военному делу. Надеюсь встретить вас когда-нибудь прославленным командиром.

Судьба распорядилась так, что им довелось встретиться еще несколько раз. И каждый раз эти встречи были сколь неожиданными, столь и радостными для них. Но об этих встречах пойдет речь в других главах книги.

На перроне Мадридского вокзала стояли боевые товарищи, которые пришли проводить домой русских друзей. Долго смотрел Александр в окно уходящего поезда, стараясь лучше запомнить дорогие ему лица, всем сердцем желая им остаться живыми и победить. Он знал, что некоторые из них прямо с вокзала уезжали на фронт.

Путь домой лежал через Валенсию и Барселону. В Валенсии отец пробыл два дня. Он купил подарки жене и дочке, гражданскую одежду для себя. В Барселоне он прошелся по улицам. Это был уже не тот веселый и беззаботный город, который отец впервые увидел одиннадцать месяцев назад. Везде было полно людей в военной форме, проходили колонны солдат, повсюду виднелись следы бомбежек.

Александр Родимцев не мог в тот день представить, что немногим более чем через год, 28 октября 1938 года, по улицам Барселоны, по которым он идет сейчас, парадным маршем пройдут бойцы интернациональных бригад, отдавая прощальный салют своим испанским братьям. Весь город выйдет их провожать, и в благодарность за их мужество и солидарность с народом Испании в борьбе с фашизмом женщины будут дарить им цветы, а мужчины снимут головные уборы и сожмут кулаки в приветственном жесте: «Но пасаран!»

Об этих людях Долорес Ибаррури скажет идущие от сердца,

простые и оттого понятные всем слова:

«Матери! Женщины!.. Когда пройдут годы и залечатся раны войны, когда настоящее свободы, мира и благополучия развеет воспоминание о скорбных и кровавых днях прошлого, когда чувство вражды начнет смягчаться и все испанцы в равной степени почувствуют гордость за свою свободную родину, поведайте, расскажите вашим детям о людях из интернациональных бригад!

Расскажите им, как, преодолевая моря и горы, границы, ощетинившиеся штыками…эти люди пришли на нашу родину, подобно рыцарям свободы, бороться и умирать за свободу и независимость Испании, над которой нависла угроза германского и итальянского фашизма.

Они оставили все: любовь, родину, домашний очаг, свое достояние, матерей, жен, братьев и детей – и пришли, чтобы сказать нам: «Мы тут! Ваше дело, дело Испании, – это общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

На следующий день капитана Павлито – Родимцева доставили на машине в пограничный городок. Здесь он сел во французский поезд и вскоре пересек границу Испании.

Чем же явилась для добровольца Александра Родимцева испанская эпопея? Какой след оставила в его жизни и судьбе эта война, которая стала одним из самых драматичных событий той эпохи, вместившей в себя первую половину XX века и всколыхнувшей не только страны Европы, но и всего мира?

В Испании отец познакомился со многими выдающимися людьми того времени. Среди них прежде всего следует вспомнить советских добровольцев, воевавших вместе с ним на поле боя, и советников, под руководством которых он работал. На стороне республики сражались и оказывали всестороннюю военную помощь свыше двух тысяч советских военных специалистов. Многие из этой плеяды талантливых командиров стали известными военачальниками и внесли огромный вклад в нашу победу в Великой Отечественной войне, а будущие советские маршалы Р.Я. Малиновский и К.А. Мерецков вошли в число одиннадцати выдающихся советских полководцев, награжденных высшей военной наградой – орденом Победы.

Данные о направленных из СССР в Испанию советниках и добровольцах в некоторых иностранных источниках раздуваются до фантастических размеров. В современных отечественных публикациях, в том числе основанных на архивных данных, эти показатели в основном совпадают, отличаясь лишь незначительно. На основании большинства серьезных

исследований с использованием архивных данных можно считать, что их общее количество составило около 2100 человек: 772 летчика, 351 танкист, 222 общевойсковых советника и инструктора, 166 связистов, 77 военных моряков, 141 инженер и рабочий военных заводов, 204 переводчика, более 150 различных других военных специалистов. В боях погибли 127 человек, а общие потери с учетом умерших от ран и пропавших без вести составили 189 человек. Одновременно в Испании в ходе войны находилось 600–800 советских советников и специалистов.

Советские добровольцы сражались с фашизмом в одном строю с лучшими людьми Испании и всего мира, среди которых были и те, чья известность шагнула далеко за пределы их родных стран: Долорес Ибаррури, Матэ Залка, Листер, Модесто, генерал Вальтер, командиры республиканских и интернациональных частей, простые испанцы и испанки, ставшие национальными героями. Мой отец запомнил навсегда десятки имен своих товарищей – советских и зарубежных, с которыми его свела судьба на фронтовых дорогах Испании.

Отцу запомнились встречи с Эрнестом Хемингуэем, работавшим военным корреспондентом. Он часто видел его в кругу друзей и интернационалистов – порой задумчивым, а то веселым и порывистым. Когда отец приступил к написанию воспоминаний об Испании, он прочитал многие его произведения: романы «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол», сценарий «Испанская земля», рассказы.

Все они были людьми одной эпохи – грозной и беспощадной. Они были в первых рядах тех, кто преградил путь фашизму и в конце концов не только уничтожил его, но и объявил эту идеологию вне цивилизации, отправив на скамью подсудимых. Но до этого надо было еще через многое пройти и постараться остаться в живых, не жалея при этом себя.

Встречи с людьми, ставшими живыми легендами, и с простыми бойцами – храбрыми и беззаветными – оставили неизгладимый след в сердце молодого командира Красной армии Александра Родимцева. Эти люди укрепили в нем веру в окончательную победу над фашизмом, научили никогда не отступать и не сдаваться, каким бы сильным не казался враг. Он познал силу фронтового товарищества, увидел и навсегда запомнил, каким должен быть в бою человек, защищающий свою родину и свободу.

Испанская командировка отца продолжалась чуть менее года, но даже за такой малый срок она дала ему бесценный опыт современной войны, оказала огромное влияние на его понимание того, что происходит в политической жизни Европы, придала

новый импульс его стремлению к повышению своего профессионального уровня. Он сам не раз говорил об этом и написал в своей автобиографии: «В Мадриде в районе университетского городка я научился строить упорную оборону… Приходилось организовывать, хотя с малыми силами и средствами, прорыв обороны противника в районе Гвадалахары… Безусловно, практический опыт боевых действий в Испании мне помог в первые дни Великой Отечественной войны в 1941 г.».

Из воспоминаний маршала К.А. Мерецкова: «Об А.И. Родимцеве не раз сообщали в Москву и ходатайствовали о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Известно, как умело и мужественно действовал Родимцев в годы Великой Отечественной войны. Мне кажется в этой связи, что Испания явилась для него отличной боевой школой».

Мне кажется, что на самом деле произошло даже нечто более важное. Советские добровольцы, принимавшие участие в гражданской войне в Испании, независимо от того, работали они в штабах, командовали частями или сражались на поле боя, все они словно заглянули в будущее. И теперь не только гораздо лучше представляли себе врага, с которым рано или поздно им придется иметь дело, но и научились его побеждать.

Именно она – опаленная испанской грозой лейтенантская молодость моего отца – сделала из него настоящего командира и придала его личности те черты, которые определили основу его поведения на протяжении всей воинской службы.

Часть III

Как на медалях, после нас отлитых,
Мы все перед отечеством равны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Расул Гамзатов (советский поэт)

Навстречу испытаниям

Вспоминая возвращение домой из Испании, первое, о чем говорил отец, – это невероятно сильное впечатление от контраста между аккуратными, красивыми и безмятежными городами, деревнями, полями Южной Франции и теми картинами разрушений, пожаров и людского горя, которые ему довелось видеть за последний год.

В Париже отец пробыл несколько дней. Но скучать ему не пришлось. В эти дни в Париже проходила Всемирная выставка, гастролировал МХАТ со всей своей звездной труппой. Отец побывал и на выставке, и на спектакле московских артистов. Перед самым отъездом из Парижа он получил приглашение на прием в советское посольство, который был дан по случаю прибытия во Францию из США летчиков Громова, Данилина и Юмашева, повторивших подвиг Чкаловского экипажа, – совершивших беспосадочный перелет из Москвы в Сан-Джосинто (США) через Северный полюс.

Присутствовало много гостей, в том числе официальных лиц. Внимание всех было приковано к героям-летчикам. Им аплодировали, брали у них автографы, просили сфотографироваться. А затем начался бал. Не умевший хорошо танцевать Александр стоял в стороне вместе с друзьями и смотрел на танцующих. Напротив них расположились артисты МХАТа, которые, по-видимому, обратили внимание на группу молодых мужчин, своим южным загаром заметно выделявшихся среди гостей, и они принялись о чем-то расспрашивать одного из сотрудников посольства. Вскоре большой компанией артисты направились через весь зал в их сторону. После взаимных приветствий завязалась беседа, а когда вновь зазвучала музыка, мхатовская прима Алла Тарасова подошла к Родимцеву и пригласила его на танец. Отказываться было неудобно, и Александр, в страшном волнении от предстоящего испытания, медленно и торжественно закружился с ней по залу.

Спустя много лет Александр Ильич с присущим ему юмором так рассказывал об этом эпизоде в кругу семьи: «Я не помню, под какую музыку мы танцевали. Я только помню, что изо всех сил старался не наступить Алле Константиновне на ногу. Но, на мое счастье, она танцевала так замечательно и была так деликатна, что все обошлось. А благодаря ее обаянию и манере держаться никто, кажется, и не обратил внимания на мою неспособность танцевать, поскольку все смотрели только на нее. Тяжелое это было испытание!»

В Москву отец выехал вместе с летчиками. На всем пути следования, в крупных городах и на небольших станциях, где останавливался поезд, тысячи людей приходили на вокзалы, чтобы поприветствовать Громова, Данилина и Юмашева, услышать их, подарить цветы.

В пути отец ближе познакомился с прославленными авиаторами, которые, несмотря на обрушившуюся на них всемирную славу, вели себя просто и скромно, с удовольствием общались со своими попутчиками, рассказывали о перелете, с большим интересом слушали его рассказы о событиях в Испании.

Особенно торжественно встречали героев-летчиков на советской земле. А когда поезд прибыл в Москву, на Белорусском вокзале собрались тысячи людей, гремела музыка, переливалось море цветов.

Наконец торжественная встреча завершилась. Как и предполагал Родимцев, его тоже встречали. На перроне к нему подошел незнакомый человек, поздоровался и сказал:

– Сейчас едем к командованию, а потом отдыхать.

Завершив дела, отец вышел на улицу и бросился ловить такси. Выйдя из машины у своего дома, он взлетел на третий этаж и позвонил. Но дверь никто не открыл. Немало удивленные его неожиданным появлением соседи, сообщили, что его семья выехала вместе с воинской частью в летние лагеря.

Оставив вещи у соседей и взяв только подарки для жены и дочери, отец поехал за город на электричке. От станции он шел пешком и, когда подошел к дому, была уже глубокая ночь. С трудом найдя дверь, он постучал, но никто долго не отзывался. Когда же Катя подошла к двери, она не сразу узнала его голос. Наконец поняв, кто это стучит, она открыла дверь, обняла мужа и заплакала.

Положенный отцу после возвращения отпуск родители провели в подмосковном санатории «Архангельское». Их первый совместный отдых получился необыкновенным, можно даже сказать, уникальным. Находясь здесь, он узнал, что ему присвоено звание майора. Но это было далеко не все. За время отдыха его дважды вызвали в Москву, в Кремль. В первый раз председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин вручил ему сразу два ордена Красного Знамени. Во время второго посещения, Михаил Иванович, пожав майору Родимцеву руку, слегка улыбнулся и произнес:

– Часто встречаемся, товарищ Родимцев!

И вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Александр Родимцев стал сорок пятым гражданином нашей

страны, отмеченным высшей наградой Родины. В то время появление в любом месте человека со Звездой Героя на груди привлекало всеобщее внимание, на них смотрели и относились к ним так, как в 60-е годы мы к героям-космонавтам.

После возвращения в свою часть из отпуска отец был назначен командиром кавалерийского полка. Но на этой должности он пробыл недолго. Уже в январе 1938 года он был зачислен слушателем Военной академии имени Фрунзе.

Начинался новый этап в жизни Александра Родимцева. В академии учились многие его друзья, с которыми он вместе сражался в Испании, – Николай Гурьев, Дмитрий Цюрупа, Дмитрий Погодин, Иван Татаринов, другие советские добровольцы. По выходным они часто собирались или в квартире у Димы Цюрупы, или в академическом общежитии. Породненные испытаниями, выпавшими на их долю, они на всю жизнь сохранили свою дружбу. Они понимали, что схватка с фашизмом еще далеко не окончена и боевой опыт, обретенный на испанской земле, уже очень скоро им пригодится.

Тяжело переживали друзья поражение республиканской армии и трагическую судьбу борцов с фашизмом. После прихода к власти Франко тысячи защитников республики были казнены или брошены в тюрьмы.

Главными причинами такого поворота событий стали не разногласия в стане республиканцев и даже не прямое предательство интересов республики отдельными политиками, что, безусловно, наносило огромный вред делу борьбы с мятежниками, а политические интриги и позиция правительств западноевропейских стран, более всего стремившихся не допустить усиления роли коммунистов в Испании и влияния Советского Союза в Европе. В результате не был дан отпор вероломному поведению франкистов и их немецких и итальянских союзников, нарушивших достигнутые договоренности о выводе иностранных войск из Испании. Добровольческие интербригады покинули страну, а союзные мятежникам войска Германии и Италии отказались это сделать. Ситуация на фронтах резко изменилась в пользу фашистов.

Во время гражданской войны в Испании Советский Союз помогал законному, демократически избранному правительству этой страны, а Германия и Италия – мятежникам. Открыв дорогу фашистской диктатуре в Испании, западные державы подтолкнули фашистские режимы Германии и Италии к новой экспансии.

Память о сорока тысячах добровольцев, сражавшихся с фашизмом в Испании, вплоть до наших дней эхом отзывается во

всех странах мира, откуда они отправились на борьбу за свободу испанского народа. Гражданская война в Испании явилась не только одним из самых важных и драматичных, но также и одним из наиболее обсуждаемых событий XX века.

Но одна, главная, мысль объединяет все, что сказано честными людьми из разных стран – политиками, ветеранами, деятелями культуры, представителями общественных организаций в отношении гражданской войны в Испании за прошедшие восемьдесят лет со дня ее начала: ЕСЛИ БЫ ТОГДА УДАЛОСЬ ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ ОСТАНОВИТЬ ФАШИЗМ, ТО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ МОЖНО БЫЛО ПРЕДОТВРАТИТЬ.

После осознания этого все дальнейшие рассуждения об «особых интересах Москвы», о которых, в оправдание политики правительств своих стран в испанских событиях, западными исследователями написано множество монографий, выглядят явно идеологизированными и предательскими по отношению к борьбе лучших сынов и дочерей всего мира с чумой фашизма. Они не имеют ничего общего с беспристрастным историческим исследованием.

Понимание сути и масштаба происходивших на испанской земле событий подвластно не только историкам и специалистам, но и обыкновенным людям, которые способны увидеть роль каждого государства и отдельных личностей в переломные моменты истории, опираясь на здравый смысл и общечеловеческие ценности. Мы можем гордиться ролью, которую сыграла в той войне против общего врага наша страна, независимо от каких бы то ни было политических пристрастий, – мы были в одном строю с лучшими людьми мира.

Окончив академию с отличием, отец продолжил службу в Белорусском особом военном округе в должности помощника командира 36-й кавалерийской дивизии. Он участвовал в освободительном походе Красной армии в Западную Белоруссию, а в марте 1940 г. несколько недель находился в войсках, принимавших участие в советско-финской войне.

К тому времени имя Александра Родимцева – испанского героя – приобрело широкую известность в стране. Подтверждением этого является тот факт, что именно ему было предоставлено право выступить с приветственной речью от имени Вооруженных сил на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г.

В октябре 1940 года в судьбе моего отца вновь произошел крутой поворот. Ему предложили пройти обучение на курсах командного и штурманского состава ВВС при Военной академии им. Н.Е. Жуковского. Это был период активного строительства

воздушно-десантных войск, требовались командирские кадры, желательно с боевым опытом. Нужно было переквалифицироваться из кавалериста и пулеметчика в десантника.

Отец начал осваивать то, о чем мечтал в детстве, – прыжки с парашютом. Тренировки шли с утра до вечера. Однажды, вспоминал отец, случилась беда: разбился один из слушателей. Сразу после этого взлетела группа, в которой был и Родимцев. Пока набирали высоту, в самолете царила тишина. Когда раздалась команда – «приготовиться к прыжку», отец первым шагнул к открывшейся двери. Произнеся свое знаменитое: «Шайтан побери!», он затем воскликнул: «За мной, ребята, я пошел!» Вся группа успешно выполнила прыжок. Полученным после учебы значком инструктора-парашютиста отец гордился не меньше, чем другими своими наградами.

В мае 1941 г. полковник Родимцев был назначен командиром 5-й воздушно-десантной бригады, которая входила в состав 3-го воздушно-десантного корпуса. Части корпуса дислоцировались в Одесском особом военном округе, а штаб находился в городке Первомайске Николаевской области.

Об этих последних мирных днях и своем новом месте службы отец вспоминал: «Казалось бы, еще совсем недавно, будучи рядовым солдатом, я мечтал о службе в воздушно-десантных войсках… А теперь, оказывается, я перевыполнил свою мечту: стал одним из командиров наших молодых воздушно-десантных войск, служба в которых считалась среди военных ответственной и почетной. В те дни я был совершенно счастлив. Во-первых, мне предстояло служить с отлично подготовленными бойцами. Во-вторых, я впервые получил возможность проявить себя на самостоятельной работе».

Провожали отца на новое место службы на Киевском вокзале столицы самые близкие люди – жена и два друга, вместе с которыми он воевал в Испании. Друзья жали руки, а жена, обнимая, говорила: «Устраивайся, а через месяц жди меня». Отец навсегда запомнил их молодые, жизнерадостные лица и напутственные слова, полные надежд на будущее.

С женой отец встретился только почти два года спустя, и то лишь на несколько дней, чтобы затем расстаться еще на два года, а дорогих его сердцу друзей ему не довелось больше увидеть никогда…

Родимцев принял бригаду 17 мая 1941 года. Впоследствии отец написал в своих мемуарах о том, что ему пришлось внести серьезные изменения в обучение личного состава. Он видел, что основной упор делался на парашютную подготовку и

десантирование, но опыт боев в Испании подсказывал ему, что этого недостаточно. Ведь после приземления десантник должен сражаться на земле, на незнакомой местности, вероятнее всего, с превосходящими силами противника, а значит, бойцы должны не только отлично владеть всеми видами оружия, но и приемами рукопашного боя, маскировки, быть тактически грамотным и в наступлении, и в обороне. Несмотря на то что учеба по-новому продолжалась в мирное время совсем недолго, отцу вместе с помощниками и младшими командирами удалось внести коррективы в подготовку своих десантников. Однако отец видел, что некоторые офицеры восприняли его указания о необходимости воспитания у бойцов навыков боя на земле без энтузиазма. Им нравились прыжки, и они считали это главным для десанта. Но отец твердо стоял на своем, рассказывал бойцам и командирам об опыте боев в Испании, и вскоре они стали понимать его правоту.

Несмотря на хорошие результаты, показанные бригадой на учениях, отличное владение личного состава оружием, грамотные действия штабов, работы впереди было еще много. Но, как рассказывал отец, в июньские дни 1941 года по многим приметам, не представлявшим, казалось бы, по отдельности ничего тревожного, складывалась картина некоего напряжения, неясной тревоги. Это и появление иностранных самолетов, прилетавших с запада и улетавших в том же направлении, и разговор с командующим Одесским военным округом генерал-полковником Черевиченко, в котором он требовал выдержки, чтобы оттянуть начало надвигавшейся войны, и прибытие в штаб округа множества офицеров в полевой форме с чемоданчиками, с которыми побеседовал отец. Они выезжали в войска, стоявшие у западных границ.

Через несколько дней время, отпущенное на подготовку к войне, закончилось. Начались годы испытаний.

Сорок первый

«22 июня утром я, как обычно, пришел в штаб бригады. Тот день запомнился мне до мельчайших подробностей, хотя в обстановке штаба не произошло никаких перемен. Вот и сейчас вижу просторную светлую комнату в три окна, большую карту Украины на стене, над картой – портрет Ленина. На столах ни одной бумажки. Мерно постукивают часы. Молчат телефонные аппараты.

Оперативный дежурный, стройный сероглазый капитан, почти бросается мне навстречу. Я успеваю заметить, как дрожат его губы…

– Сегодня в четыре часа утра немецко-фашистские войска нарушили государственную границу СССР…

Я сразу же останавливаюсь, как от толчка в грудь, некоторое время молча смотрю на дежурного офицера. Чувствую, как замирает сердце, словно я падаю с большой высоты.

Война полыхала уже несколько часов… С нетерпением ждал распоряжений из штаба корпуса. Но телефон молчал. Несколько раз порывался снять трубку телефона и опускал руку. Но все же не выдержал, позвонил полковнику Косинюку (начальнику штаба корпуса). Он только что приехал из Одессы.

– Сейчас разберусь с делами, – глухо ответил он. – Потом позвоню вам.

В кабинет вошли батальонный комиссар Чернышев и начальник штаба бригады майор Борисов. Они замерли в непривычном, тяжелом молчании… Решили собрать совещание всех командиров и комиссаров частей».

Это цитата из воспоминаний моего отца, в тот момент – полковника Александра Родимцева, командира 5-й воздушно-десантной бригады. В тысячах книг описан этот день. У каждого, кто пережил 22 июня 1941 года и сумел затем о нем рассказать, есть своя память об этом дне.

Я начал главу о Великой Отечественной войне словами отца. И потому, что это рассказ очевидца, и потому, что описывать своими словами состояние человека в ту минуту, когда он узнает такую весть, было бы неправильно. Но не вспомнить этот день, являющийся одним из самых памятных и трагических в истории нашей страны, и то, как прожил его отец, на которого была возложена ответственность за тысячи судеб бойцов и командиров, не вспомнить его нельзя.

22 июня ни в Москве, ни в Киеве командование еще не знало истинного положения дел и тем более не ожидало

катастрофического развития событий в ближайшие дни. А потому, как следовало из полученного вскоре из штаба корпуса распоряжения Москвы, предполагалось, что бригаде предстоит десантироваться. Полностью этот документ гласил: «Разъяснить всему личному составу цели и задачи войны с гитлеровской Германией; немедленно принять меры к рассредоточению частей; пересмотреть программу боевой подготовки в сторону резкого сокращения ее. Главное – подготовка всего личного состава к десантированию».

В 5-й воздушно-десантной бригаде полковника Родимцева, так же как и в вышестоящих штабах, не могли предположить, что уже через две недели они покинут Первомайск, двигаясь вовсе не на запад и отнюдь не в качестве воздушного десанта.

Из полученных указаний следовало, что бригада пока остается на месте. Шли первые дни войны, но в жизни бригады видимых перемен будто не произошло. Только боевая учеба велась еще интенсивнее. Командиры повысили требовательность, бойцы отрабатывали упражнения с большей собранностью и усердием.

Сказать, что они рвались в бой, значит не сказать ничего. Как рассказывал отец, люди тяжело переживали свое положение солдат, готовых сражаться, но обязанных подчиняться приказу и оставаться в тылу. Бойцы каждый день обращались к отцу и другим командирам с вопросами о том, что происходит на фронте и когда они туда отправятся. В эти дни, когда в сводках Совинформбюро ежедневно сообщалось об оставлении нашими войсками все новых городов, а люди сжимали в бессилии кулаки и жили одним желанием – сражаться с врагом, поддерживать нормальную обстановку в бригаде, отцу помогали офицеры, ставшие его опорой. Со многими из них ему предстояло пройти через грядущие сражения: начальник штаба, однокурсник отца по академии им. М.В. Фрунзе Владимир Борисов, начальник политотдела Григорий Марченко, комиссар бригады Федор Чернышев, начальник оперативного отделения Иван Самчук, с которым у моего отца сохранилась близкая дружба на всю жизнь. Среди командиров других подразделений выделялся своим высокопрофессиональным отношением к делу и требовательностью к подчиненным начальник санитарной службы Иван Охлобыстин.

Для нынешнего поколения читателей будет интересно узнать, что военврач Иван Иванович Охлобыстин, воевавший долгое время под началом А.И. Родимцева, является отцом известного российского сценариста, режиссера, писателя и актера Ивана Охлобыстина.

Между тем немецкая группа армий «Юг» стремительно наступала в направлении Киева. Несмотря на героическое сопротивление советских войск в районах Луцка, Ровно, Дубно, где на протяжении нескольких дней не прекращалось одно из крупнейших в Великой Отечественной войне танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовали тысячи танков, гитлеровцы прорвали нашу оборону и в ночь на 11 июля вышли к предместьям Киева. Однако с ходу ворваться в город немцам не удалось.

Вечером 9 июля отца и командиров двух других воздушно-десантных бригад вызвали в штаб корпуса, где им сообщили о том, что получен приказ о переброске их под Киев, в район Бровары-Борисполь. Показательно, что и на этом совещании командир одной из бригад высказал уверенность, что их не будут использовать как пехотную часть, а используют для других задач. Они даже представить себе не могли, что десантироваться с самолетов они не будут уже никогда!

Отец рассказывал, что перед погрузкой в эшелоны он посоветовался с начальником штаба корпуса о том, брать ли с собой парашюты. Не могли десантники просто так бросить предмет своей любви и гордости! Еще теплилась надежда, что они могут пригодиться. Было решено взять половину снаряжения, а остальное сдать на склад. Никто из начальства и тех, кто был тогда рядом с отцом, не думал, что через несколько дней в город войдут гитлеровцы.

И уж тем более никому не дано было заглянуть на несколько лет вперед – в март 1944 года, когда в ходе сражений на земле Украины гвардейский стрелковый корпус под командованием моего отца освободит от фашистов этот городок на берегу Южного Буга, а он вспомнит горячее, незабываемое лето 41-го года.

Уже при погрузке в вагоны бригада Родимцева попала под жестокую бомбежку, которая продолжалась на всем пути. Видя разбитые станции и города, беженцев с детьми, отец вспомнил Испанию, где он впервые наблюдал такую же трагическую картину, а в его бригаде уже были первые потери.

В штабе Юго-Западного фронта, находившемся в Броварах, отец был принят начальником оперативного управления полковником И.Х. Баграмяном и командующим фронтом генерал-полковником М.П. Кирпоносом. Ознакомив его с обстановкой на фронте, командующий подчеркнул, что их корпус предполагается использовать как воздушно-десантную часть, отметив, однако, что при ухудшении обстановки не исключено их участие в обороне Киева вместе с пехотой. Но уже через несколько минут у отца

состоялся разговор с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом М.А. Пуркаевым, который, выслушав его доклад о состоянии бригады, сообщил, что пока они будут находиться в резерве, а затем, как вспоминал отец, между ними состоялся разговор, для него несколько неожиданный:

«…Генерал Пуркаев спросил:

– Так, значит, привезли с собой 1700 парашютов? А где же ваша артиллерия, товарищ полковник?

Я ответил, что положенная по штату артиллерия доставлена полностью, а парашюты взяты на случай, если придется десантироваться.

Пуркаев рассмеялся.

– Десантироваться! Да сейчас такая обстановка, товарищ Родимцев, что и без прыжков очень легко можно оказаться в тылу противника. Некоторые из наших частей и даже соединений уже находятся в окружении. А вы собираетесь прыгать… Вам следовало бы побольше иметь артиллерии и автоматического оружия!»

Но затем, уже мягче, он сказал, что бригаде надо готовиться драться с хорошо вооруженным противником тем, что есть. Вот так в течение часа отец услышал от руководства фронта несколько мнений о той задаче, которую придется выполнять. И если М.П. Кирпонос, руководствуясь, по-видимому, известными ему директивами, еще допускал возможность применения воздушно-десантных войск по прямому назначению, то генерал М.А. Пуркаев уже был уверен, что это исключено.

Через несколько дней 3-й воздушно-десантный корпус, включая бригаду Родимцева, занял оборону у местечка Иванкова. Сбывалось предсказание командования фронта о том, что драться десантникам придется как пехотным войскам. Однако обороняться на этих позициях, построенных в короткий срок собственными руками с помощью местных жителей, им не пришлось. В начале августа обстановка на подступах к Киеву резко обострилась, противник ворвался в пригороды. Поступило распоряжение корпусу срочно направиться в Киев.

6 августа отец по приказу штаба фронта явился к командующему 37-й армией, в подчинение которого передавалась его бригада. Этот визит запомнился моему отцу надолго. По его словам, ни до, ни после он не встречал в советском штабе такого беспорядка, будто накануне бегства, и такого откровенно неприязненного отношения к себе. Когда вместе с комиссаром Чернышевым они вошли в кабинет, их встретил сам командующий армией генерал Власов. Отец вспоминал, что Власов, неожиданно для них, почему-то сразу начал разговор в

грубоватом, высокомерном тоне, так, словно перед ним были провинившиеся в чем-то подчиненные. В какой-то момент он подошел к отцу вплотную, пристально поглядел на него и с непонятной в этой ситуации усмешкой произнес: «Так вот какой ты, Родимцев… испанский герой!» После этого он вдруг в резкой форме потребовал беспрекословного себе подчинения, сказав, что именно он представляет киевскую власть. Это заявление было не только неожиданным, но и настолько вызывающим и даже, как им показалось, провокационным, что они вынуждены были возразить, сказав о состоявшейся ранее встрече с командованием фронта, а также о том, что в городе находятся партийные и советские органы, которые тоже занимаются вопросами обороны и снабжением частей и с которыми у них налажено взаимодействие. Никаких распоряжений о боевой задаче бригады они не получили. Было лишь приказано обратиться к командиру 147-й дивизии, в оперативное подчинение которого поступала бригада.

Такой оказалась встреча Родимцева с Власовым, в отношении которого в последние годы появляются материалы, чуть ли не обеляющие его. Но, по мнению моего отца, и я с ним полностью согласен, у этого бывшего генерала есть только одно звание, которому нет оправдания, – предатель.

И надо же было так сложиться боевому пути моего отца, чтобы в мае 1945 года, когда 32-й гвардейский стрелковый корпус под его командованием спешил на помощь восставшей Праге, наша часть, действовавшая неподалеку, поймала этого гитлеровского приспешника, пытавшегося скрыться от советских войск в американской зоне на территории Чехословакии, о чем мой отец с удовлетворением узнал одним из первых.

Полковник Потехин, командир дивизии, вместе с которой предстояло действовать бригаде Родимцева, поставил им первую боевую задачу – очистить от фашистских автоматчиков Голосеевский лес на окраине Киева и выбить их из здания сельхозинститута. Начинать боевые действия надо было в лесном массиве, да еще и в ночное время. Это сильно осложняло управление частями, но давало и некоторые преимущества. Было известно, что немцы избегают воевать в лесу, да и ночной атаки они вряд ли ожидают. Не смогут они использовать и свое преимущество в воздухе.

В 21 час восьмого августа десантники Родимцева атаковали врага. Внезапность, быстрота, слаженность обеспечили успех сражения. К утру задача была выполнена, а противник отброшен от города на 2–3 километра. Как выяснилось, гитлеровцы совершенно не ожидали ночного удара, в результате чего наши

бойцы захватили много пленных.

Но битва за Киев еще только разгоралась. Из воспоминаний отца: «Дальнейшие события разворачивались со все нарастающим напряжением. Противник решил любой ценой захватить утраченные позиции. В течение двух суток он предпринял несколько мощных контратак, но все они были отбиты нашими десантниками. Не отошли ни на шаг и соседи – 6-я и 212-я воздушно-десантные бригады нашего корпуса. Теперь бойцы моей бригады почувствовали себя увереннее. Да и дела пошли веселее. Мы стали вести наступление при поддержке артиллеристов при полном с ними взаимодействии».

Но случались и тяжелые, вызванные неопытностью и горячностью младших командиров потери. На третий день боевых действий бригады почти полностью полегла рота капитана Никифорова. На их участке немцы начали поспешно отходить, изображая бегство. Увлекшись преследованием, не оценив обстановки, наши бойцы попались в ловушку – оставшиеся в окопах вражеские пулеметчики и автоматчики открыли по ним губительный огонь почти в упор. Это был жестокий и поучительный урок.

В тот же день стало известно о том, что гитлеровцы готовят решительное наступление. Командование предупредило Родимцева, что, по данным разведки, главный удар, вероятнее всего, придется в полосе его бригады, на участке, который обороняли курсанты. Это были совсем молодые ребята из бригадной школы. Отец и его заместители не спали всю ночь, руководили подготовкой обороны. И хотя все, что требовалось, было выполнено и лично проверено, тревога не утихала. Устоят ли ребята, как поведут себя в первом для них бою?

На рассвете 13 августа после бомбежки и артобстрела на позиции курсантов ринулись более двадцати танков и бронемашин с автоматчиками. Но ребята не подвели. Подпустив врага на предельно малую дистанцию, так, что отец, видя, что молчит вся наша оборона, уже бросился к телефону, артиллеристы и курсанты дали мощный залп. Противник отступил. Несколько раз в течение дня немцы повторили атаки, но, потеряв почти полтысячи человек, прорвать оборону бригады так и не смогли.

Вскоре разведка доложила, что немцы переходят к обороне. Эту новость от командиров мгновенно узнали все бойцы. Каждому было ясно, если, дойдя до окраины Киева фашисты собираются обороняться, значит, досталось им сполна от защитников города. Однако успокаиваться на этом было не в характере отца и его подчиненных, хорошо понимавших своего

командира. Он считал, что еще большего успеха можно достичь, начав как можно быстрее наступление. Ведь противник наверняка не ждет, что десантники могут наступать после тяжелых боев в обороне. Это подсказывал ему испанский опыт – он многому там научился. Он вспомнил сражения под Мадридом, на Хараме и у Гвадалахары, когда промедление стоило республиканцам упущенных побед и возможностей. Свое решение Родимцев обсудил с командиром дивизии, встретив его полное понимание и поддержку.

Менее чем через сутки десантники Родимцева атаковали противника. Расчет оказался верен. Удар наших войск обратил гитлеровцев в бегство. Успеху наступления во многом способствовало применение ракетных установок «катюш». Отец и его подчиненные именно здесь впервые увидели это мощное оружие. Как рассказывал отец, бойцы испытали огромный эмоциональный подъем, увидев горящие в лавине огня укрепления и технику врага.

В течение двадцати дней бригада Родимцева вела непрерывные бои. В своей автобиографии отец отметил, что именно тогда ему впервые довелось увидеть рукопашный бой. О результатах этих сражений он писал: «Третий воздушно-десантный корпус наступал. И когда? В августе сорок первого! Мы прошли с боями 15 километров. Кто участвовал в Отечественной войне, тот никогда не забудет этот трагический месяц и поймет, что значило для той поры идти на запад».

В ходе наступления десантники освободили множество населенных пунктов. Это имело не только военное значение, но и позволило большому количеству жителей, не успевших эвакуироваться, уйти на восток. Одной только этой причины достаточно, чтобы оправдать их стремление отбросить врага как можно дальше, а не просто обороняться.

В один из первых дней боев в бригаду Родимцева через линию фронта из поселка Мышеловка, находившегося на окраине Киева, пробрались рабочий Кирилл Соловей со своей шестнадцатилетней племянницей Машей Боровиченко. Как выяснилось, они старались не просто пробиться к своим, но и запомнить все, что увидели в расположении немцев. Их сведения уже очень скоро помогли бригаде. О первой встрече с Машенькой, как сразу назвали ее бойцы, отец вспоминал: «Девочка, еще подросток, смуглая и хрупкая, в ситцевом платьице, без косынки, босая смотрела на меня и на разведчика капитана Питерских с доверчивостью ребенка… Машенька попросилась к нам в медсанбат. Вскоре она стала опытной и смелой медсестрой, и

многие воины обязаны ей жизнью. В бригаде ее прозвали «Машенькой из Мышеловки». С нами она прошла почти весь трудный боевой путь, участвовала в сражениях за Конотоп, Харьков, Тим, в генеральной битве на Волге. Ей многое довелось пережить, но я никогда не видел ее в растерянности или унынии – эта маленькая киевлянка научилась воевать».

Как один из самых незабываемых моментов фронтовой жизни вспоминал отец встречу с Машей во время тяжелых боев на реке Сейм осенью 1941 года. Среди сандружинниц, выносящих раненых, отец увидел и ее, но не узнал сразу в военной, подогнанной по маленькой фигурке форме. Начальник санитарной службы И.И. Охлобыстин на его вопрос о том, кто эта девушка, лицо которой показалось ему знакомым, ответил, что это абсолютно бесстрашная девочка, настоящий орленок, она оказала помощь и вынесла с поля боя десять тяжелораненых за один день, вот только жаль, новую шинель ей немцы продырявили. Охлобыстин окликнул Машу, а когда она подошла к ним, отец вспомнил Голосеевский лес и испуганную девчушку: «Так вот это кто! Машенька из Мышеловки!» Она удивленно всплеснула руками: «Вы до сих пор меня помните?» Увидев, что Родимцев посмотрел на пробитую шинель, она смутилась: «Ничего, товарищ полковник, я это зашью в свободное время…»

В своих воспоминаниях отец написал об этом эпизоде: «За короткое время войны я увидел много трогающих сердце сцен… Но, пожалуй, впервые я был тронут так глубоко обликом этой девочки на переднем крае, почти ребенка, смущенной, что не успела заштопать пробитую немецкими пулями шинель».

В боях на Курской дуге Машенька, спасая раненого офицера, гранатой остановила фашистский танк, надвигавшийся на них, но в то же мгновение рядом разорвался снаряд. Осколок ударил ей в сердце. Она упала, прикрыв собой лейтенанта. Раненый остался жив, а она, наверное, даже не почувствовала боли.

В 60-е годы отец проходил службу в Киевском военном округе. Часто приезжая в столицу Украины, он побывал в родном селе Маши, о которой всегда помнил. Однажды, в разговоре с украинским поэтом Максимом Рыльским, отец сказал: «Некоторые полагают, что генералу со своего КП отдельного солдата не разглядеть. Это неверно: генерал тоже был солдатом, и для обоих слова присяги есть мера жизни и высший закон. Именно потому, что мне были видны и остались памятными дела отдельных солдат, следует сказать о них благодарное слово. Этого слова заслуживает и Машенька из Мышеловки».

Отец выполнил своей долг перед юной разведчицей и

санитаркой, любимицей своих гвардейцев. Он написал о ней повесть, которая так и называется – «Машенька из Мышеловки». Его венок-повесть в память о Маше не осталась незамеченной. По этой книге был снят художественный фильм «Нет неизвестных солдат».

8 мая 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Марии Боровиченко присвоено (посмертно) звание Героя Советского Союза. Ее именем названа улица в Киеве, по которой она ходила в школу, а возле нее земляки поставили ей памятник.

Как показали дальнейшие события, войска фронта оказались не в состоянии долго сдерживать противника, а тем более наступать. Но своим порывом они намного продлили киевскую оборону, которая продолжалась 83 дня. И не их вина, так же как и не вина других соединений и командования Юго-Западного фронта, в том, что большинству защитников города пришлось заплатить слишком высокую цену за промедление с организованным отходом, который был необходим ради спасения войск и гражданских людей.

В боях за Киев гитлеровцы потеряли 10 дивизий, много танков и другой техники. Начальник генерального штаба германской армии генерал-полковник Гальдер назвал битву под Киевом «величайшей стратегической ошибкой в восточном походе». Откуда, казалось бы, такая суровая оценка? Ведь город был вскоре захвачен немцами. Со всей ясностью ответил после войны на этот вопрос другой участник тех событий – генерал Бутлар, написав, что в результате упорного сопротивления Красной армии, на которое натолкнулись фашистские войска под Киевом, «немцы потеряли несколько недель для подготовки и проведения наступления на Москву, что, по-видимому, немало способствовало его провалу».

Безуспешные попытки овладеть Киевом вынудили гитлеровское командование серьезно изменить свои первоначальные планы. Воспользовавшись тем, что танковая группа Клейста захватила плацдарм на левом берегу Днепра южнее Киева, они повернули ее на север. Навстречу им с севера на юг двинулись 2-я полевая армия и танковая группа Гудериана, снятые с московского направления. Это означало реальную угрозу окружения всего Юго-Западного фронта. Стрелы немецкого кольца должны были замкнуться в районе Конотопа.

Именно туда, в район Конотопа, в конце августа был выведен в резерв 3-й воздушно-десантный корпус, вошедший теперь в состав 40-й армии генерала К.П. Подласа. Уже через несколько дней всему корпусу, включая подчиненных Родимцева, придется

пройти через такие испытания, которые еще недавно они и представить себе не могли. Определение положения корпуса словом «резерв» скоро никто даже не вспомнит. Это оказалось самое пекло.

На 40-ю армию обрушился основной удар танков Гудериана. 3 сентября отец получил приказ командарма занять своей бригадой оборону на реке Сейм. Утром следующего дня отцу позвонил назначенный командиром корпуса полковник И.И. Затевахин и сообщил, что главный удар, вероятнее всего, придется по его бригаде, пообещав прислать на помощь роту танков.

О том, в каких условиях им пришлось сражаться на этом рубеже, отец впоследствии вспоминал: «Я знал, что и у Затевахина, и у командующего армией, да, пожалуй, и у штаба фронта резервов нет. Рота танков – так рота танков. И на том спасибо!

Начальник штаба бригады Борисов доложил: левее нас 21-я армия ведет тяжелые бои с превосходящими силами противника, а на нашем правом фланге образовался разрыв в 40 километров. На вопрос о том, как он оценивает обстановку, Борисов ответил:

– Я думаю, наконец-то сбудется мечта наших десантников. Мы наверняка будем драться в тылу противника. И не придется нам на ТБ-3 в воздухе болтаться и собирать бойцов после приземления… Воюй себе в тылу противника сколько твоей душе угодно!

Комиссар Чернышев, казалось, не понял шутки…

Меня не раз спрашивали, какой смысл было держать оборону нашей бригаде на главном участке прорыва танковых войск Гудериана, на Сейме, при более чем 30-кратном превосходстве противника.

Я обычно отвечал так:

– Во-первых, Гудериан нам не докладывал, что он будет наступать именно здесь. Во-вторых, есть суровые законы войны – стоять там, где тебя поставили. Даже если ты не уверен, что останешься жив. В-третьих, за два дня боя мы нанесли противнику значительный урон, уничтожив около двух тысяч солдат и офицеров и свыше 30 танков».

После полудня 8 сентября, когда немецкие войска наладили переправы через Сейм, их авиация принялась обрабатывать позиции бригады. По рассказам отца, такой ожесточенной непрерывной бомбежки они на себе еще не испытывали. Она продолжалась более четырех часов. За все это время выйти из укрытий было физически невозможно. Отец и несколько штабных офицеров оказались почти погребенными заживо в обрушенном

блиндаже, задыхаясь в дыму и пыли. Некоторых людей засыпало землей так, что их пришлось откапывать из песка и приводить в чувство, а потом всем вместе расчищать вход в блиндаж, который сровняло с землей. Но больше всего отца беспокоила мысль о том, что же происходило на передовой. Из полученных сообщений стало ясно, что бригада удержала позиции, но потери были большими…

Наутро следующего дня все повторилось сначала. С той только разницей, что, не дожидаясь окончания авиационного налета, по нашим позициям ударила немецкая артиллерия. Весь передний край утонул в тучах пыли и дыма. За это время 3-я танковая дивизия Моделя и части 2-й полевой армии форсировали Сейм и двинулись в направлении Конотопа. Лавина танков и мотопехоты шла прямо на позиции бригады.

Десантники дрались умело и бесстрашно, но их ряды таяли, и Родимцев ничем не мог помочь своим батальонам – ни людьми, ни техникой. Попытка сманеврировать имеющимися силами провалилась – под ураганным огнем на открытой местности бойцы не смогли пройти ни шагу. Даже в одиночку, маскируясь, передвигаться было невозможно. Оба связиста, посланные восстановить связь, не вернулись. В бой было брошено все, что можно, но силы были слишком неравны. Отбивая непрерывные атаки, полностью погиб 4-й батальон капитана Пастушенко. Оборона на этом участке перестала существовать. И только после этого враг открыл себе дорогу на Конотоп.

Отец вспоминал: «Колонна за колонной неслись в километре от нас танки 3-й дивизии Моделя в сторону Конотопа, навстречу танкам Клейста. Следом за ними мчались бронетранспортеры и просто грузовые машины с пехотинцами. На оборону оставшихся в стороне других батальонов нашей бригады они не обращали внимания. Им было не до нас. Нами скоро займутся другие…»

Это произошло даже быстрее, чем он думал. Уже на следующий день гитлеровцы перерезали дорогу в тылу бригады. Они оказались окруженными с трех сторон, а еще с одной тянулся заболоченный лес. Все, что случилось потом, отец помнил до мельчайших деталей. На КП позвонил командир батальона старший лейтенант Михайлов. Срывающимся от волнения голосом он прокричал: «Товарищ полковник… Немецкие танки прорвались. Они идут на вас!» Связь оборвалась. Выглянув из щели, отец прямо перед собой увидел четыре танка, без пехоты, которые шли на них. Положение было настолько критическим, что действовать приходилось быстро, надеясь лишь на интуицию, выдержку и смекалку. Вместе с комиссаром они укрылись в крохотном блиндаже связистов, другие офицеры рассеялись

вокруг.

Заметив их, один танк въехал на блиндаж и начал елозить взад-вперед, пытаясь раздавить его. Но перекрытие выдержало. Тогда фашист отъехал и стал целиться из пушки прямо во вход. Родимцев приказал немедленно покинуть укрытие. Первыми выскочили, прямо под гусеницы стоявшего танка, связисты, затем отец и комиссар. Раздался выстрел. Подхватив раненного осколком снаряда бойца, они отходили, прячась в кустах. Отец вспоминал, что каждую секунду он ждал гибельного выстрела им в спину. Но, оглянувшись, увидел, что немецкая машина горела. Кто-то из офицеров, спасая их, удачно бросил бутылку с зажигательной смесью. Не замеченные другими танками, они добрались до батальона, который немцы атаковали в тот день меньше других.

Настал момент, когда надо было решать – что делать? Отец вызвал для совещания начштаба Борисова и комиссара Чернышева. Отойти с оставшейся частью бригады без приказа сверху они не имели права. За это могли и расстрелять. Оставаться на месте почти без боеприпасов, имея на руках около семидесяти раненых, означало погибнуть всем под гусеницами танков и огнем немецких автоматчиков.

Спустя годы об этих тяжелых раздумьях отец напишет: «У командира есть минуты особой трудности. Вот такая минута настала и для меня. Вспоминаю Киев: поступить, как командир роты, бросивший бойцов в штыковую атаку под огонь автоматов и пулеметов! Простят ли мне, если я брошу десантников с одним стрелковым вооружением на танки? Врагу только этого и надо».

Борисов считал, что следует дождаться приказа, но согласился с Родимцевым, считавшим, что, потеряв целую ночь на ожидание указаний сверху, они упустят драгоценное время и завтра бригада, оставшись на прежних позициях, будет полностью уничтожена. Чернышев поддержал его, сказав, что, если их троих расстреляют, это будет лучше, чем гибель всей бригады. Выслушав мнения, отец принял решение на отвод бригады по единственной разведанной узкой дороге на краю болота.

Они уходили по топкой грязи, порой сползая в болото, по колено в воде, в кромешной темноте и в полной тишине. Застревавшие повозки с ранеными выносили на руках из трясины специально выделенные команды. К утру 10 сентября они вышли к намеченному месту в Лизогубовском лесу, где, по их данным, оборонялись другие бригады корпуса.

Узнав об их новом местонахождении, первыми не замедлили прибыть комиссар корпуса и начальник особого отдела. Разговор получился крутым. Как они и предполагали, их обвинили в

отходе без приказа командира корпуса и, несмотря на краткие и убедительные объяснения комиссара Чернышева, собирались арестовать. В этот момент из подъехавшей легковушки быстро вышел командир корпуса Затевахин, пожал Родимцеву и Чернышеву руку и выслушал доклад отца. Услышав звуки дальних разрывов, все посмотрели в том направлении, где вчера шел бой. Немецкие самолеты бомбили их покинутые позиции, а затем на это место двинулись танки и пехота. Картина вышла на удивление наглядной.

Комкор Затевахин обнял и даже расцеловал отца: «Молодчина, – сказал он. – Вовремя вышли из мешка. А я ночью послал к вам офицера связи с приказом на отход, но где-то вы с ним разминулись. Если бы не воспользовались этой ночью, наверняка потеряли бы бригаду».

Под вечер стало известно, что гитлеровцы прорвали фронт в полосе соседа справа, отрезав десантников от 40-й армии. Корпус в полном составе оказался в окружении.

Бригада Родимцева заняла оборону неподалеку от большого села Казацкое, в котором разместился ее штаб. Отца вызвал к себе командир корпуса Затевахин. Получив от него указания, отец вместе с начальником разведки Аракеляном возвращался на машине в Казацкое. За рулем сидел Миша Косолапов, старательный, но невезучий шофер. Отец давно хотел его сменить, но все некогда было. Водить он научился, но фарту ему не прибавилось. Не думал отец, что однажды его жизнь окажется целиком в руках Миши.

Они возвращались в свой штаб. Откуда же им было знать, что за время их отсутствия гитлеровцы выбили его из Казацкого и заняли село. С пригорка на окраине села они увидели движение машин и пехоты на главной площади и решили, что это подошли свои части. Они ехали по узкой скользкой от грязи улице села, как вдруг Миша резко затормозил. Отец оторвался от карты и хотел было отругать его за такую езду, но увидел дрожащие губы и побелевшее лицо. Примерно в ста метрах от них стояли в ряд немецкие бронетранспортеры и мотоциклы, площадь была полна солдат…

О том, что было дальше, отец рассказывал так: «Спрятаться или развернуться было слишком поздно. Покинуть машину и отходить назад – тоже гиблая затея: по болоту далеко не уйдешь, немцы нас расстреляют или возьмут в плен. А медлить нельзя. Решение возникло мгновенно:

– Вперед, Миша. На полной скорости вперед!

– Ну, товарищ полковник, держитесь крепче, – прошептал он. – Теперь командовать буду я…

Машина рванула с места и, набирая скорость, выехала на площадь, в самую гущу немецких мотоциклистов. Метрах в десяти от бронетранспортера Косолапов круто развернулся влево, да так, что машина сделала вираж на двух колесах. На секунду показалось, что она опрокинется. Ударившись боком о плетень, мы влетели в ту же улочку и понеслись на полной скорости. Раздались выстрелы, но было уже поздно, мы успели отъехать метров на двести, и крайние дома загородили нас».

Когда они разыскали свою бригаду, их встретили, как вернувшихся с того света. Оказывается, бойцы видели, как они ехали в село, махали и кричали, но они ничего не заметили. О том, что Родимцев попал в плен, уже успели доложить комбригу. Пришлось звонить, объяснять, как было дело. А Мише отец сказал, что считает его теперь самым умным водителем из всех, которых встречал. Захваченные позже пленные, бывшие свидетелями их невероятного спасения, говорили, что они не сразу стали стрелять, поскольку были уверены, что возьмут их живьем.

Этот эпизод, только перенесенный в другое место, вошел в художественный фильм «Освобождение» режиссера Ю. Озерова, консультантом которого был и генерал-полковник Родимцев.

В тот же день десантники выбили немцев из Казацкого, куда вернулся и штаб бригады. Трое суток вокруг этого села шли тяжелые бои. Особенно сильно досаждала немецкая авиация – их самолеты группами на бреющем полете вели прицельный огонь. Как вспоминал отец, по действиям противника они почувствовали, что своим сопротивлением разозлили врага. Настал момент, когда гитлеровское командование решило уничтожить ускользнувшую из их рук, обреченную, как им казалось, бригаду. От своих лазутчиков немцы знали, сколько у десантников людей в строю, оружия, раненых и даже то, что ею командует Герой Советского Союза Родимцев. Это был лакомый кусок, чтобы покончить с ними, а командира и штаб взять в плен.

Танки и пехота врага с разных сторон ворвались в Казацкое. Когда они подошли к штабу, отец с несколькими офицерами, отстреливаясь, залегли. Танки проезжали в нескольких шагах от них. Отец дал сигнал всем отходить к лесу. Кругом все горело и смешалось, невозможно было понять, где свои, где чужие. Фашисты отрезали путь к лесу, не давая вырваться из села. Уйти от танков, утюживших все вокруг, удалось лишь по глубоким кюветам, наполненным водой, скрываясь в зарослях высокой конопли, отсекая пехоту огнем. Перепачканные илом, грязью и копотью, ставшими в тот момент для них спасительной маскировкой, десантники, лежа в наполовину заполненных водой

кюветах и канавах, были неразличимы для немецких танкистов, потому что были похожи на что угодно, только не на живых людей. Они все-таки сбили вражеские заслоны и вышли к лесу, передвигаясь шагом, бегом, по-пластунски, под самым носом у немцев, так и не позволив противнику окружить и уничтожить себя.

Отцу доложили, что в бригаде осталось около 700 человек. И это было еще хорошо, это была сила! Они подобрали раненых и оружие, под вечер к ним присоединилось еще несколько групп. Вспоминая тот прорыв, отец особо отмечал взаимовыручку бойцов и командиров, показавших то, что называется боевой спайкой, которая рождается только в боях. А еще он помнил бодрый голос неунывающего вездесущего доктора Охлобыстина, который шутил по поводу их грязевых ванн, а вскоре разыскал тыловиков, и они смогли переодеться в сухую одежду.

О том, как удалось выскользнуть из танкового кольца, отец вспомнит через год с небольшим, когда в Сталинграде будет рассказывать о своем боевом пути специальной группе историков, ездивших по фронтам и собиравших свидетельства очевидцев военных событий. Но на этом потрясающем по своей правдивости документе я подробнее остановлюсь в главе, посвященной битве на Волге.

Все части корпуса соединились в Лизогубовском лесу. 15 сентября они узнали, что гитлеровские войска замкнули кольцо окружения вокруг Юго-Западного фронта. Теперь, когда сбылись самые худшие опасения, им не нужно было разрешение вышестоящего командования на выход из окружения. Комкор Затевахин собрал командиров бригад и комиссаров и объявил, что принял решение пробиваться единой колонной на соединение с нашими частями в районе станции Бурынь. Надо было пройти через села, занятые противником, и сделать это в дневное время. Пришлось, как это ни печально, расстаться с ценным имуществом: были зарыты в землю парашюты и многое другое. С собой брали только артиллерию, боеприпасы, продовольствие и раненых. Головной шла 6-я бригада, менее всех пострадавшая в боях. Замыкали колонну подчиненные Родимцева.

Это был невероятный поход по тылам противника, вряд ли имевший в ходе войны сравнимые с ним примеры, с учетом количества войск, передвигавшихся днем по открытой местности на глазах у противника! Корпус выглядел словно бы продолжением «Железного потока», описанного Серафимовичем. Дерзкий маневр оказался совершенно неожиданным для врага. Об этом марше в своих воспоминаниях отец написал так:

«Еще затемно, в четыре часа утра, было пройдено село Хижки.

Немецкие регулировщики молча глазели на нас, столпившись в сторонке от дороги. Почему они не подняли тревогу?.. Я думаю, их парализовал страх. Они не могли не понимать, что будут уничтожены при первой же попытке приблизиться к нашей колонне.

В деревне Духановке навстречу нам высыпал весь немецкий гарнизон. Фашистские солдаты еще приветствовали нас, уверенные, что это идет подкрепление их войскам… Вдруг немцы опомнились.

Где-то застрочил автомат Прозвучал сигнал тревоги. Через несколько минут сутолока стихла. Десантники уничтожили гарнизон холодным оружием. Были захвачены трофеи. Особенно порадовали нас взятые у врага восемь новых больших автомобилей с полными баками горючего. Теперь мы могли не только пополнить баки наших машин, но и усадить на немецкие грузовики наиболее усталых воинов…

Мы шли по совершенно открытым местам. Где это было возможно, обходили населенные пункты. Однако ведь речь идет не о мелкой группе, двигался корпус! И казалось странным, что до девяти часов утра наша колонна не была обнаружена…

В девять часов утра передовой отряд вошел в село Грузское. Неожиданно грянули вражеские пулеметы. Но десантники быстро уничтожили их заставу. В Грузском мы захватили пленных. Немецкий унтер на допросе показал, что им было известно о большой колонне. Но наличие немецких автомобилей сбивало их патрули с толку…

За нами погнались танки и бронетранспортеры. Капитан Кужель то и дело был вынужден разворачивать свою батарею и вести огонь по наседавшему врагу. Расчистив путь на переезде в Грузском, корпус продолжал стремительное безостановочное движение к цели. Немцы так и не успели бросить против нас авиацию.

За мостиком резко повернули на восток. Станция Бурынь была уже близко, а возле нее проходил фронт. Подразделения гитлеровцев, наступавшие в этом направлении, конечно, не ожидали удара с тыла. Корпус развернулся, и наша пехота опрокинула и уничтожила врага на значительном участке… Шагая среди опустевших окопов противника, через воронки снарядных разрывов и трупы немцев, мы увидели над высоткой красное знамя. Наши!

Навстречу нам бежали люди. Это были бойцы и офицеры нашей головной колонны, отрезанной от бригады в бою под Казацким! Значит, мы снова вместе. Меня обступило не менее сотни солдат: знакомые лица, улыбки, руки, протянутые для

пожатия. Даже многие наши раненые встали. Перебинтованные вдоль и поперек, они тянулись через борта машин к товарищам по оружию, плакали и смеялись».

О действиях десантников в боях за Киев и Конотоп было известно и командованию, и населению. Бывший член военного совета 40-й армии, в состав которой вошла 5-я воздушно-десантная бригада, бригадный генерал И.С. Грушецкий вспоминал позднее: «О подвигах десантников ходили легенды, эти мужественные люди с их командирами казались былинными богатырями. 5-й воздушно-десантной бригаде в первый год войны пришлось многое испытать: наступать под Киевом, отступать и, самое страшное, быть в окружении. А.И. Родимцев всегда принимал единственно правильное решение, и оно было смелым, новаторским, мужественным…»

Выход из окружения целого корпуса с людьми, готовыми сражаться, техникой, трофеями, со всеми штабами являл собой большой успех, особенно на фоне драматических событий последних дней, связанных прежде всего с окружением Юго-Западного фронта.

Чтобы представить, каких усилий, мужества и воинского умения потребовало от командиров и бойцов 3-го воздушно-десантного корпуса вырваться из гитлеровских клещей, достаточно привести данные о том, что в сентябре 1941 г. во вражеском кольце оказалось 452,7 тысячи человек из состава Юго-Западного фронта. Это было крупнейшее с начала войны окружение советских войск. В общей сложности из окружения пробились около 15 тыс. человек.

Приказ Ставки на отход войскам фронта запоздал. Лишь 17 сентября командующий фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, получив, по его настоянию, письменное подтверждение приказа Сталина оставить Киев, отдал распоряжение окруженным армиям пробиваться на восток. Но к тому времени оборона наших войск уже рухнула. При выходе из окружения в бою неподалеку от местечка Лохвицы генерал Кирпонос погиб вместе почти со всем управлением фронта.

Опасность окружения, нависшую над Юго-Западным фронтом, в Генеральном штабе видели и неоднократно, еще до начала сражения под Киевом, предлагали принять меры по отводу войск на левый берег Днепра. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих воспоминаниях, коснувшись его доклада 29 июля И.В. Сталину о стратегической обстановке на фронтах, в частности, писал: «Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр…

– А как же Киев? – спросил И.В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова: «Сдать Киев» для всех советских людей и для И.В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а, как человек военный, обязан был предложить единственно возможное, на мой взгляд, решение в сложившейся обстановке.

– Киев придется оставить, – ответил я. – На западном направлении нужно немедля организовать контрудар…

– Какие еще там контрудары, что за чепуха? – вспылил И.В. Сталин. – Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?»

Еще откровеннее написал о том же Маршал Советского Союза А.М. Василевский: «При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева и должного понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном фронте».

Нынешним поклонникам Сталина не следует забывать о его поступках и деяниях, имевших тяжелейшие последствия для армии и страны, причисляя его к выдающимся полководцам. Личность Сталина до сих пор привлекает внимание исследователей и простых людей, наделяющих его как положительными, так и отрицательными качествами.

Об отношении Сталина к представителям Ставки Верховного главнокомандования Г.К. Жукову и А.М. Василевскому и к командующим фронтами, а также о том, насколько он был сведущ в военных вопросах, особенно в первые годы войны, известно из их воспоминаний. Вот что рассказали военачальники и соратники, проработавшие с ним рядом всю войну, о Сталине-полководце:

Г.К. Жуков писал: «Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и стремился извлечь из них опыт…»

«Меня часто спрашивают, действительно ли И.В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем и знатоком оперативно-стратегических вопросов? Могу твердо сказать, что И.В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций… хорошо разбирался в больших стратегических вопросах». «Стратегия была близка его привычной сфере – политике, и чем очевиднее взаимодействовали вопросы стратегии с политическими, тем увереннее он себя чувствовал».

«Лично И.В. Сталину приписывали ряд принципиальных

разработок основ военной науки, в том числе о методах артиллерийского наступления… о рассечении окруженных группировок противника и уничтожении их по частям. Это не так. Все эти важнейшие вопросы – результат, добытый войсками в боях, они являются плодами глубоких размышлений и обобщения опыта большого количества руководящих военачальников и командного состава войск».

«Ум и талант позволили Сталину в ходе войны овладеть оперативным искусством».

А.М. Василевский вспоминал: «В начале войны у Сталина были просчеты, причем серьезные. Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания, был склонен вести боевые действия прямолинейно. Он мало использовал Генеральный штаб, недостаточно использовал знания штабных работников».

«Я видел Сталина в разных видах и могу сказать, что знаю его вдоль и поперек. Я натерпелся от него, как никто. Бывал он со мной и с другими груб, непозволительно, нестерпимо груб и несправедлив».

«Сталин сознавал свои просчеты и делал для себя выводы. Постепенно становилось заметно, что он все глубже мыслит категориями современной войны…»

Из воспоминаний Маршала Советского Союза И.С. Конева: «Иногда встречи со Сталиным были очень напряженными. Дело доходило до резких вспышек с его стороны. Он выслушивал наши доклады с откровенным недовольством и раздражением, особенно если они не соответствовали его предварительным представлениям».

«Ко второй половине войны Сталин убедился в том, что Генеральный штаб – это его основной орган управления… При планировании операций Сталин стал серьезно считаться с предложениями командующих фронтами. Раньше, бывало, навязывал нам свои решения, на каком именно участке наступать… На последнем этапе войны он показал себя человеком, внешне весьма компетентным в вопросах оперативного искусства, и все же в этой сфере его знания оставались поверхностны, в них не было подлинной глубины».

Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов: «С течением времени меня начали коробить постоянная подозрительность и неуемное упрямство Сталина. Все это пагубно сказывалось на моей работе, не говоря о сверхусилиях подчиненных».

А.И. Микоян (с 1942 г. член Государственного комитета обороны): «В мае 1942 г. я присутствовал при телефонном звонке… Член ВС юго-западного направления Н.С. Хрущев просил

разрешения прекратить наступление на Харьков, так как возникла угроза окружения наших войск. Сталин велел Маленкову: «Передай ему, что приказы не обсуждаются, а выполняются. И повесь трубку». Я был поражен: человек звонит из самого пекла, и такое пренебрежительно-барское отношение со стороны лица, несущего столь высокую ответственность».

Я не имею намерения нарисовать портрет этой сложной личности. Его организаторская деятельность, огромный авторитет в армии и в стране, безусловно, сыграли важную роль в войне. К счастью, в тяжелую для нашей страны годину рядом с ним оказались военачальники, принявшие на себя ответственность за судьбу страны, которых он сумел оценить, поверить им и, опираясь на их полководческий талант, вместе с ними привести нашу страну к победе над фашизмом.

В общественном сознании, опирающемся на историческую память народа и русскую социокультурную общность, выдающимися полководцами всегда считали тех, кто благодаря своему предвидению и военному искусству, вопреки роковым обстоятельствам, способен принимать и воплощать в жизнь беспримерные и дерзостные решения, кто ради спасения армии и державы перешел через Альпы, отдал неприятелю сожженную Москву, защитил ее зимой 1941 года, отстоял Сталинград, победил на Курской дуге, взял Берлин, освободил Европу от фашизма.

Соединение с основными силами 40-й армии не изменило характер боев, которые вели десантники Родимцева. В результате гибели Юго-Западного фронта, Красная армия была вынуждена отступить далеко на восток. Они шли теперь уже по курской земле, от одного рубежа к другому в направлении города Тима. Двадцать суток непрерывного отступления, триста километров тягостного пути в лютую непогоду.

Немецкие дивизии преследовали корпус по пятам, пытаясь втянуть в бой и уничтожить, используя свое превосходство в количестве войск и техники. Днем десантникам приходилось держать оборону, а ночью совершать марш на восток. Отец вспоминал: «Не менее десятка раз “клещи” противника вытягивались, чтобы обхватить нас. Но корпус успевал выскользнуть… Затем повторялась та же картина: днем бой – ночью отход».

Долгое отступление действует на психику людей, угнетает их боевой дух, изматывает физически. Но существует и моральная сторона в потере все новых и новых территорий – когда происходит душевный надлом, при котором люди принимают

непредсказуемые, крайне неоднозначные решения. Отцу запомнился один такой случай, когда два разведчика сознательно не вернулись с задания. Это произошло недалеко от Курска. Ситуация была слишком необычной, Родимцев вызвал в штаб сержанта, который был старшим в разведке, чтобы в присутствии других командиров самому разобраться в случившемся. Сержант не подтвердил, что бывшие с ним в разведке бойцы убежали от него. На требование рассказать все как было, он ответил: «Они уговаривали и меня. Говорили: куда мы идем, сколько будем еще отходить? Полковнику до его оренбургских степей далеко, пусть и идет со своими земляками, а наша родина здесь, в Сумской области, тут остаются наши семьи, и мы остаемся здесь, воевать будем с немцами на своей земле. Вы можете наказать меня, товарищ полковник, я отвечаю, мои солдаты ушли. Одно знаю: врагу они не станут служить, они хорошо воевали, у каждого по два десятка фрицев на счету. А почему сбежали? Сказали, что уйдут к партизанам. Просили вам передать, что хотят воевать, а бригада все время отходит…»

Родимцев отпустил сержанта. Вспоминая тот разговор, отец говорил, что его больно укололи слова бывалого разведчика. Он почувствовал, как глубоко ранит его подчиненных долгий путь отступления, даже несмотря на то, что они постоянно наносят врагу ответные удары. Отец и его ближайшие помощники, разумеется, хорошо понимали, что поступок двух не вернувшихся в часть бойцов означает только одно – дезертирство, какими бы словами они ни пытались оправдаться. К сожалению, эти бойцы не уяснили или не захотели понять очевидную истину о том, что, если каждый будет сражаться только за свой город или село, это будет не армия, а скопище анархистов. Это был единственный подобный случай у отца за всю войну. Поэтому он и запомнил его надолго.

Сейчас нам трудно это представить, но даже в условиях отступления и непрерывных оборонительных боев к десантникам часто приезжали артисты, поэты и писатели, ставшие фронтовыми корреспондентами, кинооператоры. Кто-то из них бывал лишь наездами, но были среди них и те, кто по-настоящему сроднился с бойцами, делил с ними все тяготы военного быта, умел поддержать их в трудную минуту нужным словом, песней, шуткой.

Именно тогда, в трагические дни сорок первого года, отец познакомился с талантливыми и смелыми людьми: Борисом Полевым, Александром Твардовским, Яковом Шведовым, Евгением Долматовским – именно с ним у отца сложились добрые, полные взаимного уважения отношения, скрепленные

общими испытаниями и бескорыстной мужской дружбой.

Был уже конец октября, когда 3-й воздушно-десантный корпус занял жесткую оборону в районе городов Тим и Щигры. Недалеко от поселка Черемисиново они наконец-то остановили врага и прекратили отход. От самого Сейма они привели за собой две немецкие дивизии – танковую и моторизованную, изрядно их измотав, о чем они узнавали от пленных, которых разведка брала чуть ли не еженощно. Сменив тактику, наши части теперь не давали гитлеровцам покоя ни днем, ни ночью, действуя небольшими группами, уничтожали их казармы, склады, штабы.

А 20 ноября неожиданно для немцев десантники атаковали занятый врагом Тим. Для гитлеровцев, уже привыкших догонять бесконечно отступавших куда-то в глубь России неуловимых и неодолимых десантников, воюющих «неправильно» – и днем, и ночью, это было полной неожиданностью. Но эта дата памятна моему отцу и его подчиненным еще и потому, что в этот день пришел приказ о формировании на базе корпуса 87-й стрелковой дивизии. Командиром нового соединения был назначен полковник Родимцев.

Испытание для вновь созданной дивизии выпало, как и раньше, нелегкое. Десять дней продолжались кровопролитные бои за маленький русский городок, пока им не удалось вырвать его из рук немцев. Тим стал одним из первых городов, отвоеванных нашими войсками в зиму 1941–1942 гг. Вскоре были освобождены Щигры. Началось новое время – не просто учиться сражаться, а бить захватчиков.

Дивизия получила передышку. Но даже в дни затишья смерть поджидала каждого – и бойца, и командира дивизии, в самых неожиданных местах, даже тогда, когда, как казалось, ничего не предвещало опасности. В один из морозных декабрьских дней отец возвращался из штаба армии в дивизию на своей потрепанной, но еще вполне шустрой «эмке» вместе с адъютантом Шевченко и водителем Мишей Косолаповам – тем самым, который за три месяца до этого едва не привез Родимцева прямо в лапы немцев.

Но смерть словно гонялась за отцом по пятам – то в облике франкистских мятежников в Испании, то в разрывах бомб и грохоте гусениц немецких танков на берегу Сейма и в селе Казацком, то в виде толпы немцев посреди села, наблюдающих, как к ним в руки едет советский полковник… На этот раз своим орудием она избрала шестерку немецких истребителей, неожиданно появившуюся в ясном небе. Видимо, самолеты возвращались с задания, но увидели прекрасную мишень – легковой автомобиль на белом снегу, на узкой дороге посреди

степи. Ход мыслей немецких летчиков понятен: легковушка – значит, едет начальство, деваться им некуда, хороший повод израсходовать оставшийся боезапас. Тем более что этому сопутствует приятное чувство собственной безнаказанности.

Об этой игре в рулетку с немецкими самолетами, практически без шансов, отец рассказывал мне так: «Поначалу мы решили, что они пролетят своим курсом, не тронув нас. Но нет! Они решили поохотиться. Вся шестерка развернулась и, выстроившись в линию, пошла прямо на нас. Увидев это, мы выскочили из машины. Я и Шевченко бросились в снег, а Миша залез под машину. Один за другим самолеты, стреляя из пулеметов, проносились так низко, что над нами взметались вихри снега. Когда пролетел последний, я встал, осмотрелся, вроде цел, ко мне пробирается по снегу Шевченко, у него тоже ни царапины. Это было невероятно! Мы окликнули Мишу, он молчал, мы бросились к машине. Она была исполосована пулями. Не успели мы до нее добраться, как адъютант крикнул: «Они возвращаются!» Признаться, я этого не ожидал. Неужели, улетая, они наблюдали за нами? Вшестером гоняться столько времени за одной машиной! Мы снова кинулись в разные стороны, проваливаясь по пояс в снег. Прежде чем упасть лицом вниз, я успел заметить, что они разделились на пары – одна шла на машину, другая на меня, третья на Шевченко. Если б знать, что они вернутся, мы бы хоть как-то замаскировались. Положение было ужасно глупое и отчаянное – лежать на открытой местности как мишень и ждать, что тебя сейчас прострелят! Я слышал, как пули с шипением вошли в сугроб рядом с моей головой… Едва я поднялся, не веря, что жив, как вновь услышал гул самолета. Рванулся в сторону, неловко упал на спину. Я замер и лежал, глядя вверх, видя, как один самолет летит прямо на нас над самой землей. Я закрыл глаза, подумал, что в третий раз чудо вряд ли произойдет… Он пролетел над нами не стреляя. Видимо, вернулся убедиться, что мы мертвы. Ведь не поленился же, мерзавец! Я встал, осмотрелся. Следов крови нигде нет. Шевченко, живой, подбежал ко мне. Вдруг он схватил полу моей куртки: «Смотрите, три дыры от пуль! Александр Ильич, мы с вами будто заговоренные».

Мы бросились к машине. Из-под нее раздавались стоны Косолапова – машина осела на пробитых шинах и придавила его. С помощью домкрата нам удалось его вызволить. Он был весь в крови, но в сознании. Тем, что нашлось в аптечке, мы пытались перевязать его, но он был весь иссечен пулями. Удалось лишь остановить кровотечение. Вскоре за нами приехала машина.

Позже я заехал в медсанбат навестить Мишу. Врач рассказал

мне, что он получил восемнадцать пулевых ранений, но идет на поправку, и просил не отправлять его далеко, чтобы вернуться в свою часть. Поговорить с ним мне не удалось, он спал. Мы не стали будить его. Я поблагодарил хирурга и приказал отправить Мишу в тыл. До конца войны я больше с ним не встречался, но запомнил его навсегда».

В декабре, после нескольких дней тишины, десантники, ставшие отличными пехотинцами, вновь атаковали врага. Неготовые к зиме гитлеровские части отходили, но нехватка артиллерии и почти полное отсутствие авиационной поддержки не позволили нашим войскам развить успех. Так уходил в прошлое первый год войны.

Самое жаркое лето

В январе Нового 1942 года, в разгар боев на курской земле, в дивизию Родимцева прибыл член Военного совета армии И.С. Грушецкий, который зачитал приказ, полученный из Кремля:

«19 января 1942 года. Москва. В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 87-я стрелковая дивизия показала образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками, 87-я стрелковая дивизия наносила огромные потери фашистским войскам и своими сокрушительными ударами уничтожала живую силу и технику противника.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 87-ю стрелковую дивизию в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Дивизии вручить гвардейское знамя.

Всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу дивизии установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания».

Командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии был назначен полковник А.И. Родимцев.

Нам, пожалуй, даже трудно теперь представить, какой подъем вызвала эта весть у бойцов и командиров. Отец рассказывал, что впервые видел слезы радости на глазах у своих подчиненных – людей суровых и несентиментальных. И хотя это незабываемое событие произошло в январе 1942 года, все понимали, что дивизия, созданная из несгибаемого 3-го воздушно-десантного корпуса, заслужила право одной из первых в Красной армии называться гвардейской в отчаянных, беспощадных сражениях самого трагического года войны – сорок первого.

В конце марта дивизию, которой командовал отец, перебросили из-под Курска на Харьковское направление. Не успели бойцы и командиры немного прийти в себя за несколько суток относительно спокойной жизни в пути по железной дороге, как снова оказались на одном из самых горячих участков. Никто из них не мог в те дни представить, что менее чем через два месяца им предстоит стать участниками тяжелейших, трагических событий весны и лета 1942 года, которые произойдут на юге нашей страны. А для моего отца предстоящее лето станет к тому же временем горьких потерь и переживаний за судьбу дивизии.

Что знали командиры армий и дивизий о том, что их ждет впереди? Только то, что на совещании в Купянске сказал новый командующий Юго-Западным фронтом Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко: наступать на Харьков. На проведении этой операции помимо С.К. Тимошенко, настаивал и член Военного совета фронта Н.С. Хрущев. Начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников и Г.К. Жуков на совещании у Сталина выступили против, считая, что для столь крупного наступления недостаточно сил и резервов. Сталин колебался, но в итоге разрешил Тимошенко действовать.

Немецкие штабы планировали собственное крупное наступление в этом же районе, а узнав о планах советского руководства, приготовили неприятный «сюрприз» нашим войскам. Невероятно, но факт: о советских планах немцы узнали случайно, благодаря фатальному инциденту с советским самолетом. 22 апреля из-за ошибки пилота в плен попал командующий 48-й армией Брянского фронта генерал-майор А.Г. Самохин, имевший при себе директиву Ставки и оперативную карту Харьковской наступательной операции.

В фильмах о войне, особенно современных, порой встречаются эпизоды, подобные этому, и нам кажется, что это выдумано авторами ради остроты сюжета, поскольку в жизни так не бывает. Было.

Прорвав немецкую оборону и продвинувшись за два дня вперед почти на 30 километров, советские войска остановились. Как вспоминал отец, разведчики его дивизии уже побывали на окраине Харькова. Казалось, еще чуть-чуть, и город будет взят. Однако советское командование почувствовало подвох в действиях противника.

Отец в своих воспоминаниях тоже отметил этот момент: «События развивались стремительно. Я не ожидал, что дивизия выполнит задачу уже к 12 часам дня! Я связался с командующим 28-й армией Рябышевым и доложил, что мы вышли на заданный рубеж. “Хорошо, Родимцев. А теперь вам нужно временно закрепиться на этом рубеже”. Я опешил: но ведь дорога на Харьков открыта! “Понимаю, – сказал командующий, – а теперь следует осмотреться, разобраться в обстановке”. С большим огорчением гвардейцы узнали о переходе к обороне. Но командование фронтом знало побольше нас. Значит, были причины задержаться…»

Причины действительно были, но замысел противника стал ясен слишком поздно. Наши войска не были готовы противостоять мощным контрударам немецких армий, нанесенным 17 мая с применением большого количества танков и

авиации. С этого дня начались жестокие оборонительные бои, в которых наши войска несли огромные потери, перешедшие затем по приказу командования в общее отступление всех соединений фронта. Противник стремился окружить отступающие части, и в ряде случаев ему это удалось.

Выполняя приказ командарма, дивизия Родимцева вместе со своими соседями удерживала свой рубеж почти до конца июня. По отрывочной информации, доходившей до них, он почувствовал, что на их фронте происходит нечто непредвиденное. В разговорах и распоряжениях вновь появились слова «отход», «в тылу противника», «угроза окружения».

В один из дней отцу доложили, что ни слева, ни справа наших частей нет. Пока они разбирались в ситуации, к ним приехал Рябышев. Из разговора с ним подтвердилось то, о чем Родимцев и его штаб уже догадывались, – не наступая, дивизия оказалась в глубоком тылу противника! Командарм приказал удерживать позиции, но при этом срочно готовиться к отходу. Едва он уехал, как из штаба армии пришел приказ. Его содержание стоит того, чтобы привести текст полностью: «Командиру гвардейской ордена Ленина дивизии. Оставить небольшое прикрытие, пополнить полки первого эшелона и ударом по тылам противника разгромить его наступающие части, захватить выгодный рубеж и удерживать его до темноты».

Более странного приказа Родимцев еще не получал. Распорядившись о немедленном начале отхода, отец размышлял о том, как следует понимать слова «ударом по тылам противника разгромить его наступающие части». Ему, бывалому командиру, испытавшему горечь отступлений сорок первого года, был понятен истинный смысл абсурдной формулировки: пока они оборонялись, фашисты зашли им глубоко в тыл, взяли в клещи. Немецкие танки и свежие части оказались уже далеко за их спиной. Нужно было очень постараться, чтобы не попасть в котел, который им приготовил враг.

Отбиваясь от наседающего противника, дивизия Родимцева отступала. Это был очень тяжелый отход, в течение которого немецкие танки и мотопехота несколько раз отсекали отдельные батальоны и полки от основных сил. Временами отступление принимало беспорядочный характер. Отец не находил себе места – связь с некоторыми подразделениями была потеряна. Штаб со знаменем дивизии передвигался вместе с одним из полков. Временами они не имели сведений о том, где находятся другие части.

Когда отец писал свои воспоминания или встречался с однополчанами, он отмечал, что июльские дни 1942 года были,

пожалуй, самыми тяжелыми в его жизни. Ведь его, командира только что созданной гвардейской дивизии, Героя Советского Союза, отличившегося вместе со своими солдатами в боях за Киев, могут обвинить в утрате руководства дивизией. Он пытался успокоить себя тем, что ядро каждого подразделения составляют десантники, которые умеют сражаться в тылу врага, в окружении. «Они обязательно выйдут, щайтан побери, они знают место сбора, только бы выжили…» – так он думал и надеялся.

О тяжелых мыслях и переживаниях комдива за судьбу дивизии знали только его ближайшие помощники. Общаясь с подчиненными, отдавая приказы, слушая доклады, он держал в уме то главное, без чего в этой обстановке было невозможно спасти дивизию: не допустить паники, соблюдать дисциплину, сохранить боевой дух, служивший главной опорой сопротивления и благополучного исхода выпавших на их долю испытаний.

Рядом с 13-й гвардейской отходили дивизии генералов Горбатова, Василенко, Рогачевского, полковника Истомина. А правильнее сказать – их остатки. Но от того, что в таком же положении оказались и другие соединения, не служило для отца ни оправданием, ни утешением. Он лишь твердо знал: если его подчиненные окажутся в трудном положении, им обязательно помогут, не оставят в беде, так же как и они, отходя, не только старались сохранить порядок и боеспособность, но и без колебаний приходили на помощь своим товарищам по оружию, попавшим в беду. Однако всем – командирам и бойцам – было понятно, что поспешный отход целого фронта, окружение немцами значительных сил под Харьковом и огромные потери означали, что планы высшего военного руководства не сработали. Шапошников и Жуков оказались правы…

В небольшом белгородском селе Нехаевка неожиданно встретились штабы трех отходивших дивизий. С их командирами Рогачевским и Истоминым Родимцев кратко обсудил сложившееся положение и план совместных действий на ближайший переход. Едва они собрались хоть немного передохнуть и искупаться вместе с бойцами в чистом пруду, как прискакавший конный разведчик доложил отцу, что в село с другой стороны входит большая немецкая автоколонна. На ходу отдавая команды, командиры помогали бойцам устанавливать пулеметы и занять оборону.

Бой грянул через минуту. Отец вспоминал: «Я выбежал в соседний переулок и увидел немецкую автоколонну: передние машины уже были охвачены огнем, из-под брезентовых покрытий вываливались солдаты. Некоторые из них неподвижно лежали на земле, другие ползи, третьи строчили из автоматов. Мне было

ясно: немцев здесь не менее батальона. Отлично вооруженные, они, по-видимому, перебрасывались на какой-то участок фронта. Такая встреча в Нехаевке была для них неожиданной. Я выхватил пистолет».

Уничтожив с первого выстрела выскочившего прямо на него немецкого ефрейтора, отец вырвал из его рук автомат, забрал висевшие у него на поясе гранаты и, отстреливаясь и прикрывая друг друга, отходил вместе со своими бойцами в сторону спасительного лесочка, куда уже успела выйти дивизионная колонна.

Если бы немцы знали, что они застали в одной деревне сразу три советских штаба! Впрочем, это все равно не помогло бы им поймать богатый «улов». Не такие это были люди, оказавшиеся у гитлеровцев на пути. Они не сдавались и умели очень хорошо воевать.

Отец и его гвардейцы не знали тогда, что от злополучной Нехаевки им придется пройти на восток еще почти двести километров до станицы Мигульской на Дону, где разрозненные части и отряды соединятся, переправившись на левый берег. Знамя дивизии вынес на себе к месту сбора командир разведчиков Иван Подкопай.

Этот трагичный путь дивизии отмечен не только торопливыми пометками на штабной карте. Его можно распознать по братским могилам, которые каждый день оставляли в степях Придонья уходившие на восток солдаты и их комдив. Они клялись отомстить. Но не менее тяжело было им смотреть в глаза жителей сел и деревень, которых они оставляли, уходя.

На левом берегу Дона за два дня офицерам, которым отец дал поручение разыскивать своих бойцов и командиров, удалось собрать 667 человек. В следующие дни подошло еще несколько сот бойцов. Все люди были с оружием, многие доставили различную технику. Кроме этого в разные госпитали были отправлены около тысячи раненых, большинство из которых должны были уже скоро вернуться в родную дивизию.

Отцу казалось, что через несколько дней их отправят на пополнение. Но вдруг пришел приказ: в штабе армии решили, что дивизия небоеспособна, и передали штаб и политотдел в распоряжение Сталинградского фронта.

В результате «харьковского сражения» потери Красной армии составили 170 тысяч человек убитыми и от 80 до 200 тысяч пленными (по разным данным). Мой отец, его подчиненные, все начальники и вся армия тогда еще не знали этих страшных цифр. Но они понимали, что случилась новая катастрофа, возможно, не

менее страшная, чем в 1941 году. И это при том, что операция начиналась в условиях примерного равенства сил, кроме танков и авиации, в чем противник имел перевес.

Теперь, когда об этих сражениях известно практически все, мы понимаем, что на таком трагичном фоне состояние 13-й гвардейской можно было оценить более объективно. Но всех вышедших из котла свалили в одну кучу – позора и пораженчества. Как будто они были виноваты в том, что остались живы, когда немецкие самолеты и танки гонялись за каждым автомобилем, повозкой, за каждым конным и пешим солдатом, которому негде было укрыться в степи!

Родимцев решил бороться за имя и честь своей дивизии. Обсудив ситуацию с подчиненными, отец вместе с комиссаром отправился в Сталинград. Это был еще тихий тыловой город. Они чувствовали себя неуютно, окунувшись в мирную жизнь. Три дня они ходили по кабинетам штаба фронта, доказывали, ругались, объясняли, просили сохранить родную тринадцатую. Наконец из Москвы пришло распоряжение: «Дивизию в полном составе перевести в резерв Ставки Верховного главнокомандования».

В конце июля 1942 года после года непрерывных боев дивизия разместилась за двести километров от фронта, в степном поселке Николаевске (с 1967 г. город Николаевск) на левом берегу Волги. Но в то жаркое лето отдыхать им так и не пришлось. Уже вовсю гремела гроза, способная разорвать весь юг нашей страны, а возможно, и уничтожить ее. Они спешили, чтобы быть готовыми к новым сражениям. Оставшиеся в тылу у фашистов города и села ждали их. Да и среди немецких войск у них появились «старые знакомые», с которыми хотелось при встрече рассчитаться за все.

Сталинград

Сентябрь 1972 года выдался на Волге таким же теплым и сухим, как и тридцать лет назад. От центрального причала Волгограда отошел теплоход, заполненный шумной толпой немолодых уже людей. Среди гражданских костюмов, в которых были большинство из них, мелькали мундиры офицеров и генералов. Фуражки и шляпы, кепки и тюбетейки покрывали убеленные сединой головы. Но была одна общая деталь в их наряде, объединяющая эту многоголосую и дружную компанию, – у каждого на груди сверкали ордена и медали, у многих – Золотые Звезды Героев Советского Союза. Ветераны 13-й гвардейской дивизии вновь собрались вместе, чтобы отметить 30-летнюю годовщину того дня, который стал для них одним из самых незабываемых в жизни, – легендарной переправы через Волгу в горящий Сталинград.

На эту встречу вместе с отцом приехал и я с женой Ирой. Со многими ветеранами я был уже знаком по встречам в Москве и Волгограде. И знакомые, и незнакомые нам люди подходили пожать руку, обнять, сказать добрые слова о моем отце, о своих друзьях-однополчанах. Отец, который знал почти каждого из них в лицо, увлеченно общался со всеми, лишь удивленно разводя руками, когда не мог сразу узнать в ком-нибудь из поседевших, сильно изменившихся за прошедшие годы мужчин и женщин бывшего бойца, санинструктора или командира. Но стоило только человеку назвать свое имя и фамилию, как в тот же миг, удивленно и радостно воскликнув свое любимое: «Ну, шайтан побери», отец без запинки называл номер полка или батальона, а иногда и роты, в которой тот воевал.

Теплоход медленно выходил на середину Волги. И чем больше отдалялся берег, тем тише становились разговоры, смолкла музыка оркестра, на нижней палубе появились солдаты почетного караула. На середине реки судно замерло. Вместе с отцом и ветеранами мы повернулись в сторону борта, с которого молодые солдаты приготовились опускать на воду венки. В это мгновение раздался громкий пароходный гудок, и венки легли на поверхность реки. Несмолкаемый сигнал нашего корабля подхватили другие стоявшие и проходившие по реке суда, а затем до нас с берега долетели гудки заводов. Вся гвардейская рать отдавала дань памяти своим однополчанам. Они стояли с обнаженными головами, многие опирались на палочки или костыли, кого-то поддерживали стоявшие рядом с ними друзья. Они не скрывали своих чувств, и никто из них не отошел от борта

до тех пор, пока уносимые течением венки не скрылись из глаз.

Я стоял рядом с отцом и увидел, впервые в жизни, как он не мог сдержать слез, отдавая честь своим солдатам, сделавшим то, что ему самому порой казалось невозможным.

Так устроена человеческая память, что самые тяжелые моменты жизни запоминаются ясно и надолго, несмотря на то что они могут быть наполнены непрерывной чередой испытаний, потерь, физических страданий. У комдива Родимцева и его гвардейцев главными в жизни навсегда остались сто сорок дней и ночей Сталинградской битвы.

Перед тем как 13-я гвардейская отправилась в Николаевск, в штабе Сталинградского фронта представитель Ставки, указав отцу на карте нужное место, сказал: «Вот здесь, Родимцев, и отдыхай со своим войском». Так он и «отдыхал» до 9 сентября: надо было обучать пополнение, распределять людей, принимать вооружение. Отец вспоминал, как с утра до ночи вместе с офицерами он выезжал на учебные поля и стрельбища, проводил занятия с комсоставом, следил за тем, чтобы всем досталось поровну и бывалых фронтовиков, и необстрелянных новобранцев. Ведь по фронтовым меркам в конце июля в строю оставалось лишь около четверти штатного состава полноценной дивизии. Выбыли даже все командиры полков – трое по ранению, а один погиб. Много бывалых бойцов и офицеров должны были вскоре вернуться в строй из госпиталей. Но, надеясь на их возвращение, надо было готовить тех, кто есть.

Главной надеждой отца, ядром возрожденной дивизии являлись десантники – бойцы и офицеры, прошедшие через все испытания, и курсанты военных училищ, прекрасно обученные и дисциплинированные. В боях они быстро становились настоящими командирами. Пополнили ряды гвардейцев и 700 призывников из Николаевска.

В эти дни отец впервые появился перед своими подчиненными в форме генерал-майора. Приказ о присвоении ему этого звания был подписан еще 25 мая, но последовавшие за этим события отодвинули новость на второй план. Однако все понимали: новое воинское звание комдива означало, что действия дивизии и ее роль в сражениях последних месяцев замечены командованием.

Звездочки на петлицах означали для отца главное – спрос с него будет еще строже, поскольку действовать 13-й гвардейской дивизии придется на фоне новой реальности. Впрочем, это относилось не только к нему. Прорыв гитлеровцев к предгорьям Кавказа, их быстрое продвижение по направлению к Сталинграду,

потеря крупных промышленных центров привели к тому, что положение нашей страны стало не просто тяжелым, а критическим. Именно в этой обстановке 28 июля 1942 года до армии был доведен известный приказ № 227, подписанный народным комиссаром обороны И.В. Сталиным. Этот приказ настолько знаменит, что получил имя собственное – «Ни шагу назад!»

В постсоветском информационном пространстве этот документ огромное количество раз становился предметом и внимательного изучения, и яростных нападок. И хотя с ним уже давно можно ознакомиться любому, кто имеет к тому желание и интерес, этот приказ времен Великой Отечественной войны упорно сводится авторами идеологизированных рассуждений, не имеющих ничего общего с работами ученых-историков, только к одному – созданию заградотрядов и штрафных частей.

Мне представляется важным привести несколько выдержек из этого документа, которые почти никогда не цитируются. Не для того, чтобы спорить с теми, кто слепо ненавидит нашу страну и армию, или хочет видеть в истории не то, что было на самом деле, а лишь то, что хочется, не заглядывая в первоисточники. А для того, чтобы дать возможность тем, кто никогда не читал и не будет специально читать текст этого приказа, понять, почему он появился.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население… Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток…

Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, намного меньше людей… Мы потеряли более 70 миллионов населения… У нас уже нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе

с тем нашу Родину…

Из этого следует, что пора кончать отступление… Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины».

Из приведенных слов приказа № 227 ясны причины, по которым возникла необходимость в этом суровом документе. Можно сколько угодно рассуждать о таких трюизмах, как ошибки и промахи советского руководства в первые месяцы войны. О некоторых из них, на конкретных примерах, упоминается и в этой книге. Но правдой, иногда игнорируемой, является также и то, что гитлеровская Германия и ее армия оказались лучше подготовленными к войне против нашей страны и на ее начальном этапе противник имел успех не только из-за внезапности нападения.

Действительно, многие факты, приводимые в мемуарах советских и зарубежных военачальников и историков, свидетельствуют о том, что благодаря внезапному удару, позволившему уничтожить в первые дни после нападения много нашей военной техники, вермахт превосходил Красную армию на начальном этапе войны в количестве некоторых видов вооружения, особенно современной авиации, средствах связи и транспорта. Но помимо этого сказывалось также определенное превосходство противника в общем уровне подготовленности к боевым действиям среднего командного и в массе своей также рядового состава, значительная часть которого уже имела опыт ведения современной войны с применением новейших видов техники и вооружения.

Но даже тяжелейшие для нашей страны месяцы 1941 года абсолютно неверно рассматривать как цепь непрерывного отступления и поражений Красной армии, что присутствует в описании событий этого года во многих зарубежных и отечественных источниках, в том числе в некоторых школьных учебниках и пособиях. Неоспоримым фактом является то, что уже в этот период многие соединения Красной армии, руководимые талантливыми и мужественными военачальниками и командирами всех уровней, продемонстрировали стойкость и умение в бою, уничтожив значительное количество живой силы и техники противника, на несколько месяцев задержав его

продвижение к Москве и другим жизненно важным центрам нашей страны. Так было под Луцком и Ровно, в Смоленском сражении и на подступах к Ленинграду, при обороне Киева, под Ельней, в Заполярье.

Результатом этих сражений явился срыв германского плана «блицкрига». Многие немецкие военачальники, как в ходе войны, так и после ее окончания, отмечали успехи наших войск в ряде сражений 1941 года, грамотные действия советского командования и мужество красноармейцев, равного которому они ранее не встречали.

Важно также понимать, что завершился 1941 год победой наших войск в битве под Москвой, оказавшей большое влияние на весь дальнейший ход военных действий.

Однако в 1942 году противника необходимо было не только остановить, но и перейти к уничтожению его крупных сил, прорвавшихся в глубь нашей страны. В Ставке Верховного главнокомандования и Генеральном штабе уже готовились такие операции, осуществление которых открывало путь к окончательной победе над фашистскими войсками.

В такой обстановке готовились к новым сражениям в дивизии Родимцева. Он быстро нашел общий язык с новым начальником штаба подполковником Т.В. Бельским и комиссаром М.М. Вавиловым. С этими смелыми, исполнительными и неунывающими людьми отец не только прошел Сталинградскую эпопею, но и сохранил с ними дружбу до конца дней.

В эти дни в Николаевске находился писатель М.А. Шолохов. По воспоминаниям отца, они встречались, и по просьбе Шолохова он рассказывал ему о тех сражениях, в которых участвовали десантники и воины 13-й гвардейской. Известный писатель интересовался и фактами боевой биографии отца. Сослуживцы генерала Родимцева, по-видимому, тоже рассказали Шолохову некоторые эпизоды его учебы в школе ВЦИКа и армейской службы. От них, наверное, и узнал Михаил Александрович о том, каким отличным пулеметчиком был мой отец, включив этот факт в свой роман «Они сражались за Родину».

Каждый вечер отец рассматривал оперативную карту фронта, висевшую в штабе за шторкой на стене, на которую начальник разведотдела майор Бакай наносил последние данные. Взгляда на карту было достаточно, чтобы понять: основной удар противник наносит в направлении Сталинграда и быстро приближается к городу. 23 августа немцы прорвались к Волге севернее города, отрезав защищавшую его 62-ю армию от войск Сталинградского фронта. Предугадать дальнейший путь дивизии было несложно.

В последние дни августа на дорогах за Волгой и в Николаевске появилось много беженцев. Они были свидетелями и жертвами разрушительной бомбардировки Сталинграда. 23 августа немецкая авиация совершила около 2000 самолето-вылетов, в результате чего погибли десятки тысяч жителей, а город был превращен в развалины и охвачен гигантским пожаром.

В квартире, где, находясь в Николаевске, проживал отец, у хозяйки Анны Петровны Можалиной было несколько икон. Когда отец впервые появился в этом доме, она спросила у него, не нужно ли перенести их на другое место. Отец ответил: «Зачем же их убирать, если они на месте? Я ведь тоже крещеный».

Когда колонны солдат уходили из Николаевска в Сталинград, они проходили мимо дома, на крыльце которого стояла хозяйка с иконой «Господь Вседержитель», благословляя бойцов и их комдива. Отец был человеком своего времени, он понимал чувства верующих и знал, что среди бойцов и командиров их немало. Они шли мимо иконы, крестились, шептали молитвы, и никто не препятствовал этому и не одергивал людей. Эта икона, ставшая местной реликвией, и поныне хранится в семье Можалиных с почетным наименованием «гвардейская».

Но была у отца накануне Сталинградской битвы еще одна незабываемая встреча, которая всколыхнула его память и оставила глубокий след в сердце. В середине августа отец выехал на рекогносцировку в район возможного размещения дивизии неподалеку от Сталинграда. Когда их машина в темноте соскользнула в кювет, он обратился к сержанту из проходившей по дороге части с просьбой подсобить. Солдаты быстро вытолкнули машину на шоссе, как вдруг отец услышал знакомый голос, спросивший: «Что тут случилось?» Увидев подошедшего молодого офицера, отец воскликнул: «Рубен!» И в ответ услышал: «Салуд, камарадос Павлито! Товарищ генерал, это же невозможно! Такая встреча!» Они крепко обнялись. В тот миг оба словно вернулись на пять лет назад – доброволец капитан Павлито и капрал Рубен Руис Ибаррури, сын председателя ЦК коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. Только теперь капитаном Красной армии был Рубен, а Павлито – генералом.

Это была их третья встреча, каждый раз случайная, но оттого еще более радостная и памятная. Стоя у края степной дороги, рядом с шагающими мимо них солдатами, они вспоминали свою первую встречу – под Мадридом у Листера. Тогда их встреча была недолгой, отец очень спешил, в тот день он уезжал домой.

Вторая встреча с Рубеном случилась у отца в Москве за год до

войны в стенах военного училища им. ВЦИКа, в котором учился отец. Отец присутствовал на одном из занятий, где среди курсантов увидел Рубена.

И вот они вновь рядом, теперь на одном фронте. На гимнастерке Рубена отец увидел орден Красного Знамени. Молодой испанец рассказал, что в бою на реке Березине он прикрывал со своим пулеметным взводом переправу, был тяжело ранен, его подобрали и на последнем танке вывезли с поля боя наши бойцы. Об этой встрече отец так написал в книге, посвященной Сталинградской битве: «Я был поражен таким совпадением. И Рубен, и я получили свои первые ордена Красного Знамени за бои с фашистами на водных рубежах, только он, испанский юноша, – на исконно русской реке Березине, а я – на испанской реке Мансанарес».

Радуясь их встрече, Рубен воскликнул: «Вот здорово! А говорят, что на свете нет чудес. Есть чудеса!» Отец, взволнованный этой встречей, не хотел отпускать дорогого друга и звал его к себе в дивизию. Но Рубен, поблагодарив отца, сказал, что он должен остаться со своими пулеметчиками, с которыми они воюют вместе с первых дней войны. Они расстались, пожелав друг другу удачи и с надеждой на новую встречу.

Когда узнаешь о подобных встречах, которые происходят с людьми в самое горячее время, в разных местах, удаленных друг от друга на тысячи километров, об удивительных переплетениях реальных человеческих судеб, то порою кажется, что в жизни так не бывает, что так бывает только в кино. У поэта Евгения Долматовского в романе в стихах «Добровольцы», полном романтики и правды той эпохи, есть такие строки, посвященные очередной встрече на мирных и военных дорогах главных героев этого произведения:

Читатель подумает: нет ли обмана?
Поверить ли этому доброму чуду?
Как будто нарочно, как пишут в романах,
Встречаются эти ребята повсюду.
Я тоже смущен совпаденьем немного,
Но в нем ни фантазии нету, ни вздора!
Ходите не с краю, а главной дорогой —
И встретите всех, кто вам близок и дорог!

Их следующая встреча произошла через двадцать лет после окончания войны. Отец так написал о ней в своих воспоминаниях: «Четвертая встреча с Рубеном Ибаррури состоялась весной 1965 года. Я пришел к нему в мирные дни, после митинга,

посвященного разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом. На мраморной плите величавого памятника была прикреплена фотография. Ниже подпись: “Герой Советского Союза Рубен Руис Ибаррури, погиб смертью храбрых под станцией Котлубань”.

Здравствуй, Рубен! Вот мы и свиделись. Посмотри кругом: земля наша теперь свободна. То, о чем ты мечтал, сбылось – коричневая чума уничтожена. Вечная память тебе, друг!

Вместе с маршалами, генералами, офицерами и солдатами мне выпала честь возложить венок у памятника погибшим защитникам Сталинграда. Это и тебе, Рубен, наш венок».

9 сентября пришел приказ Ставки о передаче 13-й гвардейской дивизии в состав 62-й армии, которая сражалась уже на ближних подступах к Сталинграду, и в тот же день она ускоренным маршем направилась в район сосредоточения напротив центральной части Сталинграда. Через двое суток основные силы прибыли на место, а комдив Родимцев явился с докладом к командующему Юго-Восточным фронтом А.И. Еременко. Получив от него указания о дальнейших действиях, отец приказал своим подчиненным готовиться к переброске через Волгу.

Положение защитников Сталинграда усложнялось с каждым днем, немцы бросили на штурм семь пехотных дивизий и сотни танков. 14 сентября гитлеровцы прорвались в центр города, захватив несколько крупных зданий, откуда они получили возможность вести огонь по центральной переправе через Волгу. В тот же день они овладели обращенным к реке склоном Мамаева кургана – высота 102, с которой отлично виден не только весь Сталинград, но и левый берег Волги. Переправляться днем в этих условиях стало невозможно.

О том, как оценивало сложившееся положение в районе Сталинграда высшее советское руководство, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, вспоминая разговор с Верховным главнокомандующим в Кремле вечером 13 сентября, писал:

«Вошел А.Н. Поскребышев и доложил, что звонит А.И. Еременко. Закончив телефонный разговор, Верховный сказал:

– Еременко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки и посмотрите, что еще можно направить туда завтра, – сказал он А.М. Василевскому.

13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми,

слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге… Сил с каждым часом оставалось все меньше».

Мой отец рассказывал, что Маршал Советского Союза В.И. Чуйков, назначенный накануне этих событий командующим 62-й армией, вспоминая день 14 сентября 1942 года, говорил, что, будь у Паулюса в резерве хоть один батальон, он действительно вышел бы к Волге, захватив при этом центральную переправу.

Настал критический момент сражения: немцы стремились во что бы то ни стало пробиться к Волге в центре города, а прижатая к реке, отрезанная от соседей армия В.И. Чуйкова должна была во что бы то ни стало удержать плацдарм на правом берегу. В противном случае переправляться войскам, идущим на помощь, было бы просто некуда.

Дивизия Родимцева начала переправу в центральную часть Сталинграда в ночь с 14 на 15 сентября. Перед ее началом у отца состоялся примечательный разговор с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым, отвечавшим за переброску дивизии. На просьбу отца дать еще один день на подготовку, завершение подвоза некоторых вооружений и боеприпасов, получение разведданных Голиков ответил, что в городе остались лишь отдельные очаги сопротивления и начинать переправу необходимо немедленно. Передавать данные о противнике некому, да и ситуация меняется ежечасно, поэтому любая информация сразу устаревает. Помочь обороняющимся артиллерией, в большом количестве сосредоточенной на левом берегу, также невозможно – никто толком не знает, где свои, а где чужие и где проходит передний край. Как вспоминал отец, только теперь обстановка на том берегу начала для него проясняться – медлить нельзя было ни часа.

Уже сама переправа дивизии через горящую Волгу под огнем врага вошла в историю войны яркой страницей. Отец всегда говорил, что это была не просто переправа, а форсирование широкой водной преграды под воздействием противника, причем без авиационного и артиллерийского прикрытия. Из подожженной нефтебазы горящая нефть растекалась по реке. Надо было пройти в буквальном смысле сквозь огонь и воду!

К выбору батальона, который начнет переправу первым, отец отнесся очень серьезно. Он прекрасно понимал, как трудно придется именно тем, кто пойдет первым, и как много будет зависеть от того, насколько удачными будут их действия. Еще за сутки до начала переправы он обсудил этот вопрос с командиром 42-го полка Елиным. Отец, хорошо знавший всех своих

командиров батальонов, с удовлетворением отметил, что мнение Елина совпало с его собственным, – батальон под номером первым старшего лейтенанта Червякова и пойдет в бой первым. Ему было приказано обозначить ракетами передний край.

Комбат Захар Червяков сражался на фронте с первых дней войны. Это был опытный, грамотный и смелый командир. Все бойцы батальона были вооружены автоматами и хорошо экипированы. В подразделениях были противотанковые ружья (ПТР) и пулеметы. Вместе с первыми частями начинали переправу минометчики и артиллерия – 45-миллиметровые противотанковые орудия – знаменитые «сорокапятки». Родимцев понимал: для борьбы с танками этого мало, но вкупе с противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью для городского боя это было уже неплохо.

Такими же опытными и подготовленными были командиры и бойцы других батальонов полка. Отец был уверен в этих людях.

Комдив Родимцев лично руководил погрузкой бойцов и вооружений на катера, баржи и плоты. Едва первые из них отошли от берега, как с противоположной стороны по ним открыли огонь. Вскоре они скрылись из вида в дыму, окруженные водяными смерчами от снарядов и мин. О том, что первые отряды высадились на сталинградскую землю, стало понятно по непрерывной автоматной стрельбе, а чуть позже и по звукам выстрелов противотанковых ружей. Отец вспоминал, что он был озадачен: неужели немецкие танки подошли так близко к Волге в центре города? Или это его бойцы, увлекшись атакой зашли слишком далеко, что могло обернуться неприятностями в условиях городского боя, да еще и ночью.

Вот что написал о событиях 15 сентября 1942 года в Сталинграде Г.К. Жуков: «Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А.И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А.И. Родимцева отбила Мамаев курган».

О сражении в Сталинграде написано много книг, статей, исторических монографий. Об этих событиях, о своих солдатах написал и мой отец в книге «Гвардейцы стояли насмерть», впервые увидевшей свет в 1969 г. и переизданной в 2015 г. Из всех командиров дивизий, сражавшихся в Сталинграде осенью и зимой 1942 года, когда исход битвы висел на волоске, кроме моего отца об этих событиях в своих мемуарах написал только И.И. Людников – командир 138-й дивизии, которая переправилась в город 17 октября. К сожалению, многим сталинградским

комдивам не удалось дожить даже до конца войны. Следует отметить, что все другие соединения прибыли на защиту Сталинграда после 13-й гв. дивизии – в конце сентября или позднее.

Вот так и получилось, что написанное моим отцом дало уникальную возможность узнать подробности сталинградской эпопеи с того момента, когда враг вышел к Волге, от комдива, чья дивизия переправилась в Сталинград в критический момент битвы за город. Генерал Родимцев сто сорок дней и ночей находился в той же обстановке непрерывных боев, что и его бойцы, нередко в каких-то ста, а порой и меньше, метрах от противника.

Среди тех, кто хочет знать, как было на войне на самом деле, есть немало скептиков, считающих, что правда о войне у солдата и генерала разная, потому, что они видят ее по-своему – один из окопа, а другой со своего наблюдательного пункта. Однако в том, что касается Сталинградской битвы, этого различия нет. Воспоминания о ней генерала и солдата отличаются лишь мерой ответственности каждого за исход сражения, а правда о том, что им довелось увидеть и пережить, у них одна, потому что все они каждый день были рядом – на клочке земли под непрерывным огнем врага. И каждый боец хоть раз, но видел Родимцева на переправе, в своей траншее, в окопе, в развалинах дома, который он защищал, и знал, что его комдив где-то рядом, что он такой же смертный и что у них общая цель и судьба.

Я же хочу остановиться на некоторых наиболее ярких и драматических эпизодах этой битвы, дополнив то, что уже известно, живыми воспоминаниями отца, его подчиненных и командиров, а также подробностями, о которых до сих пор не было написано или известно очень мало.

Задача наступать и очистить от гитлеровцев центр города была поставлена изначально. Это был не случайный порыв, в этом состоял план боевых действий. Накопленный опыт предыдущих сражений подсказывал комдиву единственное решение в схватке с превосходящим противником в стесненном пространстве городских развалин – наступать, используя всю огневую мощь и свежесть своих частей. Просто занять оборону вдоль берега значило не только отдать инициативу врагу, но и обречь себя на гибель. Пассивная оборона уже не могла спасти положение. Эту мысль активно внедрял подчиненным и новый командующий 62-й армией В.И. Чуйков.

Отец вместе со штабом дивизии переправились, когда стало уже совсем светло. Несмотря на сильный обстрел, все обошлось. К этому моменту передовой батальон уже вел бой за вокзал. Наутро

немцы, не ожидавшие такого удара, бросили в наступление против выбивших их из центра города гвардейцев до двух пехотных дивизий. Разгорелись схватки, переходившие в рукопашную, четыре раза в течение одного дня вокзал переходил из рук в руки, но остался за нашими бойцами.

Во второй половине дня 15 сентября на командный пункт отца, оборудованный в штольне у речного обрыва, прозванный позже «трубой», прибыл связной от Чуйкова и передал его приказ – явиться на КП армии. В путь они отправились впятером – связной, адъютант Шевченко, разведчик Войцеховский, автоматчик и отец. Этот небольшой по мирным меркам путь им пришлось проделать под обстрелом немецкой пехоты и снайперов, попав в пути под бомбежку, то и дело прячась в воронках или канавах. Невредимыми дошли только отец и Шевченко. Связной и боец-автоматчик погибли от бомб, а тяжело контуженного разведчика пришлось оставить в воронке, чтобы подобрать его на обратном пути.

Отец вспоминал, что, когда они добрались до места, вид у них был неприглядный. Не успели они как следует почиститься, как Чуйков вызвал отца к себе. Это была их первая встреча. Оглядев Родимцева, он спросил его, почему он явился в таком неприглядном виде, хотя командующий отлично знал, что происходит в городе и как приходится по нему передвигаться. Слова командарма, сказанные к тому же в присутствии члена ВС армии К.А. Гурова и начальники штаба Н.И. Крылова, были отцу, конечно, не очень приятны. Он и сам не любил неопрятных людей. Но не успел что-либо ответить, как Чуйков понимающе улыбнулся и произнес: «Вижу, товарищ Родимцев, вам досталось. Ну, что, прочувствовали обстановку в Сталинграде?» «Вполне», – ответил отец.

Выслушав доклад Родимцева о состоянии дивизии, и узнав о том, что ими недополучена часть вооружения и боеприпасов из-за задержек и потерь во время переправы, Чуйков сразу связался с левым берегом и приказал собрать в тыловых частях все, что можно для отправки в 13-ю гвардейскую. Затем он ознакомил отца с положением в городе и поставил конкретные задачи. Он требовал использовать любую возможность для наступательных действий и навязывания ближнего боя, действуя небольшими штурмовыми группами. В этой тактике важным было то, что немцы теряли свое преимущество в авиации и артиллерии, не имеющих точных данных о том, где чьи войска, что было на руку обороняющимся.

В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза В.И. Чуйков написал об этом так: «Гитлеровцы не любили, вернее,

не знали ближнего боя. Они его не выдерживали морально». А для отца важным было то, что к этому готовы и обучены бывшие десантники – главная сила и опора его дивизии.

Но на тот момент ни Чуйков с Родимцевым, ни кто либо другой даже не представляли, какой размах примут бои в развалинах, в которых почти всегда будут брать верх советские солдаты. Несмотря на численный перевес фашистских войск, особенно в первые месяцы сражений в черте города, тактика штурмовых групп позволит нашим войскам переломить ход битвы в свою пользу.

Определенная командармом полоса обороны 13-й гв. дивизии оказалась довольно большой – от реки Царицы на юге до Мамаева кургана включительно на севере. На замечание отца о том, что Мамаев курган еще нужно взять, командующий спокойно и твердо ответил: «Не сомневаюсь, возьмете!» Когда Родимцев уже собрался уходить, Чуйков неожиданно спросил его: «Как настроение, выполните задачу? Не пропустите врага к Волге?» Отец ответил дословно: «Я коммунист, уходить отсюда не собираюсь и не уйду». После этого он сказал, что ему стыдно будет сидеть на своем КП позади командного пункта армии. Но Чуйков заверил его, что после выполнения дивизией своей задачи, он разрешит перенести КП вперед.

Такой была первая встреча этих людей, чьи имена будут навсегда слиты в истории Сталинградской битвы. Вспоминая об этом эпизоде, отец говорил, что строгость Чуйкова в отношении его внешнего вида, несколько даже нарочитая, была вызвана, как он понял из дальнейшего общения с ним, желанием командарма показать вновь прибывшему командиру свою требовательность во всем. В последующем их общение всегда проходило в спокойной, деловой манере, лишь порой он чувствовал нервозность или жесткую настойчивость командующего, но это были, если можно так выразиться, «рабочие» моменты, вызванные тяжелой боевой обстановкой. Ни во время Сталинградской битвы, ни позднее их отношения никогда не омрачались неприязнью. Отец высоко ценил и уважал командарма Чуйкова, а тот, в свою очередь, всегда отмечал большую роль 13-й гвардейской и заслуги ее командира в спасении Сталинграда в самые трудные для города дни.

Спустя 30 лет после окончания войны Василий Иванович Чуйков подарил моему отцу свою книгу «Сражение века» с автографом, в котором есть такие слова: «Если бы не 13-я гвардейская, то трудно сказать, что было бы в середине сентября 1942 года». Командарм Чуйков имел все основания так считать, потому что появление дивизии Родимцева и стойкость, с которой

она сражалась в центре города, сорвали планы и расчеты гитлеровцев. В.И. Чуйков вспоминал: «Не успели прибывшие ночью свежие части Родимцева осмотреться и закрепиться, как сразу были атакованы превосходящими силами врага. Его авиация буквально вбивала в землю все, что было на улицах… В боях 15 сентября противник потерял только убитыми свыше двух тысяч человек. В конце концов Паулюс бросил в бой все силы 2-й ударной группы. Две танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизии противника повели решительное наступление на левое крыло армии. И хотя противник был сильнее нас не менее чем в пятнадцать-двадцать раз, каждый свой шаг вперед он оплачивал дорогой ценой».

Начальник штаба 62-й армии генерал-майор Н.И. Крылов, вспоминая свой первый разговор с командиром 13-й гвардейской в Сталинграде, писал: «Родимцеву было тридцать семь лет, но на вид он казался моложе… Я не знал тогда того, что бить фашистов он начал под Мадридом и Гвадалахарой и Золотую Звезду Героя Советского Союза заслужил именно там.

От первой встречи с Родимцевым осталось впечатление, что это человек живого ума и быстрой реакции, очень собранный, уверенный в себе и в своих людях… А парашютный значок комдива напоминал, что в его дивизии есть и воздушно-десантники. Лишь немногие бойцы этих бригад дошли до Сталинграда. И все же что-то от боевого стиля воздушно-десантников было и в стремительности, с которой гвардейцы ворвались на берег, и в напоре, с каким они развивали свой начальный успех, углубляясь в город. Воплощением молодого боевого задора предстал перед нами и сам комдив».

За событиями в Сталинграде следил без преувеличения весь мир – одни с надеждой, другие с готовностью после его падения присоединиться к фашистской Германии. Так случилось, что стратегические интересы сторон, решимость командиров, стойкость войск, амбиции глав государств, надежды советских людей на то, что враг будет в конце концов остановлен, – все свелось к одной географической точке на Волге.

Битва на руинах

В сентябрьские дни 1942 года Совинформбюро сообщало о продвижении наших войск на сотню-другую метров как о важном событии, влияющим на ход сражения. Взятие или потеря одного дома, а порой лишь нескольких этажей, переход на другую сторону улицы занимали в сводках воюющих сторон такое же место, как до и после этой битвы сообщения о продвижении на десятки километров и взятии крупных городов. Но кажущаяся малость успехов не означала второстепенность происходящего в Сталинграде. Напротив, это было свидетельством колоссального напряжения, высокой цены исхода битвы, когда с обеих сторон на карту поставлено все и победу в сражении может решить любой, даже самый незначительный на первый взгляд успех.

Отбитые у врага дома и метры сталинградских улиц учитывались в планах командования армий, фронтов, в Генеральном штабе. Они имели значение для планирования операций на всем советско-германском фронте. Но защитники Сталинграда еще не знали, что они участвуют в битве, которая предопределит исход всей Второй мировой войны.

Задачу взять Мамаев курган дивизия Родимцева выполнила на следующий день после переправы. Кто был в Волгограде, тот знает, что это господствующая высота. Владея ею, можно не только отлично видеть все вокруг на многие километры, но и обстреливать весь город, переправы, Волгу и ее левый берег. С того часа, когда 39-й гвардейский полк С.С. Долгова взял штурмом Мамаев курган, и до окончания Сталинградской битвы за обладание этой высотой шло непрерывное кровопролитное сражение, в котором немцы потеряли больше солдат и офицеров, чем французы на Бородинском поле…

Вспоминая сражения в Сталинграде, отец особо подчеркивал, что в первых рядах шли молодые солдаты и офицеры. Только молодые, хорошо обученные солдаты и командиры могли выполнить задачи, казавшиеся непосильными. Командиру передового батальона, сбросившего немцев с Мамаева кургана, Ивану Исакову, было всего 20 лет! (Он выжил и после войны стал полковником.) Командиры рот – его ровесники, самому старшему в штабе батальона было 28 лет.

Из мемуаров Н.И. Крылова: «Молодой комбат действовал не только очень решительно, но и весьма расчетливо, а кое в чем – по-новаторски. Там, где это было выгодно, подразделения батальона продвигались вперед не перебежками, а цепью (а так как противник атаки не ждал и организованный огонь повел лишь

через несколько минут, быстрое сближение с ним сократило наши потери). Умели бойцы Исакова и огонь вести на ходу. Такие тактические приемы тогда еще не предусматривались уставом, однако их подсказывала практика войны.

Все это могло служить своего рода аттестацией генералу Родимцеву: получив при доукомплектовании дивизии время на боевую подготовку, он смело вводил в практику обучения все то, что вынес из опыта первых военных месяцев».

Прошло менее двух суток с начала переправы 13-й гвардейской в Сталинград, а сделать удалось уже немало. Со взятием Мамаева кургана все территории, имеющие выход к Волге, на участке обороны дивизии были отвоеваны у противника. Но все, чего добились гвардейцы, далось им очень непросто.

Просматривая списки потерь, отец с болью узнавал знакомые фамилии бойцов и офицеров, которых он знал и помнил еще с боев под Киевом. Да, их стало меньше, но задачу удержать то, что отвоевано у фашистов, никто не отменял.

Пришедшие в себя после удара гвардейцев гитлеровцы начали штурм отбитых у них позиций. В течение 17 сентября силами нескольких дивизий при поддержке не менее ста танков немцы атаковали 13-ю гвардейскую, пытаясь раздавить и сбросить ее в Волгу. Одной из главных их целей был Мамаев курган, который два фашистских полка штурмовали в тот день шесть раз, но поредевший полк Долгова с вершины так и не отступил.

Когда после войны моего отца во время выступлений в самых разных аудиториях спрашивали о том, какие моменты Сталинградского сражения запомнились ему более всего, он всегда вспоминал бой 22 сентября. В книге отца события того дня описаны с такой прямотой и ясностью, что даже человеку, далекому от военной истории, становятся понятны истинный смысл и невероятно высокая цена сражения, происходившего у самой кромки волжского берега: «Бой, развернувшийся ранним утром 22 сентября на участке дивизии, по напряженности и потерям превзошел все предыдущие бои, которые пришлось вести гвардейцам в городе… Под непрерывным обстрелом пулеметов, артиллерии, танков, под бомбовыми ударами гвардейцы бились насмерть, отстаивая каждую улицу, дом, квартиру. Повсюду то и дело вспыхивали яростные рукопашные схватки.

Это поистине был ад. Я побывал не в одном сражении, но в такой схватке мне довелось участвовать впервые. В этом бою, который даже ветеранов поразил своей ожесточенностью, гвардейцы проявляли чудеса выдержки и героизма. Главный удар

гитлеровцы нацелили в стык двух полков, чтобы разрезать нашу дивизию и уничтожить ее по частям.

И вот пришел такой момент, когда на одном из участков обороны погибли почти все бойцы и командиры. Пятнадцать вражеских танков и около двухсот автоматчиков прорвались в образовавшуюся брешь и вышли к Волге. Почти одновременно фашисты добились успеха на левом фланге полка в районе площади 9 Января. Момент был критический. Возникла реальная угроза окружения полка и разобщения сил дивизии. На помощь бросили мои резервы – сводный батальон, собранный из подразделений тыла дивизии. Прорыв ликвидировали…»

Уже позже подсчитали, что в тот день части 13-й гвардейской отразили двенадцать танковых атак. Несколько немецких танков, прорвавшихся к самой Волге, так и остались стоять там сожженными. Вопрос – устоит или нет дивизия Родимцева – волновал в тот день не только ее командира, но и командование 62-й армии. Начальник штаба армии Н.И. Крылов тоже запомнил это сражение, написав о нем: «Ликвидировать опаснейший прорыв на своем правом фланге и восстановить там в основном прежние позиции командир 13-й гвардейской дивизии сумел в условиях, когда продолжался тяжелый бой на других участках… И все это – в узкой полосе приволжских городских кварталов, где крайне осложнен любой маневр. Александр Ильич Родимцев, немало испытавший за войну, говорил потом, что бой 22 сентября остался для него самым напряженным».

Я хорошо помню, какой незаживающей раной стала для отца еще одна драматическая история сталинградской эпопеи 13-й гвардейской – трагичная судьба 1-го батальона 42-го гвардейского полка, того самого, который первым переправился через Волгу и много дней дрался в окружении в районе центрального вокзала. Спустя даже много лет после войны отец часто возвращался к этому в разговорах с ветеранами дивизии, словно стараясь понять: все ли сделали они, что было в человеческих силах, чтобы помочь своим бойцам? На выручку батальона была направлена десантная группа, специальные отряды пытались прорваться к вокзалу самыми разными путями, но это оказалось невозможно, количество немецких войск в этом районе было слишком велико.

Отцу докладывали, что тяжело раненного в первый день боев командира батальона Червякова удалось отправить за Волгу, командование принял старший лейтенант Федосеев. Пробравшийся оттуда в двадцатых числах сентября с донесением израненный солдат сообщил, что оставшиеся в живых бойцы и командиры держат круговую оборону, идут рукопашные схватки.

В один из октябрьских дней на левый берег Волги выбрался еле живой от ран солдат, сообщивший, что первого батальона больше не существует. Все его бойцы и командиры до конца выполнили свой долг…

Среди многих эпизодов обороны сталинградской эпопеи, в которых прославились солдаты Родимцева, есть особенный даже по тем меркам – это оборона небольшого дома на площади имени 9 января, вошедшего в историю войны как «Дом Павлова».

Мой отец и многие другие участники обороны Сталинграда подробно описали и рассказали об этом подвиге бойцов 13-й гвардейской, о котором узнала вся страна. Однако в последнее время в различных источниках, в том числе исторических исследованиях, о защитниках «Дома Павлова» сообщается так, словно это была некая группа бойцов, непонятно какой воинской части, в силу сложившихся обстоятельств совершившая геройский поступок.

Опираясь на рассказы и книги моего отца, свидетельства других участников обороны Сталинграда, я хочу еще раз вспомнить, как это было, дополнив описание подвига некоторыми малоизвестными фактами, раскрывающими человеческие качества наших солдат.

Отец вспоминал, как в конце сентября он обратил внимание на одинокий четырехэтажный дом, расположенный примерно в ста метрах от мельницы, в которой находился наблюдательный пункт дивизии. (Здание мельницы сохранено в разрушенном виде и является частью музея-заповедника «Сталинградская битва».) Он дал поручение обследовать дом, выполнить которое надлежало старшему лейтенанту Наумову, командиру роты 42-го полка. В ту же ночь группа из четырех разведчиков во главе с сержантом Павловым выбила небольшой отряд немцев из здания и несколько дней удерживала его.

Я хочу обратить внимание на одно обстоятельство, очень важное для понимания того, что означает понятие «настоящий солдат», и как из обычного ночного рейда произрастает подвиг. Сержант Павлов не получал приказа удерживать дом, его группе было поручено лишь произвести разведку и доложить результат командиру. Выполнив задание, они могли вернуться к своим и ждать дальнейших распоряжений. И никто бы их ни в чем не упрекнул. Но дело в том, что Павлов был опытным бойцом, не только смелым, но и думающим. Он отлично понимал, что им неспроста поручили это задание. Ему была понятна мысль командиров: после разведки этот дом надо у немцев отбить, и чем быстрее, тем лучше. Так что же, теперь, когда дом был в их руках, они должны из него уйти? Чтобы завтра вместе со своими

товарищами снова пробираться сюда ночью, а может быть, и штурмовать, если немцы вернутся? И он принял решение остаться, занять оборону и держаться до прихода подкрепления.

Командир полка Елин доложил Родимцеву, что дом на площади атакует рота немцев, но по ним оттуда ведут огонь. Отец поначалу даже не поверил, когда узнал, что на задание послали всего четверых бойцов, которые, видимо, теперь и обороняются, уложив на подступах к нему уже несколько десятков гитлеровцев. Вскоре из этого здания сумел пробраться с донесением санинструктор Калинин, находившийся там вместе с двумя ранеными, и доложил, что он из дома Павлова. Такое обозначение объекта никого не удивило. Вот так и получилось, что скромный полуразрушенный дом приобрел имя, которое вошло в историю Великой Отечественной войны.

Как опорный пункт на переднем крае дом имел исключительно важное значение. Из его окон гвардейцы держали под прицелом пулеметов все прилегающие улицы. На подмогу разведчикам Елин, по согласованию с Родимцевым, направил взвод из 22 человек во главе с лейтенантом Афанасьевым. Пятьдесят восемь дней и ночей этот гарнизон из 26 гвардейцев удерживал дом, отразив сотни атак врага.

Отец несколько раз бывал в «Доме Павлова», общался с бойцами, советовал, как лучше организовать оборону и снабжение. Среди защитников дома были воины десяти (!) национальностей. Афанасьев называл своих бойцов «интернациональной бригадой». Отцу сравнение понравилось – это действительно было похоже на то, что он видел в Испании. Отмечу, что никто специально не отбирал людей, направленных в это здание, по национальному признаку. Все они попали туда потому, что были проверенными в боях, отличными бойцами – пулеметчиками, бронебойщиками, минометчиками.

Отец особенно интересовался пулеметчиками, среди которых выделял 19-летнего Илью Воронова. И тот оправдал доверие комдива. Когда немцы большими силами пошли на приступ, Воронов, уже будучи ранен, в упор расстреливал врагов.

На личной карте фельдмаршала Паулюса этот дом был отмечен как крепость. В 1940 году немецкие войска, в составе которых действовала и 6-я армия Паулюса, за 36 дней разгромили бельгийские, голландские, основную часть французских и британские экспедиционные войска и без боя вошли в Париж. За 28 дней немцами была завоевана Польша. Но за два месяца одной из лучших в вермахте армий так и не удалось сломить сопротивление горстки бойцов – гвардейцев Родимцева!

Из воспоминаний отца: «Пленные немецкие разведчики считали, что его обороняет батальон. Об этом доме сначала узнала наша армия, потом вся страна и, наконец, весь мир. На его защитников равнялась вся дивизия, о нем слагали песни и легенды… Слава о защитниках этого дома не померкнет в веках».

Частым «гостем» в хозяйстве Афанасьева-Павлова был снайпер Анатолий Чехов, чье имя благодаря фронтовым газетам было уже известно далеко за пределами 13-й гвардейской. Отец нередко с явным удовлетворением вспоминал, как бойцы говорили о нем: «Чехов во всей полосе дивизии по фронту и на расстоянии видимости из оптического прицела заставил гитлеровцев не ходить, а ползать по-пластунски». За время Сталинградской битвы он уничтожил 265 солдат и офицеров противника, став одним из самых известных советских снайперов.

Но рассказ о «Доме Павлова» будет неполным без упоминания о том, что, защищая его, воины 13-й гвардейской спасли мирных жителей, которые прятались в подвале. Их было около тридцати человек – старики, женщины, подростки, дети. Среди них была молодая женщина с грудным ребенком, девочкой. Бойцы делились с ними всем, чем могли, а когда стало возможно, по вырытому защитниками дома ходу вывели людей в тыл дивизии. Все они были вывезены за Волгу.

Девочку-младенца звали Зина. Зинаида Петровна Андреева по сей день живет в Волгограде, она возглавляет районную организацию «Дети военного Сталинграда». Все послевоенные годы она поддерживала связь с защитниками «Дома Павлова». С генералом Родимцевым она много раз встречалась в Волгограде и в Москве. Бойцы называли ее крестницей Родимцева.

Бывая в Волгограде, я всегда встречаюсь с Зиной Андреевой. Вместе с Татьяной Кривенко, дочерью друга моего отца – генерала М.С. Кривенко, обеспечивавшего охрану плененного Паулюса, мы посещаем места сражений 13-й гвардейской.

Последний из защитников «Дома Павлова» – Камолжон Тургунов – скончался в марте 2015 г. на 93-м году жизни, не дожив несколько дней до 70-летия Победы, на празднование которого он был приглашен Президентом РФ В.В. Путиным. Мне довелось несколько раз общаться с Тургуновым, Павловым, Афанасьевым, Вороновым и другими участниками этих сражений во время встреч ветеранов дивизии. Они запомнились мне сердечными, очень общительными, с большой любовью и уважением рассказывали о моем отце, всегда тепло относились ко мне и моим сестрам.

В конце сентября сражение в Сталинграде стало все более приобретать позиционный характер. Обе стороны старались закрепиться на занимаемых рубежах, превращая каждый дом в опорный пункт, а некоторые стали настоящими крепостями. Много сил, мужества, смекалки и решительности потребовалось от гвардейцев, чтобы не только отстоять свои позиции, но и овладеть важными зданиями, занятыми противником. Это были дни и ночи боев в домах, в развалинах, на земле и под землей. И здесь на первый план вышли штурмовые группы, ставшие главным и очень эффективным средством борьбы с фашистами, имевшими численный перевес.

О невероятном напряжении этих боев отец в своих воспоминаниях писал: «Ночной бой в здании – самый тяжелый бой. Мне он знаком по боям в Университетском городке в Мадриде. Здесь нет понятия – передний край, фронт, тыл, фланги. Противник может быть повсюду – этажом выше, ниже, вокруг. Здесь, как нигде, в тесном единении уживается рукопашная схватка с огнем. Чутье, находчивость, смелость, скорее дерзость решают исход боя. Шорох? Кто там? Свой? Чужой? Как узнать?.. Решай быстро! Быть может, на решение отпущено вот это мгновение, быть может, десятая доля секунды отделяет от бесшумного броска гранаты или удара ножом…»

В этих боях, проходивших среди городских развалин, где зачастую было трудно понять, где свой, а где чужой, оказались востребованными навыки десантников, владеть которыми обучали всех бойцов дивизии, – умение вести бой в окружении, врукопашную, днем и ночью, хорошо владеть всеми видами оружия, выносливость и взаимовыручка. Именно эти качества гвардейцев Родимцева уравнивали шансы, когда им приходилось сражаться с превосходящими силами противника, позволяли не просто выжить в аду Сталинграда, но и уничтожать врага.

Способность солдата сражаться зависит не только от его выучки и оружия, которое ему дано. Люди нуждаются в моральной поддержке, в любой, хотя бы самой малой, психологической разрядке. На эту тему у отца еще в октябре состоялся разговор с комиссаром М.М. Вавиловым, который рассказывал мне об этом во время одной из встреч с ним через много лет после войны: «Однажды Александр Ильич поделился со мной своим наблюдением: он сказал, что слышит иногда в разных местах, как поют солдаты, значит, есть у людей потребность отдохнуть душой. Он предложил мне подумать о том, чтобы сколотить самодеятельную группу для поднятия духа бойцов. Мы начали искать во всех подразделениях таланты – певцов, музыкантов, плясунов, сочинителей. Но для нас важным было

также то, что все понимали: помимо возможности отвлечься от войны и разлуки с домом, любимые песни, музыка, шутка будут нашим вызовом врагу, помогут сохранить человеческое достоинство в жестокой реальности войны».

Сколько же талантливых людей удалось найти в дивизии! С любовью вспоминали ветераны своих товарищей, согревавших бойцов своим искусством в окопах Сталинграда. Лирические песни исполняли старший сержант Семен Толокунский из саперного батальона, связист Миша Стебляк, санинструктор Лидия Иванова, повар Виктор Антипов. Русские народные песни пел младший лейтенант Павел Разгельдеев, сатирические куплеты читали сержанты Борис Лифшиц и Вениамин Перевалов. Удачные тексты для разных номеров писали сержант Юрий Белят, ставший впоследствии журналистом, и Орделов. Главным аккомпаниатором был сержант Анатолий Студенков, игравший на баяне и гитаре, а прекрасным скрипачом, которого очень любил слушать Родимцев, оказался боец Яков Рубинчик. Конечно, всем нравились появившиеся в армейских газетах стихи о Василии Теркине, которые читал Федор Тимошенко.

Эти люди десятки раз выступали в землянках и блиндажах у переднего края. Бывало, что в это время враг начинал наступать, тогда они вместе со всеми отбивали очередную атаку, а затем, отложив в сторону автоматы и винтовки, продолжали концерт. Однажды произошло и совсем уж неожиданное событие, связанное с таким концертом. Когда смолкли песни и звуки музыки, посреди тишины вдруг раздался голос: «Рус! Катюш давай!» Это сидевшие в нескольких десятках метров от них враги то ли заслушались, то ли хотели испортить бойцам праздник какой-нибудь гадостью. Но смех на нашей стороне они вызвали изрядный. Рассказали про этот случай офицеры штаба, а это были люди ответственные. Приукрасить слегка они, конечно, могли, но придумать такое, да еще в присутствии своих товарищей – никогда.

Невероятно, но факт: самый большой концерт с участием многих из перечисленных «артистов» состоялся на КП дивизии 7 ноября 1942 года. А ведь на эту дату Гитлер назначил Паулюсу очередной «окончательный» срок взятия Сталинграда. В Берлине были заготовлены клише для газетных заголовков об этом событии. Но гвардейцы не знали о всех этих приготовлениях и требованиях фюрера, и в тот день у всех бойцов был особый настрой. Ни на одном участке немцы не смогли ничего добиться, понеся лишь большие потери в бесплодных попытках хотя бы сдвинуть с места вросших в сталинградские руины и волжский берег ее защитников. Слова эти в данном случае следует

понимать буквально: в ноябре глубина обороны от берега Волги до переднего края в полосе 13-й гвардейской дивизии составляла 200–250 метров. Даже далеким от военной науки людям понятно, что это значит.

А вечером того дня, после концерта, его участники вместе со своими благодарными зрителями пели песни, и среди них любимые песни их комдива: про Стеньку Разина, про то, как мчится тройка почтовая по Волге-матушке зимой, про ямщика, который на почте служил, был молод, имел он силенку.

Отец вспоминал, что следующий «большой» концерт их самодеятельности состоялся в новогоднюю ночь, когда они встречали 1943 год: «На одном участке фашисты вдруг зашевелились, но мы их крепко стукнули. В ту ночь мы поздравляли друг друга с Новым годом и с победой, знали: она близка. Из того, что было, повар Антипов соорудил праздничный стол, наши артисты пели и плясали. Встречу 1943 года забыть нельзя!»

Участником этого новогоднего ужина был и друг отца поэт Евгений Долматовский. Он вспоминал: «Встреча Нового года у Родимцева состоялась в бетонной трубе командного пункта. В Сталинграде в эту ночь было сравнительно спокойно, и мы благодушествовали за дощатым столом. Генерал Родимцев отвел на «новогоднее мероприятие» полтора часа. Он был радостен и хорош в ту ночь – скоро победа. В какой-то момент он распечатал коробку папирос “Казбек” и стал всех угощать».

Слушая эти рассказы, читая воспоминания отца и других участников битвы на Волге, я окончательно понял, почему отборные войска Европы разбили себе в Сталинграде голову, так и не поняв причины своего краха.

Жизнь, которую со всех сторон пытались уничтожить всеми мыслимыми способами, продолжалась и стучалась в блиндаж командира дивизии, заставляя его заниматься такими вопросами и проблемами, которые не могли предусмотреть никакие уставы, приказы и наставления.

В конце декабря 1942 года в штаб к Родимцеву прибыл военврач Владимир Баранчеев. Отец хорошо знал этого офицера, который уже давно находился в рядах дивизии и отлично зарекомендовал себя. Но на этот раз Баранчеев обратился к Родимцеву не со служебным вопросом, а с необычной просьбой. Владимир сказал, что он и санинструктор Надя любят друг друга и решили стать мужем и женой. Они просят зарегистрировать их законным браком. С такой необычной просьбой отцу еще ни разу не приходилось сталкиваться, тем более во фронтовой

обстановке.

Посоветовавшись с офицерами штаба, комдив принял решение удовлетворить просьбу. Во-первых, он хорошо понимал, что эти молодые люди, несмотря на суровую пору, хотят простого человеческого счастья, которое они заслужили. Во-вторых, и это Родимцев тоже понимал, как никто другой, что он не имеет права отказать им быть счастливыми сейчас, когда продолжается тяжелейшая битва и смертельная опасность грозит им каждую минуту.

И вот накануне Нового 1943 года молодожены прибыли в штаб. По такому случаю был издан приказ по дивизии о бракосочетании молодых. В присутствии офицеров штаба Родимцев поздравил молодоженов и вручил им отпечатанную на машинке справку за своей подписью о том, что они вступили в законный брак. После того как все присутствующие поздравили молодую чету Баранчеевых, генерал Родимцев обнял их и вручил небольшой сверток, сказав, что это подарок от него лично. Когда молодожены вышли из штаба, Баранчеев осторожно развернул его. В нем были кусок туалетного мыла и одеколон из генеральского запаса. Это все, чем отец мог порадовать их в тот день. В сражающемся, разрушенном Сталинграде этот подарок был дорог не только тем, что являлся конечно же нужным и нелишним, но и тем, что сделан от души.

Владимир и Надежда Баранчеевы прожили долгую и счастливую жизнь. Они создали большую семью – много детей, внуков. В послевоенные годы отец часто встречался с ними, приезжая в Волгоград, принимал их у себя дома в Москве. На всю жизнь запомнили супруги подарок любимого генерала. Их потомки помнят до сих пор рассказ своих родителей о сталинградской «свадьбе» и подарке Родимцева. Как дорогая реликвия хранится в семье Баранчеевых справка, которую выдал им в Сталинграде комдив 13-й гвардейской Александр Ильич Родимцев.

19 ноября 1942 года началось контрнаступление советских войск в районе Сталинграда, закончившееся окружением армии Паулюса. Вместе с другими частями прижатой к Волге 62-й армии перешли к активным наступательным действиям и воины 13-й гвардейской дивизии. А в ночь на 25 ноября приказ о наступлении получили и защитники «Дома Павлова». Как и обещали, они двинулись из своего обжитого дома на запад! Ничуть не жалея, что оставляют его навсегда. Пусть даже и немного удалось им пройти в те дни, но они сделали все, что было в человеческих силах. Рывок вперед, через развалины

зданий, из которых хорошо укрепившийся враг простреливал каждую пядь земли, через изрытые воронками улицы и площади, давался защитникам Сталинграда дорогой ценой. В сражении за так называемый «молочный дом», находившийся на площади 9 Января, погиб командир роты Наумов и немало других командиров и бойцов, отличившихся в последних боях, были ранены сержант Павлов и многие из тех, кто сражался вместе с ним в «Доме Павлова». Получившего множество ранений, истекающего кровью пулеметчика Воронова сумели вынести из боя и доставить в полевой госпиталь на левом берегу Волги, где хирурги извлекли из его тела более двадцати осколков, а позже пришлось ампутировать ему ногу и кисть руки.

И все же дивизия продвигалась вперед, выбивая гитлеровцев из насиженных мест, выполняя поставленную задачу – отнять инициативу у врага, сковать его, не дать ему возможности перебросить ни одного солдата на другие участки, туда, где должно было замкнуться кольцо окружения. Метры отвоеванных у противника городских улиц позволяли нашим войскам продвигаться на километры, там, в чистом поле, пока еще далеко от руин Сталинграда, осуществляя грандиозный план полного уничтожения всей вражеской группировки.

Уходя из Сталинграда на запад, воины 13-й гв. дивизии оставили на каменной стене у берега Волги, которая зовется теперь стеной Родимцева, надпись, которая сохранилась до наших дней: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, мы победили смерть».

Когда после войны многих воинов 13-й гвардейской дивизии спрашивали о том, какова была роль комдива в Сталинграде, они отмечали его твердость, решительность, личную смелость, заботу о подчиненных и подчеркивали, что больше всего они боялись подвести своего командира, не выполнить приказ.

В боевой обстановке людям было не до оценок и красивых слов. Но личность комдива, находившегося в гуще событий, оставила след в сердце многих солдат и командиров 13-й гвардейской. Они писали и рассказывали о том, каким его видели, знали и запомнили.

Комиссар дивизии Вавилов сказал о Родимцеве так: «Да, он был бесстрашен и храбр, на редкость хладнокровен в минуты смертельной опасности. Все это так. Но Александр Ильич обладал чертой характера, без которой не может быть истинного военачальника: он был душевно отзывчивым, щедрым к своим подчиненным. В дивизии генерал Родимцев не только хорошо знал многих командиров и бойцов. Важно другое: он знал, кто на

что способен. Знал и смело поручал необходимое задание. Характер командира стал характером тринадцатой гвардейской».

Командир 39-го полка, штурмом взявшего Мамаев курган, С.С. Долгов писал: «Мне часто приходилось общаться с ним в боевой обстановке, которую он всегда знал досконально, зачастую и лично появлялся на самых опасных участках фронта. Он был смел, решителен, требователен к себе и подчиненным. Александр Ильич был прекрасным человеком и замечательным военачальником, его любили и уважали подчиненные».

Якову Павлову, представленному к званию Героя Советского Союза, эта высокая награда была присвоена только в июне 1945 года. Надолго застряли где-то в штабах его наградные бумаги. Человек сдержанный и немногословный, Павлов вспоминал: «Александр Ильич Родимцев находился всегда с нами в боевых порядках. Он ободрял уставших, выдвигал способных, награждал отличившихся. Железная воля, высокое боевое мастерство, мужество, отвага в бою, отеческая забота о солдате – все это создало ему громадный авторитет. Каждый солдат и офицер, не колеблясь, шел за своим комдивом».

А вот что помнил о встречах с Родимцевым рядовой И.А. айменцев: «В Сталинграде я 101 день сражался у «Дома Павлова». Своего командира дивизии видел не один раз: и у мельницы, и у переправы. Это был мужественный, талантливый командир, очень общительный с личным составом – от офицеров до рядовых бойцов. Мог подбодрить, пошутить, особенно с ранеными. Было в нем что-то от Суворова – талант, смекалка. Не преувеличивая, пишу, каким его помню».

Сослуживцы отца рассказывали мне одну историю, случившуюся в период Сталинградской битвы. Однажды к Родимцеву обратился солдат и показал ему письмо из дома. Его пожилые родители писали, что изба у них совсем развалилась, а починить и помочь некому. Боец сказал, что его родное село совсем рядом, и попросил у комдива отпуск на три дня. Вернувшись на свой командный пункт, Родимцев отдал распоряжение оформить солдату отпуск, несмотря на доводы офицера штаба, что на основании таких-то приказов делать это нельзя. Отец нашел нужные слова в разговоре со своими штабистами, отпуск был дан, боец вернулся в часть в срок, все обошлось. В дивизии узнали об этом поступке комдива спустя довольно много времени… со слов этого солдата! Этот случай, так же как частое появление отца на передовой, внимание к быту и нуждам своих бойцов, о чем рассказывали многие ветераны, высоко подняли его авторитет в солдатской среде.

Для иностранных историков в Сталинградской эпопее

главным феноменом, независимо от степени симпатии или антипатии авторов к нашей стране, является способность советских войск к сопротивлению в обстановке, которая, согласно всем канонам войны и того, что по-английски звучит как common sense, т. е. здравого смысла, считается безнадежной. Они стремятся понять, что же это за люди, которые сражаются, не жалея себя в полностью разрушенном городе, и при этом не только побеждают лучшую гитлеровскую армию, но и поворачивают ход войны? Ведь в Западной Европе воевать в городах было не принято: почти нетронутыми, порой без единого выстрела, они сдавались фашистам, а в 1945 году многие немецкие города без сопротивления доставались англо-американским войскам. Лишь в конце войны несколько крупных городов Германии подверглись разрушительным бомбардировкам американской авиации, унесшим десятки тысяч жизней мирных граждан и бессмысленным с военной точки зрения.

А разгадка этого явления, понятного далеко не всем, – в личных качествах бойцов и командиров, чья стойкость и вера в победу перевернула представления о возможностях человека.

В книгах зарубежных авторов встречаются любопытные характеристики советских военачальников и простых солдат – участников Сталинградской битвы. В частности, весьма неожиданно и эмоционально написал о генерале Родимцеве известный британский историк Энтони Бивор в своей книге «Сталинград», основанной на многочисленных архивных документах и беседах с участниками сражения: «Преждевременно поседевший интеллектуал и юморист Родимцев был человеком, открыто смеющимся над опасностью. Во время войны в Испании, где он был больше известен как Павлито, Родимцев служил советником и сыграл непоследнюю роль в битве за Гвадалахару в 1937 году. Солдаты, служившие у Родимцева в подчинении, считали его настоящим героем и больше всего боялись, что их переведут служить к другому командующему… Выжившие к концу Сталинградской битвы (бойцы 13-й гв. дивизии. – *Примеч. авт.*) говорили, что их решимость исходила только от Родимцева».

Отец, отвечая однажды на вопрос журналистов, чем был для него Сталинград, ответил: «Это, как второй раз родиться…»

Слава о подвигах бойцов 13-й гвардейской дивизии сыграла с отцом недобрую шутку. Военный совет 62-й армии представил его к ордену Суворова 2-й степени, но потом неожиданно отменил свое решение. У многих свидетелей тех событий сложилось мнение, что некоторые высокие чины болезненно восприняли

всенародную известность, которую приобрели 13-я гвардейская и ее комдив.

В рассекреченных документах ФСБ РФ имеется сообщение начальника 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР, комиссара госбезопасности 3-го ранга В.Р. Ильина от 5.03.1943 г., в котором он обращает внимание на странное, мягко говоря, отношение к Родимцеву. Он, в частности, пишет: «Некрасиво выглядит поведение Военного совета 62-й армии по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13-й гвардейской дивизии.

ВС 62-й представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб Донского фронта телеграмму с отменой представления. Родимцев – почти единственный командир соединения, не награжденный за Сталинград. Сам Родимцев говорил мне: “Вокруг моей дивизии идет возня, которая ничего не стоит и не имеет оснований”».

Кинооператор Р. Кармен говорит: «С Родимцевым делают странные вещи. Его хотят всячески принизить, хотя он, как герой, выходит за рамки обычного командира дивизии».

Что касается изначального представления отца к ордену Суворова, то это являлось признанием его роли в обороне Сталинграда, которая подтверждается боевой характеристикой, подписанной командующим 62-й армией В.И. Чуйковым и членом ВС К.А. Гуровым, и, что особенно примечательно, практически совпадает с мнением Романа Кармена, хотя он никак не мог знать содержания этого закрытого военного документа. В этой характеристике написано: «Как командир дивизии т. Родимцев выделяется из состава командиров дивизий действующих на фронте армий не только твердыми волевыми качествами, но и как оперативно грамотный в тактическом отношении командир».

Совершенно ясно, что без согласия командарма В.И. Чуйкова представить любого командира его армии к столь высокой награде было невозможно. Причина неуклюжих и недостойных действий в отношении моего отца по вопросу о награждении кроется в том, что некоторые военные чины ревновали Родимцева к его славе. Люди, хорошо знавшие отца и знакомые с ситуацией, называли разные фамилии, поэтому точного ответа на вопрос о том, кто и почему принял решение об отмене награждения, я не знаю. Но главное, конечно, в том, что вскоре это недоразумение исправили, и отец был награжден орденом Кутузова 2-й степени.

Практически все люди, с которыми мне приходилось беседовать об отце, были уверены, что вторую звезду Героя Советского Союза он получил за Сталинград. Но на самом деле он был удостоен вторично этой высокой награды в 1945 г., как

написано в Указе Верховного Совета СССР, «за умелое руководство войсками при форсировании Одера и в ряде других операций на завершающем этапе войны». Однако самым важным для отца явилось то, что в представлении его к присвоению звания дважды Героя Советского Союза, подписанном в феврале 1945 года командующим 5-й гвардейской армией генерал-полковником А.С. Жадовым, есть и слова о его участии в Сталинградской битве:

«Будучи командиром 13 гв. стр. дивизии, в исключительно тяжелой обстановке, сложившейся под Сталинградом, тов. Родимцеву пришлось решать сложные боевые задачи.

С самого начала обороны до момента перехода наших войск в наступление части дивизии стойко удерживали занимаемые позиции в районе Сталинграда. Дивизия под руководством Родимцева наносила тяжелый урон противнику, беспощадно уничтожая его живую силу и технику. Благодаря личной храбрости, стойкости и умелому руководству генерала Родимцева части дивизии не отступили ни на шаг, отстояв тем самым город Сталинград».

Получается, что правы те, кто считает моего отца героем Сталинграда, – в золоте его второй Звезды есть и сияние славы 13-й гвардейской, спасшей Сталинград!

Но есть еще одна награда, которой отец гордился, пожалуй, не меньше, чем орденами. Она не просто велика сама по себе, она была ему дорога тем, что с ней он навсегда остался в одном строю со своими боевыми товарищами, заслужившими ее – медаль «За оборону Сталинграда».

Сталинградское интервью

Эта глава самая необычная не только в моей книге, но и во всей известной широкому кругу читателей отечественной литературе о Сталинградской битве. Это глава-документ, в ее основе лежит рассказ командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Родимцева о наиболее напряженных сражениях в городе, о победах и неудачах, о пережитом, о бойцах и командирах, которые сражались под его руководством. История этого документа такова.

Во время Великой Отечественной войны была создана специальная комиссия во главе с будущим академиком Исааком Минцем, члены которой уже в ходе войны начали собирать все важнейшие документы и опрашивать непосредственных участников событий. Их собеседниками были живые свидетели войны – солдаты, матросы, командиры, беседы с которыми проходили на местах сражений, нередко в боевой обстановке, сотрудники госпиталей, работники тыла, гражданские лица. Им удалось собрать огромный, уникальный материал, равного которому по своей документальности и правде трудно отыскать. Некоторые из рассказов настолько откровенны и драматичны, что остается лишь удивляться тому, как тем, кто работал в комиссии, удалось вызвать своих собеседников на такую обжигающую откровенность. В тех условиях и рассказчики, и слушатели сильно рисковали, ибо то, что было записано, не пропустила бы ни одна цензура. Не случайно материалы комиссии после войны были засекречены и отправлены в архив. По мнению властей, общество было не готово к восприятию такой правды о войне.

Небольшая часть этих материалов была впервые показана на нашем телевидении 9 мая 2013 года, когда на Первом канале состоялась премьера фильма под названием «Протоколы войны». Однако значительная часть документов комиссии до сих пор неизвестна широкой общественности.

С особым интересом я узнал, что среди протоколов историков имеется запись беседы с моим отцом, состоявшейся 7 января 1943 года в Сталинграде, в штабе 13-й гвардейской, в нескольких стах метрах от немецких позиций.

Когда я первый раз прочитал этот документ, то был потрясен даже не столько суровой правдой отцовского рассказа, сколько бросающемся в глаза его состоянием: он весь там – в гуще событий, в своих поступках и сомнениях, в переживаниях от неудач и гибели людей, в мыслях о том, как быстрее добить ненавистного врага. Но за неостывшими эмоциями и

осторожностью в оценках того, что сделано, уже чувствуется сдержанная, до поры, гордость комдива за свою дивизию.

В своем интервью, которое в основном посвящено сражениям в Сталинграде, отец упоминает и о некоторых эпизодах боев в районе Конотопа и Харькова в 1941–1942 гг. События тех дней, когда судьба 5-й воздушно-десантной бригады, а затем 13-й гв. дивизии и его собственная жизнь висели на волоске, настолько врезались в его память, что их не смогли затмить даже тяжелейшие моменты Сталинградской битвы.

Читая запись беседы, ощущаешь нерв времени, сиюминутность происходящего, подлинные эмоции человека, на котором лежит огромная ответственность. Я узнаю в записях особенности речи отца, его подлинные выражения, и моментами мне кажется, что он разговаривает со мной. Он говорит порой сбивчиво, иногда повторяет уже сказанное или замолкает, пытаясь сосредоточиться. Он рассказывает, не отрываясь от происходящего, от его слов исходит ощущение близкой опасности, готовности к немедленным действиям.

Интервью написано в форме прямой речи генерала Родимцева. Текст протокола этой беседы приводится с сокращениями ввиду большого объема записанного материала.

«…Я на Харьков наступал, четыре километра до него не дошел. Там вышел целиком с дивизией, но потрепали крепко в Перемоге. Потом под Доном дрался много в 62-й. Я вышел 14 сентября. Я прибыл с этой дивизией, но она была уже доукомплектована. Командиры остались все. Народ у меня исключительно хороший был, все были из училищ. Они должны были выходить средними командирами. Состав у меня был 10 тысяч человек, дивизия нормальная, народ обучен весь. Заместитель командующего Западным фронтом Голиков смотрел, когда переправлял дивизию.

Я до 13-го орудия получал. 13 сентября здесь же на месте получил оружие. Тогда командующий Еременко мне крепко помог. Около 2 тыс. автоматов было одних. В ночь на 14-е уже здесь противник был. Если бы я только на одни сутки опоздал, Сталинграда бы не было.

Был я в более трудных переплетах, чем в Сталинграде. Здесь я сидел в блиндаже, в туннеле, когда кислорода не было, спичку зажигаешь, гаснет, но я был в блиндаже. Бросали гранаты на КП, но я считал, что меня не достанет. А когда был под Конотопом, поле было, и когда танк заехал на блиндаж и начал разворачиваться, это другое. Потом я в лесу был на КП. 27 раз самолет делал залет и только на мой КП. Он лес голым оставил и из блиндажей только два осталось. Тогда из комсостава мало кто

уцелел. Буквально из-под танка выскакивали и бежали, отстреливаясь. Когда пришел к батальону, организовал опять бой и остался жив. То же самое в Казацкой было… Я по кусточкам шел, и танк противника рядом, но по мне нельзя ни из пулемета стрелять, ни из пушки. Когда они начинают гранаты бросать, я ложусь. Со мной адъютант шел, уполномоченный особого отдела. Те отбегут, потом вернутся ко мне. Люди организованно дрались. Противник окружил нас со всех сторон и хотел взять живьем. Но десантники были такие: ему приказал и дерется. Танки без людей ничего не сделают, а пехоту отсекли. Тут тоже на волосок от смерти был. Вышел и вывел людей. Это когда в окружении был…

Ну и Сталинград. Противник шел прямо на город. Потом, когда он здесь понес большие потери и увидел, что нельзя пройти, то пошел от Орловки на заводы. Там тоже было трудно. Тогда и вводили новые дивизии, и мое положение улучшилось.

10 сентября я был уже в Камышине, получил приказ на машинах перебросится в Среднюю Ахтубу. Дивизия еще не была вооружена, но оружие должно было подойти. Я стал протестовать, что без оружия не пойду… Я был вызван к прямому проводу. Разговор с Василевским. Он приказал получить оружие там (в Ср. Ахтубе), Сталинград в тяжелом положении… 14 числа получаем приказ переправиться через Волгу и войти в состав 62-й армии, которой командует генерал-лейтенант Чуйков. Тогда же мне поставили задачу один полк переправить на переправе № 62 и на центральной два полка. Задача 39-го полка овладеть высотой 102, а двум другим – 42-му и 34-му – очистить город по реке Царице. Один батальон дать в распоряжение командующего 62-й армией. Какая цель была передачи этого батальона? Я лично считаю, что для охраны самого штаба, который тоже находился в кольце противника.

Еременко приказал переправить к ночи все и самому со штабом на тот берег. Я обстановки совершенно не представлял, считал, что противника пока нет на берегу. Но, когда 1-й и 2-й батальоны были брошены, чтобы создать плацдарм, получил сведения, что противник на берегу, батальон уже в бой вступил, прямо вылез из воды и дерется. Я тогда стал форсировать, патроны буквально на баржах выдавал. Сразу был погружен 42-й полк, полторы тысячи человек. Машинист стал что-то крутить, взад, вперед – никак. Уже пулеметами начал противник обстреливать, из артиллерии. Он струсил. Пришлось его расстрелять, поставили другого. Стали переправляться.

Утром позвонил Еременко, прошусь на тот берег. Посадил штаб на катер и начал переправляться. Это в 10 часов утра. Противник сильно обстреливал катер, ранил начальника

инженерной службы подполковника Узкого. Переправились. Там были работники НКВД Сталинградской области. У них штольня была. Там я сделал КП, потому что ВЧ работал с Еременко. С Чуйковым связи никакой. Уже днем переправлялась еще одна баржа за мной. Эту баржу потопили снарядами…

Авиация была в то время, но она не так еще сильно действовала. Потом узнал обстановку, начал наступление. 14, 15-го я еще связи не установил с Чуйковым. 15-го к исходу дня я вышел на железную дорогу, вокзал захватил, уже потери имел. Меня вызвал к себе Чуйков. Часов в 17 пришел к нему. Дорогой авиация прихватила меня крепко. Он поставил мне задачу, и с этого времени я связь с ним установил.

К исходу дня 16 сентября 39-й полк с ходу овладел высотой 102, западными скатами Мамаева кургана и закрепился. 34-й, несмотря на большие потери, очистил улицу Нижегородскую и вышел двумя батальонами на железную дорогу, там закрепился. Противник подбросил свежие части и упорно сопротивлялся. 42-й полк первым захватил вокзал и удерживал его.

17 числа утром противник перешел в контрнаступление. При сильной авиационной подготовке перешли в наступление на высоту 102 до 40 танков и до двух полков пехоты. Все атаки были отражены. Полк выдержал больше 800 самолето-вылетов. С этим полком у меня связи не было. Он связь держал с ВПУ (военно-полевое управление) на переправе 62 и оттуда получал задачу. Начались ожесточенные бои. Организованного наступления, какой-либо группировки иметь где-то и нанести удар не было никакой возможности. Переходили из рук в руки одни и те же улицы, одни и те же здания, 18, 19, 20-го. Так что нельзя определенно сказать, где был фронт. 20 числа я получил донесение, что вокзал противник сжег. Не помню, какого числа пришла 92-я бригада. Эта бригада была направлена на левый фланг к элеватору.

Первое время опыта уличных боев не было. Слабости здесь заключались в том, что не учитывалось положение, что противник уже занял Сталинград. Немцам было лучше в то время. Они, как с первых дней, захватили дом специалистов и Госбанк, так он и сейчас в их руках, а рядом наши на расстоянии 30 метров, и сколько я ни пытался, взять их не мог. Первое время я мог бы это сделать, но не хотел губить людей, а думал выйти на железную дорогу, отрезать, создать плацдарм, который не даст противнику удержаться. Но получилось наоборот. Когда он нажал на левую группу, та перешла на левый берег. Там командир и комиссар дивизии были расстреляны. Таким образом, мой левый фланг, сосед мой левый был противник.

Организованным порядком штурмующие группы были созданы, направлены, кто куда должен выходить. Каждому подразделению улицы давались. 22-го противник силами до двух полков пехоты, около 70 танков, перешел в наступление в направлении Крутого оврага и площади 9 Января, то есть на 34-й полк подполковника Панихина. Танков у меня не было, но была организована противотанковая система, ПТР было в дивизии около 300, они были по подразделениям.

Утром, примерно часов в 10, 22-го противник смял передний край, захватил площадь 9 Января, подавил несколько ПТР, вышел на Артиллерийскую улицу. Бойцы, истекая кровью, подбили 42 танка, уничтожили до полутора тысяч немцев, и на этом противник прекратил наступление. Обстановка была тяжелой. Некоторые танки даже прорвались к Волге, к трубе, но артиллерийским огнем, противотанковыми средствами были частью подбиты, часть сожжены.

Получил я небольшое пополнение, человек 500, 23 числа перешел в контратаку, но никаких успехов территориального порядка не имел, потому что превосходство сил противника раза в три-четыре было. Связь с Чуйковым была все время. Чуйков тогда отдал приказ перейти к обороне и закрепиться. 1-й батальон старшего лейтенанта Федосеева был отрезан. Этот батальон перестал существовать уже ко 2 числу. Об их действиях я могу сказать только со слов командира, который был ранен. В донесении было сказано: “Пока через мой труп противник не пройдет, ни один из нас не уйдет”. Таким образом, этот батальон до последнего человека героически погиб на месте.

Борьба шла за каждый дом. До 1 числа у нас было более или менее тихо. Я стал просить командующего, чтобы мне отдали 39-й полк, то есть пришла уже новая дивизия Батюка. В ночь на 1 октября полк этот был сменен, и я бросил его на левый фланг с задачей обеспечить центральную переправу и не дать противнику прорваться к Волге.

Когда был сменен полк, на второй же день эти доблестные войска отошли с Мамаева кургана и он был захвачен немцами. Таким образом, он забрал под огонь всю Волгу, и высота 102 до сегодняшнего дня у него…

Это не так просто досталось. Одно орудие дралось, три танка подбили. Потом их ранило тяжело, и, пока четвертый танк не наехал, не раздавил, ни один не отступил назад, и не было такого момента, чтобы где-либо отступили. Там умирали, но народ не отходил… 2 октября противник захватил весь Мамаев курган и взял под обстрел все переправы. В ночь противник бросил два саперных батальона в промежутке оврага Крутой и Долгий,

вышел на берег, на КП 34-го полка Елина и начал забрасывать гранатами. Было решено в ту же ночь бросить мой резерв: разведроту, часть людей из караула, из заградбатальона взвод, и полковник Елин собрал группу, комендантскую роту 10 человек, разведку, заградбатальон 30 человек, автоматчиков около полутораста. Отрезав пути отхода, уничтожили прорвавшихся здесь немцев. Тут было трупов около 200. В 34-м 400 человек было раненых и убитых.

Дальше начались контратаки на севере. Я получил приказ на достигнутом рубеже закрепиться и перейти к прочной жесткой обороне. Это было вызвано тем, что людей уже мало осталось, активных действий проводить уже нельзя было. Противник на моем участке тоже перешел к прочной обороне. За время октябрь, ноябрь, декабрь мы улучшили свои позиции с тем, чтобы не дать возможности противнику обстреливать Волгу. Захватили Г-образный дом, дом железнодорожника. Они не давали возможности переправляться по Волге и ходить здесь свободно.

Под домом железнодорожников подкоп у нас 50 метров был прорыт под землей на глубине пяти метров. Туда было заложено толу три тонны. Когда взорвется огневая точка, штурмующая группа должна идти на штурм. Там получилось немного не так, то есть дали пополнение, а люди не пошли. Я рассчитал, что полторы минуты они сидят после взрыва и минута на бег. Если они пойдут все, безусловно, захватят этот дом. Саперы, разведчики кинулись, проволоку перерезали, головые шашки забросили, а штурмовать некому, они все лежат. Саперы и разведчики погибли. Командир взвода поднимал за шиворот – мы не пойдем.

Новая операция была подготовлена исключительно хорошо. Каждый боец знал, куда он идет и что делает. Артиллерии была поставлена задача дать 10-минутный налет. Расстояние до противника – 40–50 метров. 34-й полк, получив задачу, и 42-й начали подкапываться вплотную. Ночью рыли, а днем скрывались от противника и почти подошли вплотную Это они сделали дней за шесть, прокопали метров 60. Работали по два человека впеременку. Земля наверх не выбрасывалась, а выносилась к Волге, за обрыв. День атаки был назначен утром на 10 часов 3 декабря. Я пошел на НП в 42-й полк. Панихину был приказ без артподготовки в 6 часов ворваться в Г-образный дом. В 10 часов должен наступать 42-й полк. Была привлечена огнеметная рота 28 огнеметов. Задача им была при захвате опорных пунктов выжигать немцев из подвалов. Мы много раз брали эти дома, но не могли удержаться в них, потому что люди не особенно шли.

В 6.00 группа заскочила в Г-образный дом без единого

выстрела. То, что находилось наверху, было моментально уничтожено. Там было 6 этажей. Внутри начался бой в комнатах. Наши наверху были, они – внизу. Люди буквально резали, били. Вопрос стоял: если их из подвала не выбить, то будет плохо. А там их человек 60 было.

Когда я там был, начался штурм железнодорожного здания. Оно было захвачено. Часть фашистов перешла в школу 38 и оттуда начала контратаковать. Я приказал Жукову, исполняющему обязанности командира батальона, организовать систему огня. Он хорошо организовал, но одну "мелочь" спутал, самое основное, не зарыл в землю станковые пулеметы. Когда пехота поднялась в атаку, немцы открыли минометный огонь по пулеметам. А пехота уже пошла. Ее стали резать. Тогда он выскакивает с наганом: "За Сталина, за родину – вперед", а поддержки, огня нет. Я метрах в 60 был тут же, приказал эту бестолковщину отменить.

Вторая группа командира батальона Андрианова. Тот зарыл пулеметы в землю. Штурмующая группа как поднялась, сразу рывок, и внутри уже началась борьба. Одна группа пошла на школу 38, но людей было недостаточно, чтобы осуществить это. Мы считали, что у немцев в гарнизонах по 20–30 человек, а там целиком роты были по 70 человек.

Когда я узнал, что в Г-образном доме идет борьба, я приказал Панихину во что бы то ни стало этот дом очистить. Там подвалов очень много. В одном подвале пробили ломами потолок и как дали туда двумя огнеметами. Там было человек 20, и всех сожгли. В другой подвал 250 кг толу положили на потолок, потом взорвали, и все там остались. Часть немцев сбежала.

Бой шел 26 часов. К утру мы полностью освободили (эти здания) и закрепились. Сейчас расстояние 30 метров друг от друга. Школу 38 некому было брать. Этот дом имеет большое значение, из него виден весь Сталинград. Сама жизнь заставляет людей думать. К подвалу трудно было подойти, артиллерия не могла разрушить, и ломами пробивали, а потом огонь давали, выжигали из укрепленных точек, потом подрывали.

Лучше всех воевали сибиряки».

Сталинградская битва и ее роль в мировой истории являются в наше время предметом изучения и научных дискуссий ученых многих стран. Мне представляется важным привести сравнительные оценки итогов этого сражения, сделанных учеными России и Германии. Последствия Сталинградской битвы первыми ощутили на себе именно эти две страны. Однако значение этого ключевого момента во Второй мировой войне для

главных противоборствовавших сторон до сих пор оценивается неодинаково, а его восприятие современным обществом в этих государствах имеет существенные отличия.

В конце прошлого века была создана Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. В 2005 году издан первый том, освещающий историю XX столетия как периода особой актуальности и общественно-политического значения для российско-германских отношений. С российской стороны участником этого проекта является Институт всеобщей истории РАН, с немецкой – Институт современной истории, Мюнхен – Берлин. Главной особенностью этого труда является совместное освещение важных исторических событий российскими и германскими историками.

Российские ученые однозначно определяют Сталинградскую битву как коренной перелом во Второй мировой войне, имевший катастрофические последствия для Германии и ее союзников. Авторы так описывают реакцию в СССР и в Германии на нашу победу и ее значение в исходе войны:

«После окончания сражений в городе Совинформбюро начало передавать длинный список частей и соединений вермахта, уничтоженных в сталинградском окружении; его чтение заняло не одну минуту. Советские люди ликовали. Столь яркая и очевидная победа вдохновляла. В Германии, напротив, был объявлен трехдневный траур, который стал внешней реакцией немецкого руководства на произошедшие события. “Возможности окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует”, – заявил Гитлер на совещании высшего командного состава вермахта 1 февраля 1943 г.

Противник получил невосполнимый урон на главном театре Второй мировой. “Ударная волна” Сталинграда достигла и западных союзников, вынудив их ускорить приготовления к открытию второго фронта.

Разгром зимой 1942/43 гг. союзных Германии войск надломил хребет фашистскому блоку, и вскоре Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия начали активные поиски контактов со странами антигитлеровской коалиции с целью выхода из войны. Развернувшиеся события положили конец расчетам на вступление в войну против СССР Турции и Японии».

Помимо военных аспектов сталинградской победы существует и моральная сторона: в ходе сражения германская армия совершила чудовищные преступления против мирного населения, которые невозможно списать на боевые действия. Достаточно упомянуть сильнейшую бомбежку жилых кварталов Сталинграда 23 августа 1942 года, в ходе которой город был

практически полностью разрушен и сожжен, в результате чего погибли десятки тысяч мирных жителей.

Автор немецкого взгляда на Сталинградскую битву также указывает на агрессивную и античеловечную сущность замыслов фашистского руководства: «Гитлер уготовил для сталинградцев жуткую судьбу: мужчин следовало “ликвидировать”, женщин и детей – депортировать, город – сровнять с землей. Оккупационные власти 6-й армии использовали принудительный труд, а “бесполезных едоков” депортировали в калмыцкие степи… Невероятная жестокость германских дивизий в Сталинграде была характерна для расово-идеологической войны на захват и уничтожение, которую Гитлер приказал вести против Советского Союза».

Что же касается восприятия Сталинградской битвы в современной Германии, немецкий автор пишет: «Послевоенное западногерманское общество восприняло и усвоило такую интерпретацию Сталинградской битвы. Сталинград стал важнейшим символом и оправданием, согласно которому немцы были такими же жертвами Гитлера, как их земляки, принесенные в жертву на Волге. Тот факт, что в этом месте немецкие солдаты были не только жертвами, но и преступниками и их массовая гибель – следствие преступления, замалчивается».

Таким образом, оценка значимости сражения на Волге у обеих сторон в основном совпадает. Однако отношение к этому событию в германском обществе свидетельствует о том, что под гуманным предлогом памяти о всех жертвах той войны осуществляется политика, направленная на моральное оправдание действий гитлеровских войск и являющаяся, по сути, стремлением поставить на одну доску победителей и побежденных.

На волне неубывающего интереса к теме Второй мировой войны за рубежом появляются труды, в которых их авторы, манипулируя цифрами, стремятся принизить нашу победу, фальсифицируют результаты войны. Так, в книге британского историка Д. Робертса «Победа под Сталинградом» (издательство УРСС, Москва, 2003 г.) утверждается, что дивизии, оборонявшие Сталинград, «были стерты с лица земли». Он, в частности, пишет, что в 13-й гвардейской дивизии к концу битвы в строю осталось 320 человек. Его не смущает даже простое обстоятельство – каким образом такое количество людей, в число которых входят командование и все вспомогательные подразделения, многие из которых находились на левом берегу Волги, могло оборонять фронт в центре города длиною в несколько километров? И перейти в наступление!

В архивных документах о действиях 13-й гв. стрелковой дивизии в Сталинграде имеются данные о количественном составе соединения. Так, в донесении командарму 62-й армии № 118 от 8.12.1942 г., подписанном командиром дивизии Родимцевым и начштаба Бельским, сообщается: «На 4.12.42 личного состава в дивизии насчитывается 4765 чел.». В сборнике «Полководцы Сталинградской битвы», подготовленном в 2007 году научным коллективом музея-заповедника «Сталинградская битва», указывается, что на момент окончания сражения в составе 13-й гвардейской было 4185 человек.

В наше время, когда опубликованы данные о потерях сторон в Сталинградской битве, а исторические факты об участии «сталинградских дивизий», созданных из воздушно-десантных корпусов и других наиболее боеспособных частей Красной армии, в сражениях Второй мировой войны широко известны, очевидная истина состоит в том, что это лучшая в рейхе 6-я армия вермахта вместе с ее сателлитами была стерта с лица земли Красной армией. А сталинградские дивизии дошли до Берлина, в чем и расписались на рейхстаге – «Мы из Сталинграда!» А затем дошли до Эльбы и Праги.

От Волги до Эльбы и Праги

Морозным февральским утром комдив 13-й гвардейской генерал Родимцев шел по сталинградским улицам и не узнавал их. Да и улицами их назвать было трудно, вокруг лежали одни руины. Еще несколько дней тому назад все это называлось узлами обороны, опорными пунктами, ориентирами – чем угодно, но не развалинами большого города.

Отец вспоминал, что на него произвела огромное впечатление картина разрушенного до основания, сгоревшего Сталинграда, увиденная им как бы со стороны, через несколько дней после окончания сражения, а также множество военных и гражданских людей, открыто, ни от кого не прячась, шагавших по улицам и уже начавших разбирать завалы и очищать город. Но еще удивительнее было осознавать, что Сталинград стал глубоким тылом, ведь фронт ушел далеко на запад.

Перемены произошли как в судьбе 13-й гвардейской, так и у моего отца. Дивизия была передана в другую армию, которой командовал генерал-лейтенант А.С. Жадов. Они с отцом знали друг друга еще до войны. Отличившаяся в Сталинградской битве армия Жадова была переименована в апреле 1942 года в 5-ю гвардейскую. Отца вызвали в Москву для нового назначения, предоставив короткий отпуск. Наконец-то после почти двухлетней разлуки он увидит жену и дочерей! Ведь, уезжая в мае 1941 года в Первомайск, он обещал их вызвать к себе, как только обустроится на новом месте… Но появилось и тревожное предчувствие расставания с родной дивизией.

За несколько дней короткого отпуска родители смогли лишь немного погулять по Москве и один раз побывать в театре. Когда отец вместе с моей мамой и их знакомой возвращались домой, с ними произошел эпизод, который они потом часто вспоминали. После посещения спектакля они были в хорошем настроении, весело разговаривали и, смеющиеся, вошли в метро. Войдя в вагон, они продолжали шутить и смеяться. Людей в вагоне было мало, и сидящая напротив женщина, глядя на отца, одетого в военную форму, укоризненно сказала: «Как вам не стыдно, вот генерал Родимцев в Сталинграде воюет, Родину защищает, а вы тут в тылу веселитесь…»

Отец ничего ей не ответил, но, выйдя из вагона, они втроем еще долго с улыбкой вспоминали слова женщины.

В Наркомате обороны отцу сообщили о назначении его на новую должность – командиром 32-го гвардейского стрелкового корпуса в 5-й гв. армии А.С. Жадова. Повышение по службе всегда

приятно, но отец не мог завершить на этом разговор с кадровиком. Понимая, что офицер, сообщивший ему новость, может и не знать ответа на мучивший его вопрос, он все же спросил: «Скажите, в какое соединение войдет 13-я дивизия?» К его огромному удовлетворению, тот ответил: «Останется у вас. Она войдет в состав 32-го корпуса».

Но окончательно успокоился отец в отношении судьбы его родной тринадцатой, награжденной за доблесть и мужество личного состав в Сталинградской битве вторым боевым орденом – Красного Знамени, когда узнал, что ее новым командиром назначен генерал-майор Г.В. Бакланов. Он был участником советско-финляндской войны, командовал дивизией в боях под Сталинградом. С моим отцом они были знакомы по службе. Генеральское звание Глебу Владимировичу Бакланову было присвоено 1 марта 1943 года. На тот момент ему было 32 года, он стал самым молодым генералом в Красной армии. С этого времени и до конца дней А.И. Родимцева и Г.В. Бакланова связывала крепкая дружба.

Об этом красивом и мужественном человеке, пережившем три тяжелых ранения, знали многие у нас в стране. Он был известен не только своими военными заслугами. Еще до войны Г.В. Бакланов получил звание мастера спорта по гимнастике, был чемпионом Москвы. После войны он продолжал службу в Вооруженных силах, но вместе с тем сыграл видную роль в присоединении Советского Союза к Международному олимпийскому движению. Во главе советской делегации он участвовал в 1948 году в переговорах с представителями мирового спорта о вступлении нашей страны в международные федерации и участии в Олимпийских играх.

Сын генерал-полковника Героя Советского Союза Г.В. Бакланова, Андрей, советский дипломат, написал о своем отце интересную книгу, которая так и называется – «Самый молодой генерал». Касаясь перевода отца на новую должность, он пишет: «Новое назначение Г.В. Бакланова можно было расценить лишь как огромную честь и ответственность. Наиболее известная из всех, что сражались под Сталинградом, 13-я дивизия была, что называется, «на виду» у высшего военно-политического руководства, лично главнокомандующего И.В. Сталина. В этом была заслуга блестящего состава дивизии, ее бойцов и командиров».

Соединения, участвовавшие в Сталинградской битве, в нашей армии до конца войны называли «сталинградскими». Командование направляло их в бой на самые трудные участки, будучи уверенным в их стойкости и умении. Многие из них

приняли участие в главной летней кампании 1943 года на советско-германском фронте в районе Курской дуги – обширного района, где линия противостояния имела дугообразную конфигурацию, вытянутую в западном направлении. 5-я гв. армия до начала сражения находилась в резерве Ставки ВХГ в составе Степного фронта.

Курская битва началась на рассвете 5 июля 1943 года, а 10 июля 5-я гв. армия перешла в подчинение Воронежского фронта, отражавшего наступление гитлеровцев на южном фасе обороны советских войск. Части этой армии принимали участие в боях под Прохоровкой, где произошло крупнейшее танковое сражение. Корпус, которым командовал отец, занимал оборону на правом фланге армии. На этом направлении противник бросил в бой две танковые дивизии, одной их которых оказалась «Адольф Гитлер» из элитного 2-го танкового корпуса СС.

В тяжелых оборонительных боях корпус не пропустил немецкие танки к Прохоровке с западного направления. А в период с 12 по 23 июля 32-й гв. корпус Родимцева участвовал в контрнаступлении советских войск, в результате которого немецкие войска были отброшены на те позиции, откуда они начали свое наступление. В ходе этих боев на направлении главного удара действовала славная «сталинградская» 13-я гвардейская дивизия, теперь уже под командованием генерала Бакланова.

3 августа части корпуса Родимцева вместе с другими частями 5-й гв. армии Жадова начали наступление на Белгород. Для этого нужно было прежде всего прорвать хорошо подготовленную оборону немцев. Этому рубежу немецко-фашистское командование придавало большое значение, назвав его «воротами, запирающими пути для русских армий на Украину». Но войска корпуса прорвали оборону противника и обеспечили ввод в бой 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукова, а затем, вместе с другими соединениями, окружили к западу от Белгорода крупную группировку немцев. 5 августа советскими войсками был освобожден Белгород, в 23 августа Харьков.

Ход этих сражений подробно описан отечественными и зарубежными исследователями и военачальниками. Победа под Курском была завоевана Красной армией большой ценой. Историки России и Германии до сих пор подсчитывают потери сторон. При этом некоторые авторы, преимущественно немецкие, не прекращают попытки преуменьшить данные о количестве потерянных в сражении германских танков. В этих целях они сознательно затрудняют анализ, манипулируют данными, используя различные советские и немецкие документы о потерях

бронетехники, ее классификацию, по своему усмотрению учитывают или исключают данные частей и соединений, участвовавших в сражении на разных его стадиях.

Очевидно, что изучение истории Курского сражения необходимо продолжать. Однако в качестве примера считаю уместным привести некоторые цифры. В капитальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия» (издание 2010 г., под руководством академика РАН А.О. Чубарьяна) указывается, что, согласно расчетным данным советских исследователей, в ходе Курской битвы немецкие войска потеряли 1,5 тысячи танков и САУ. Британская «Энциклопедия Второй мировой войны» определяет этот показатель в 900 единиц бронетехники. Английский источник основывается, скорее всего, на немецких данных, в которых используется противоречивая и запутанная методика учета восстановленных машин. Согласно этим оценкам, можно констатировать, что Германия потеряла в Курской битве около трети всех своих бронетанковых сил, находящихся на Восточном фронте. Корреспондент английской газеты «Санди таймс» и компании Би-би-си в Советском Союзе в 1941–1946 гг. А. Верт, которого трудно заподозрить в излишней симпатии к нашей стране, в своей книге «Россия в войне 1941–1945», вышедшей за рубежом в 1964 г., пишет без указания цифр, но весьма доходчиво: «После войны немцы признали, что их танковые войска под Курском были просто стерты в порошок».

Вот ведь как получается – сразу после войны признали, а через пятьдесят лет те, кто в войне не участвовал, все отрицают, демонстрируя цинизм и бессовестные попытки оправдания агрессии вместо исторического анализа.

Если, как считают немецкие исследователи, потери германских танковых войск в Курской битве были незначительны, то возникают как минимум два простых вопроса: почему же они не продолжили наступать, и где были эти идеально сохранившиеся танковые части, когда советские войска, развивая наступление, уже через месяц после окончания битвы захватили в 350 километрах к западу от Харькова плацдарм на западном берегу Днепра, а в начале ноября взяли Киев?

В нашем обществе принято критически относиться к мемуарам советских военачальников. На мой взгляд, вопрос доверия к информации некоторых авторов действительно возникает, однако такой подход нельзя автоматически распространять на всех советских авторов воспоминаний о войне. Следует также учитывать, что все они были написаны в то время, когда значительная часть информации о военных действиях была закрыта для изучения. Но если у кого-то есть впечатление, что

мемуары немецких военных свободны от этого недостатка, то хочу их разочаровать: замалчивание неприятных фактов и безудержное преувеличение результатов собственных побед являются их непременным атрибутом.

В воспоминаниях гитлеровских генералов о Курской битве бросается в глаза стремление всячески представить ее как пример качественного превосходства немецкой армии, проигранной ею лишь по недоразумению и из-за нерешительности Гитлера. Кроме этого поражение фашистских войск в сражении оправдывается высадкой западных держав в Сицилии, необходимостью усиления немецкой группировки в Донбассе, а также неудачей, а по сути, провалом наступления гитлеровских армий на северном фасе Курской дуги, в результате успешной обороны и контрнаступления войск Центрального фронта генерала К.К. Рокоссовского. Это просто поразительно – оправданием своего поражения считать победные действия противника!

Перечень причин поражения под Курском у немецких генералов сопровождается, как правило, выпячиванием своей роли. Вот, например, что пишет по этому поводу в своей книге «Утерянные победы» видный немецкий военачальник Эрих фон Манштейн: «Если говорить о сроках, то проведение операции «Цитадель» (условное название наступления немецкой армии в Курской битве. – *Примеч. авт.*) уже в конце мая или самое позднее в начале июня исключило бы совпадение ее по времени с высадкой противника на континенте. К тому же у противника не была бы полностью восстановлена боеспособность. Если бы немецкое командование к тому же учло указанные мною выводы относительно использования войск, то… мы бы достигли для операции “Цитадель” превосходства в силах, вполне достаточного для победы».

Манштейну, командовавшему немецкими соединениями, пытавшимися вызволить армию Паулюса из сталинградского котла, следовало бы помнить о том, в каких невероятно тяжелых, совершенно безнадежных обстоятельствах советские войска выстояли в Сталинграде, а затем не позволили ему прорвать кольцо окружения, не надеясь ни на какие «если бы…», в изобилии рассыпанные в мемуарах германского полководца, сопровождаемые высокомерными, подспудными или явными, рассуждениями о превосходстве немецкой армии.

Не только Манштейн, но и другие германские генералы в своих воспоминаниях проводят эту линию, используя различные приемы: занижение до минимума своих потерь и непомерное раздувание этих данных по советским войскам, основанных на собственных оценках и не подтверждаемых источниками;

игнорирование успехов противника, объясняемых чем угодно, но только не грамотными действиями Красной армии; пространные рассуждения об отлично подготовленных ими операциях, провалившихся непонятно по чьей вине.

Фактом, однако, является то, что все немецкие войска, участвовавшие в сражении под Курском, были сильно потрепаны, а некоторые крупные соединения не только лишились боеспособности, но и были практически разгромлены. Так, по воспоминаниям моего отца, под Обоянью солдаты его корпуса захватили в плен офицеров почти полностью уничтоженной 19-й танковой дивизии, командир которой генерал-лейтенант Шмидт покончил с собой.

Отец, вспоминая события июля – августа 1943 года, всегда отмечал, что в поведении наших войск появилось то новое, что вселяло уверенность в победное завершение битвы. Во-первых, это умелые действия наших бойцов и командиров всех уровней, научившихся побеждать сильного противника. Во-вторых, массовый героизм и самопожертвование, которые в сочетании с современными видами вооружений, поступившими в наши войска, позволили уничтожить такое количество вражеской техники и живой силы, восполнить которое немцы были уже не в состоянии. В-третьих, это непередаваемое ощущение того, что настал час возмездия за все поражения и страдания, перенесенные армией и народом, – мы повернули войну на запад. Теперь уже никто не сомневался, как рассказывал отец, в том, что победа не за горами!

О том, какие уроки извлекли мой отец, его однополчане и боевые товарищи из сражения на Курской дуге, отец писал: «Сражения кампании 1943 года были для нас серьезным испытанием. Мы имели богатый опыт в организации обороны, научились драться в уличных боях. Но, по сути дела, мы не имели практики в подготовке и организации наступательной операции, да еще такой грандиозной, как эта, с участием огромного количества артиллерии, танков, авиации».

В сентябре 1943 года части корпуса Родимцева участвовали в освобождении Полтавы. Символично, что гвардейцы вышли к реке Ворскле неподалеку от города в том же месте, где за двести тридцать четыре года до этого переправлялась на пути к месту сражения русская армия под командованием Петра I. Отсутствие мостов, уничтоженных немцами, и наличие сильных укреплений не помогли им. Среди первых советских частей, ворвавшихся в город 22 сентября, была все та же 13-я гвардейская дивизия, получившая за проведенную операцию почетное наименование «Полтавская».

В составе войск 2-го Украинского фронта 32-й гв. корпус с боями форсировал Днепр и двигался на запад по земле Правобережной Украины, освободив Кременчуг, Знаменку, Александрию, Кировоград.

В дни сражения за Кременчуг отец с глубокой болью узнал об еще одной потере – погиб ветеран 13-й гвардейской, один из лучших офицеров, командир разведроты гвардии капитан Иван Подкопай. Под началом отца он воевал в составе 5-й воздушно-десантной бригады под Киевом. В тяжелое лето 1942 года, когда дивизия отступала на восток, Подкопай в схватке с гитлеровцами, прорвавшимися к штабу, спас Боевое Знамя соединения, вынес его на себе и благополучно вышел к месту сбора частей у переправы через Дон. 22 февраля 1944 года посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Дороги войны привели 32-й гв. корпус и сражавшуюся в его рядах 13-ю гвардейскую в Первомайск – город, в котором отца и его десантников застала война. Отец всегда с волнением вспоминал это событие, он писал: «22 марта 1944 года части нашего корпуса освободили его. До боли памятны были мне эти улицы, площади, сады, здание школы, скамеечки у заборов, а теперь вспоминалось, как сон. Школа разрушена, многие дома сожжены, ветер раскачивал трупы повешенных партизан… Я разыскиваю домик, в котором когда-то размещался штаб бригады. Здания вокруг сожжены, но этот домик уцелел… Вхожу в палисадник, стучу в филенчатую дверь, но мне никто не откликается. Когда я открываю дверь и, миновав коридорчик, вхожу в знакомую комнату, мне уже чудится, будто я отлучался на какие-то часы. Нет, непросто было переступить этот порог: к нему привел долгий и трудный путь, и если мы уходили на восток с тоской и горечью в сердце, теперь познали высокую радость наступления, выстраданное, взятое с боя, заслуженное торжество побед».

Отец умолчал о том, о чем писать в воспоминаниях было не принято: в заброшенный домик, бывший когда-то штабом 5-й воздушнно-десантной бригады, входил не тот бойкий, одетый с иголочки молодой полковник, а возмужавший, со следами переживаний и нелегких дум на лице генерал, с серьезным взглядом из-под тяжелых, словно набухших от постоянной бессонницы век. В январе 1944 г. отцу было присвоено звание генерал-лейтенанта. Это было его второе повышение в звании в ходе войны. Огромная ответственность, непрерывные сражения, а ему еще не исполнилось и 39 лет… Он не мог знать, что следующего повышения придется ждать несравнимо дольше. Да он и не думал тогда об этом.

Части, которыми он командовал, вновь отличились стойкостью и умением в боях на Сандомирском плацдарме на р. Висла в августе 1944 г. Маршал Советского Союза И.С. Конев, бывший в то время командующим 1-м Украинским фронтом, в составе которого действовала теперь 5-я армия Жадова, написал об этих событиях так: «5-я гвардейская армия была введена в сражение в самый напряженный момент операции, когда шла острая борьба за удержание и расширение плацдарма на Висле и отражение массированных танковых атак противника. 13 августа силами четырех танковых и одной моторизованной дивизий противник нанес удар… Однако вражеский танковый таран напоролся на противотанковую оборону и стойкость войск 5-й гв. армии, которая имела большой боевой опыт, приобретенный в Сталинградской битве и на Курской дуге».

Поэт Е. Долматовский в своих воспоминаниях о генерале Родимцеве про сражение на Сандомирском плацдарме писал: «Разве можно было столкнуть в Вислу тех, кого не удалось столкнуть в Волгу?»

Мне довелось быть свидетелем разговора моего отца с командующим 5-й гв. армией А.С. Жадовым, с которым у него до конца дней сохранялись дружеские отношения. Вспоминая Сандомирскую операцию, они говорили, что по своему упорству и количеству вовлеченной в сражение техники на ограниченном участке фронта она напомнила им некоторые эпизоды сражения на Курской дуге.

Стремительно пройдя по Южной Польше, 32-й гв. корпус вышел к Одеру. Шел январь 1945 года. Форсирование Одера, по описанию отца, явилось одной из самых тяжелых и упорных битв. Немецкое командование прекрасно понимало: пропустить советские армии за Одер – значит открыть им путь на Берлин. Но в войсках уже царило победное настроение, да и воевать они научились так, что остановить их было невозможно. В январских боях на Одере гвардейцы 32-го корпуса действовали умело и героически: десяти бойцам и офицерам корпуса (трем из них посмертно) за форсирование Одера было присвоено звание Героя Советского Союза, а корпусу – почетное наименование «Одерского».

Преодоление одерского рубежа стало важной вехой в оценке воинского мастерства и личных качеств не только подчиненных генерала Родимцева, но и его самого на посту командира корпуса. В наградном листе о представлении генерал-лейтенанта А.И. Родимцева к присвоению звания дважды Героя Советского Союза, подписанном 14.02 1945 г. командармом 5-й гв. армии А.С. Жадовым, о боях на Одере говорится: «В ночь с 24 на

25.01.1945 года благодаря мужеству, умелому руководству и личной храбрости Родимцева, находившегося в боевых порядках, на опасных участках фронта соединения корпуса, которым командует Родимцев, форсировали р. Одер в районе Линден и решительными действиями уничтожили противостоящего противника… За форсирование реки Одер, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом личные храбрость и геройство, представляется к высшей степени отличия – к званию дважды Героя Советского Союза с вручением медали Золотая Звезда».

В начале апреля, пройдя с боями за четверо суток около двухсот километров, 32-й гв. корпус вышел к реке Нейсе. Стало понятно, что дальнейший путь их лежит южнее Берлина – на Эльбу, которая была согласована союзными державами в качестве линии разграничения между советскими и американо-английскими войсками.

24 апреля 1945 г. части 32-го гв. корпуса вышли на Эльбу в районе г. Торгау, где 25 апреля состоялась знаменитая встреча союзников – советских и американских войск. Предметом особой гордости отца являлось то, что сюда, в глубь германских земель, принесла свое Боевое Знамя от Сталинграда и Прохоровки, от Днепра и Южного Буга, Вислы и Одера, Нейсе и Шпрее, с полей России, Украины и Польши родная для него 13-я гвардейская!

Отец принимал участие в торжественных мероприятиях, которые проводились по случаю встречи союзных войск. Эти дни, вошедшие в историю, ежегодно отмечаются в странах антигитлеровской коалиции.

Уже пал Берлин, а войска 1-го Украинского фронта продолжали сражаться. Боевой путь 32-го гв. корпуса еще не был окончен. Был получен приказ – на Дрезден и Прагу!

Освобождение Дрездена представляло собой сложную задачу. Город обороняли значительные силы немцев, превратив его в мощный опорный пункт. Но все понимали, что необходимо действовать крайне осмотрительно и осторожно, поскольку в городе находятся большие художественные ценности, прежде всего в Дрезденской галерее и Альбертинуме. Наступление на дрезденском направлении началось 6 мая, а через два дня наши войска полностью овладели столицей Саксонии. 32-й корпус сыграл заметную роль в боях за Дрезден и в спасении всемирно известных сокровищ.

Вспоминает командующий 5-й гв. армией А.С. Жадов:

«Я приказал Родимцеву и Бакланову с приближением к Дрездену и в ходе боя за город сделать все возможное, чтобы

уберечь его от новых бессмысленных разрушений… После массированных налетов двух тысяч англо-американских бомбардировщиков в ночь на 14 февраля 1945 года город искусства, как его называли, горел пять суток… Перед соединениями 32-го гвардейского стрелкового корпуса, овладевшими 7 мая кварталами города на северо-восточном берегу Эльбы, раскинулась старая часть Дрездена, где находились все исторические и культурные ценности, знаменитая картинная галерея. Чтобы продолжить наступление, необходимо было навести переправы, так как все мосты через Эльбу были разрушены англо-американской авиацией. В конце этого дня я прибыл на КП Родимцева.

– Надо штурмовать старую часть города. Если художественные ценности уцелели, то фашисты, пользуясь нашей заминкой, могут вывезти их на Запад, – предложил Александр Ильич.

– Прежде чем начать штурм, давайте направим коменданту Дрездена официальный ультиматум, – ответил я.

Родимцев доложил, что он два часа назад разговаривал с обер-бургомистром города и тот сказал, что никакого коменданта в Дрездене нет.

– Телефонный разговор для гитлеровцев ничего не означает. Так что давайте пошлем парламентеров, – приказал я комкору.

Вскоре на НП прибыли три офицера, вызванные Родимцевым. Старшим был назначен работник политотдела корпуса Д.Ф. Артеменко. Ему я вручил пакет с двумя текстами ультиматума– на немецком и русском языках. Вот что в нем говорилось:

«Ультиматум.

Коменданту города Дрездена или его заместителю.

В интересах сохранения целостности города Дрездена, его исторических ценностей и памятников старины, сохранения многих жизней мирного населения и солдат армии я предлагаю: немедленно прекратить всякое вооруженное сопротивление и безоговорочно, полностью капитулировать. Открыть свободный вход в город нашим войскам и сложить оружие. Ваше дальнейшее сопротивление совершенно бессмысленно. Ваш ответ ожидаю 8 мая в 9.00 по московскому времени у моста Марии, который находится рядом с железнодорожным мостом. В случае Вашего отказа полностью и безоговорочно капитулировать за последствия отвечаете Вы.

Командующий 5-й гвардейской армией генерал-полковник Жадов, 8 мая 1945 г.»

Вернувшись к себе на НП, я стал с нетерпением ждать

дальнейшего развития событий. Примерно около 8 часов утра позвонил Родимцев и доложил, что парламентеры вернулись невредимыми. Были несколько раз обстреляны, лишились своего защитного белого флага: его порвала автоматная очередь. Ультиматум вручить не удалось. Парламентеры, рискуя жизнью, два раза связывались по телефону с обер-бургомистром Дрездена, но он повторил то, что сказал Родимцеву накануне вечером: комендант города убыл в неизвестном направлении, а он не уполномочен вести переговоры.

Перед глазами гвардейцев, вступивших в город, предстала жуткая картина разрушений. Вместо красавца города, города-парка с его архитектурными памятниками была груда бесформенных руин. Больше всего пострадал от налета англо-американской авиации культурно-исторический центр города – Альтштадт, с дворцами и музеями, где хранилось столько сокровищ мирового искусства…

Мы видели много разрушенных советских городов– Сталинград, Полтаву, Кременчуг, сотни стертых с лица земли и сожженных деревень и сел. Проклинали гитлеровцев и не раз говорили: придет расплата! Она пришла. Казалось бы, можно было и позлорадствовать. Но нет. Глядя на разрушения, советские воины глубоко сожалели, особенно когда они не диктовались военной необходимостью, были бессмысленны, как в случае с Дрезденом, забывали о тех непоправимых ранах, которые нанесла нам, советским людям, война. В этом сила и благородство советского воина. Он шел к своей победе как освободитель!..»

Дальнейшие военные действия в Дрездене корпус Родимцева и другие советские части вели с особой осторожностью, открывая огонь только по видимым целям. Специально созданные по приказу командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И.С. Конева группы вели активный поиск сокровищ Дрезденской галереи. Забегая немного вперед, скажем, что 9 мая, в День Победы, большая часть спрятанных картин была найдена советскими солдатами в штольне на берегу Эльбы, а также в других местах, причем многие ценности были подготовлены гитлеровцами к уничтожению.

Выполняя приказ командования, в ночь на 9 мая корпус Родимцева выступил в сторону Праги. Вот что рассказывал отец о том, каким был для него долгожданный День Победы. Этот день выдался у отца не таким торжественным, как у большинства советских людей, и эта радостная новость оказалась для него неожиданной.

В то незабываемое утро 9 мая 1945 года отец находился на

командном пункте одной из частей неподалеку от Праги. Только что был освобожден лагерь с военнопленными, но установившуюся было тишину вновь прервали звуки боя. Войска 32-го гв. корпуса преградили путь немецким частям группы армий «Центр», пытавшимся прорваться на запад. Неожиданно на КП вошел знакомый отцу офицер из штаба армии, он был очень взволнован и что-то говорил. Родимцев подал ему знак, чтобы тот подошел ближе, так как из-за грохота боя было невозможно понять, что он говорит. Офицер подошел ближе и, пытаясь перекрыть шум канонады, прокричал: «Товарищ генерал, победа!»

Отец рассказывал, что в тот миг в это трудно было поверить, когда рядом продолжался бой, который вели его подчиненные, потому что для них и для их командира война еще не закончилась. Части 32-го гв. корпуса продолжали преследовать противника. Лишь 13 мая поступил приказ прекратить боевые действия.

В своих воспоминаниях отец так писал об этих незабываемых днях:

«Когда в древней и всегда юной Праге нас обнимали, осыпали цветами и поцелуями наши чехословацкие друзья, оглядываясь на пройденный путь, как пахарь оглядывается на трудную, политую потом ниву, мы, воины, помнили, какой ценой далась нам эта радость.

Наше соединение было лишь небольшой частицей Советских Вооруженных сил, и оно внесло свой скромный вклад в дело великой победы. Этот вклад – девять тысяч километров военных дорог, пройденных нами с тяжелыми, кровопролитными сражениями; десятки освобожденных от фашистской нечисти городов Родины, а также Польши, Германии и Чехословакии. Это горы смертоносного металла – разбитых и сожженных фашистских танков, бронетранспортеров, пулеметов, минометов, пушек… Это горькие утраты молодых жизней; прощание с верными друзьями, до конца исполнившими свой воинский долг. И священная, неискоренимая, вечная ненависть к фашизму – во имя радости на земле».

В ходе Великой Отечественной войны войска генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта А.И. Родимцева девятнадцать раз отмечались в приказах Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. В них звучат названия городов, которые освободили соединения, руководимые отцом, и успешные действия в крупных операциях.

Так, в приказе № 167 от 18 августа 1944 г. войска Родимцева были отмечены за форсирование Вислы и овладение Сандомирским плацдармом. В приказе № 340 от 23 апреля

1945 г. говорилось о том, что они отличились при прорыве сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны немцев на реке Нейсе и выходе на реку Эльбу. А в одном из завершающих приказов Великой Отечественной войны № 336 от 8 мая 1945 г. отмечались их действия при взятии Дрездена.

Окончилась война. Но для поколения наших отцов она не закончится никогда. Пройдет совсем немного времени, живые вернутся домой, заживут раны, родятся дети, которые не знали ужасов войны, и солдатская память позовет этих людей, где бы они ни были, навстречу друг другу. Чтобы прийти на места, где в братских могилах от Волги до Эльбы лежат их боевые побратимы, чтобы увидеть родные лица и глаза тех, с кем уже однажды простился навсегда, с кем выстоял там, где остаться в живых было чудом.

Этим людям ничего не нужно было никому доказывать, им надо было просто увидеть и обнять повзрослевших друзей и подруг, которых они навсегда запомнили молодыми. Независимо от того, кто из них кем стал за эти годы – большим начальником или ученым, рабочим, врачом, колхозником или генералом, – память безошибочно вела их в те незабываемые дни, и они называли друг друга сержантами, лейтенантами, рядовыми, комбатами, сестричками и братишками, по фамилиям, а чаще – по именам.

Я неоднократно присутствовал на встречах ветеранов и скажу откровенно, что я не знаю других примеров такого единения большого количества очень разных людей, неподдельной радости, когда каждый относится к каждому, как к родному человеку.

Отец не любил рассказывать про войну. Он, как и все фронтовики, ненавидел ее, да и нелегко это было вспоминать. Лишь когда я повзрослел и стал более настойчиво выспрашивать его о самых интересных, как мне казалось, эпизодах, он начинал вспоминать, сначала как будто неохотно, медленно, но затем увлекался, вспоминал что-то важное еще и еще, а потом мог неожиданно замолчать. Я видел, как он сжимал зубы и отворачивал взгляд…

Но однажды он почувствует, что «солдатская память» не дает ему покоя, что он не может не рассказать о том, что было на войне, а точнее, о людях, с которыми он прошел от ее начала и до конца – о своих десантниках и гвардейцах. И напишет о них книги.

Именно об этом строки талантливого поэта Николая Колдашова:

Солдатская память —
Особого рода:
В ней судьбы людские
И подвиг народа.
В ней летопись
Каждой минуты войны —
От первого дня
До победной весны…
В ней травные запахи
Русской равнины
И в пламени хлеб
На полях Украины,
Во весь горизонт
Раскаленный закат,
И слезы в глазах
У бывалых солдат.

А в награду за то, что он лично сделал за четыре года войны, в июне 1945 года отцу присвоили звание дважды Героя Советского Союза. Ветераны Сталинградской битвы, а также многие известные в нашей стране деятели искусства, писатели, историки, знакомые с моим отцом, всегда считали, что он заслужил эту высокою награду еще в Сталинграде. Так же как и некоторые другие комдивы, командиры полков, батальонов, рот и, конечно, солдаты. Но в той обстановке в руководстве страны, по-видимому, возобладало мнение, что еще не пришло время давать эту награду командирам.

Отец никогда не вел разговоры о том, как оценивались его заслуги, не завидовал другим и не обсуждал чьи-то звания и ордена. Самой высокой наградой для него и предметом его настоящей гордости, о чем он всегда писал в своих воспоминаниях, явился по достоинству оцененный боевой путь дорогой ему 13-й гвардейской дивизии, чья героическая родословная началась с 5-й воздушно-десантной бригады. В перечне ее наименований и наград спрессована слава всех ее бойцов и командиров – Полтавская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова.

Навсегда сохранились в его памяти имена 27 гвардейцев тринадцатой дивизии, удостоенных звания Героя Советского Союза. В своих книгах отец написал о подвиге каждого из них. Может быть, и за это тоже так уважали и любили своего комдива его однополчане.

Часть IV

Слава Богу!
Ведь все, что было,
Все, что было, – было со мною.
И война меня не убила,
Не убила пулей шальною.
Я судил по людям, по душам,
И по правде, и по замаху.
Мы хотели, чтоб было лучше,
Потому и не знали страху.

Д.С. Самойлов (советский поэт)

Далеко от Москвы

После войны большую часть службы отец провел вдали от Москвы. Но прежде, чем отправиться на новые места, в мае 1946 года он был зачислен слушателем высших академических курсов при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Наша семья проживала в центре Москвы в Кропоткинском переулке. Квартира была небольшой, а людей в ней проживало немало. Помимо родителей, двух моих сестер и меня у нас постоянно находился кто-нибудь из близких или дальних родственников отца и матери, причем по нескольку человек одновременно. Почти все они были молодыми людьми. Отец помогал им найти работу или поступить на учебу, а ребятам, как правило, выбрать военную профессию. Но помимо того, что им нужно было определить свой жизненный путь или создавать семью, на тот момент все они нуждались в элементарной помощи – нужно было где-то жить и вообще выжить в это трудное послевоенное время. Спали на полу, приезжали и уезжали днем и ночью, чаще всего без предупреждения, но родители старались никому не отказывать. На протяжении своей жизни все наши родственники сохраняли любовь и признательность моим родителям за поддержку и помощь в те трудные годы.

Фронтовая судьба отца сложилась так, что за всю войну, побывав в немыслимых переделках, много раз находясь на грани гибели, он ни разу не был ранен. Повторилась «испанская история», когда он остался целым и невредимым за время своего участия в гражданской войне в Испании, находясь большую часть времени на передовой, участвуя в боях. Кто был на войне, тот понимал, что это невероятное везение, дар судьбы.

Однако пережитое на фронте не прошло бесследно. Зимой у отца заболели ноги. Причиной тому явилось обморожение, полученное в Сталинграде за время нахождения штаба дивизии в бетонной трубе в промокших и промерзших сапогах или валенках. Несколько месяцев он вынужден был передвигаться с помощью костылей, но занятий в академии не прекращал. Благодаря усиленному лечению отец вскоре поправился и подобных осложнений в дальнейшем у него не было.

В марте 1947 года отец получил первое послевоенное назначение в Калинин (ныне Тверь), на должность командира 11-го гв. корпуса. Вся семья, а с нами и многие из крепко сжившихся близких родственников переехали на новое место службы отца. На этой должности отец пробыл до февраля 1951 года. К концу нашего пребывания в Калинине мне исполнилось почти пять лет,

и многое из быта и событий того времени я помню. Так же как и в Москве в нашей квартире всегда было много людей, только теперь к родственникам добавились подруги старших сестер и военные: сослуживцы отца, его помощники, водители.

Помню, что во двор трехэтажного многоквартирного дома, в котором мы жили, постоянно заходили точильщики, носившие на плече точильный станок, старьевщики, молочницы, продавцы овощей, с громкими криками предлагавшие свои услуги. Такая картина долгое время была приметой времени во многих городах нашей страны. В первые послевоенные годы в нашей стране еще действовала карточная система распределения продуктов, а после ее отмены за некоторыми продуктами надо было отстаивать большие очереди. Наша семья приобретала продукты так же, как все, никаких льгот у отца в этом плане не было.

Калинин был сильно разрушен. Рядом с нашим двором было то, чего не во всяком городе можно было наблюдать. За высокой стеной, обрамленной колючей проволокой, шла стройка, на которой работали пленные немцы. Помню их фигуры в серых одеждах, иногда оттуда раздавались звуки губной гармошки. Дети постарше иногда что-то кричали им, но я не слышал, чтобы из-за стены отвечали.

Каждый день, уходя на работу, отец внимательно осматривал свою форму, не терпел неряшества. Свои сапоги и другую обувь всегда чистил сам, доводя до блеска, а заодно чистил и мамину обувь.

К процессу воспитания, независимо от того, касалось ли это детей, родных или подчиненных, отец относился по-своему. Он не читал нотаций, не уговаривал, не ругал, не наказывал, а действовал либо личным примером, либо использовал психологический прием, состоявший в том, чтобы, воспользовавшись подходящим случаем, как бы невзначай, преподать практический урок.

В Калинине некоторое время водителем служебной машины у отца был его племянник Николай Мячин, проходивший срочную службу в автороте, готовясь поступать в военное автомобильное училище. За определенное время до начала работы машина должна была стоять у подъезда. Однажды морозным зимним утром отец, выйдя во двор, машины не обнаружил. Постояв пару минут, он пошел по улице по направлению к штабу, который находился довольно далеко от дома. Примерно на полпути его догнал Николай на машине. Остановившись у тротуара, он выскочил из автомобиля и распахнул отцу дверку со словами: «Виноват, товарищ генерал. Мороз сильный, мотор никак не заводился». Отец выслушал его и велел возвращаться в гараж, а

также передать, чтобы за ним выслали дежурную машину. После чего продолжил свой путь. Как рассказывал мне про этот случай сам Николай, который вообще-то был дисциплинированным и ответственным человеком, он едва не сгорел со стыда за свой проступок. Со следующего дня он вставал в пять часов утра, чтобы никакие обстоятельства не могли помешать подавать машину вовремя. По его словам, он был благодарен отцу за это назидание, которое он запомнил на всю жизнь.

В конце сороковых – начале пятидесятых годов в нашей стране началась новая кампания по борьбе с внутренними врагами, и поднялась волна арестов. Незадолго до окончания пребывания в Калинине такая попытка была предпринята и в отношении отца, однако он проявил выдержку и решительность, не дав себя арестовать. Однажды ночью раздался звонок в дверь. На вопрос отца: «Кто там?» – никто не ответил. Звонки продолжались. Отец поднял телефонную трубку – сигнала не было. Выглянув в окно, он увидел у подъезда легковую машину. Отец выстрелил несколько раз через открытую форточку и крикнул так, чтобы услышали стоявшие за дверью, что будет стрелять в дверь. Подойдя к окну, он увидел, как из подъезда вышли несколько мужчин, сели в машину и уехали. На следующий день отец, как обычно, был на работе. Никакого продолжения эта история, насколько мне известно, не имела. Возможно, отец догадывался, с чем связан и кем был организован ночной «визит», но разговоров в семье на эту тему он не вел.

В феврале 1951 года отец получил назначение на более высокую должность – помощника командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа. Вскоре мы переехали на новое место службы отца в Иркутск.

В те годы получила большое распространение практика отправки военачальников, ставших известными в Великую Отечественную войну, как можно дальше от Москвы. Что уж говорить о генералах, если самого маршала Победы Жукова Сталин отправил в Одессу, а потом на Урал! Мне представляется, что целью сталинской политики по отношению к военным кадрам в послевоенный период было выслать ярких личностей как можно дальше от столицы, разобщить, принизить их славу и популярность в армии и в народе, поставить под контроль. А если предоставится возможность – арестовать, выбить нужные показания на тех, кто в опале или на кого-то еще.

Военный округ раскинулся на огромной территории, и отец подолгу находился в командировках. Непременным атрибутом в нашем доме стал «тревожный чемоданчик». В нем находилось все, что необходимо в длительной командировке, причем перечень

этих вещей был напечатан на листе бумаги и приклеен к крышке с внутренней стороны. После каждого возвращения домой весь этот набор обновлялся, и чемодан был снова готов в дорогу, даже если нужно было уезжать, как это не раз бывало, уже на следующий день. Собирала этот чемоданчик моя мама, и отец всегда знал, что все будет в порядке, а среди дежурных «тревожных» вещей будет обязательно что-то, несущее в себе напоминание о домашнем уюте – связанные женой теплые вещи, фотографии и последние письма от родных и друзей, полученные за время его отсутствия и которые он не успел прочитать до очередной командировки.

Тем больше радости было в доме, когда мы собирались все вместе. Отец часто вывозил нас в лес, учил меня ориентироваться, собирать грибы, ягоды, орехи. Запомнилась мне и поездка на Байкал, где нас угощали знаменитым омулем.

В Иркутске я пошел в школу, причем за полгода до того, как мне исполнилось семь лет. Мои родители приняли такое решение, в результате я на протяжении школьных лет учился с ребятами, которые были на год, а то и больше старше меня. Не знаю, какие усилия предпринимали родители для моего устройства в школу раньше положенного возраста и предпринимали ли вообще, но к этому возрасту я уже умел хорошо читать и писать, поэтому выглядел на уроках лучше многих одноклассников и учился хорошо.

Летом мы выезжали в район армейских лагерей в местечко Мальту на реке Белой, в 150 километрах к северу от Иркутска. По сибирским понятием – совсем рядом. Семьи военных жили в летних домиках, а для детей было раздолье, но и много неприятных неожиданностей. В разгар лета я и еще несколько детей вдруг заболели малярией, вызванной, по-видимому, обилием комаров на болотах рядом с поселком. Болел я с очень высокой температурой. Однажды в ночь неожиданно на реке Белой началось наводнение. Вода прибывала очень быстро, уже началось подтопление домов. Мне повезло, что за день до этого меня осмотрел врач и оставил нам необходимые лекарства. Днем появилась военная амфибия, солдаты помогали всем членам семей выбраться из домов и переносили нас в это спасательное средство. Я помню, как лежал укутанный в одеяло, стуча зубами от озноба, и больше всего жалел, что происходит такое интересное событие, а я не могу ничем помочь маме и наблюдать за тем, что творится вокруг. Когда мы проплывали над местом, где было поле, на дороге стояли грузовики, а из-под воды торчали только крыши кабин, и на них сидели шофера, которых подбирала другая амфибия.

После того как нас высадили в безопасном месте, отец, уже поджидавший нас и сильно взволнованный, увидев, в каком состоянии я и мама, не отходившая от меня, воскликнул: «Шайтан побери!», схватил меня в охапку и посадил в автомобиль. Вместе с еще одним ребенком и нашими мамами нас повезли в военный госпиталь.

В мальтинских военных лагерях были верховые лошади. Здесь я впервые увидел, как отец скачет верхом, преодолевает препятствия, удивляя всех не утраченным кавалерийским мастерством. Меня тоже сажали на коня под присмотром опытных конников, и я хорошо помню свой восторг от прогулок верхом, до и после которых я кормил коня с руки сахаром, морковкой или чем-нибудь еще.

Наше пребывание в Сибири оказалось недолгим. В 1953 году умер И.В. Сталин. Сейчас, когда оглядываешься на прошлое, трудно до конца понять, насколько тяжелой была морально-психологическая атмосфера того времени. Я хорошо помню огромный, в полный рост портрет вождя в обрамлении венков на фасаде здания напротив нашего дома. Портреты висели по всему городу на каждом здании. В день похорон все слушали по радио трансляцию из Москвы. Женщины плакали, мужчины стояли с серьезными лицами.

По стечению обстоятельств в этот год должна была произойти замена на должности, которую мой отец занимал в командовании Восточно-Сибирского военного округа. В середине 1953 года отец выехал в Москву за получением нового назначения. Вслед за ним вскоре отправилась и вся наша семья. Мы снова поселились в той же квартире в Кропоткинском переулке, из которой уезжали. Только теперь в одной из комнат проживал военный с женой.

В жизни отца, как и многих других людей, начинался новый этап, менялась не просто общая ситуация в стране, начиналась новая эпоха.

Форпост на Адриатике

Шел 1953 год – один из самых памятных в истории нашей страны, переломный, наполненный тревогой, надеждами, неожиданными для общественности заявлениями и действиями советского политического руководства, вызванными борьбой за власть после смерти Сталина. По всей стране прокатилась волна кадровых перестановок, затронувшая более всего не только партийную верхушку и органы безопасности, но и армию.

Отец был широко известен в армейской среде и имел хорошие отношения со многими высокопоставленными военачальниками, которые высоко ценили его профессиональные и личные качества. Вместе с тем новые руководители нашей страны по-прежнему придерживались сталинской кадровой политики по отношению к военным – на руководящих постах в армии, да и вообще в Москве, должно находиться как можно меньше известных и популярных в армии и в народе военачальников. Характерная для абсолютного большинства этих людей внутриармейская сплоченность, основанная на фронтовых отношениях, уважение к авторитетам и неприятие двурушничества представляли опасность для политических интриг и попыток разного рода произвола.

По этим причинам отец оказался в общем турбулентном административном движении, хотя, как говорится, и в плановом порядке. Его положение было, конечно, существенно лучше, чем у тех, кто был смещен со своих постов или впал в немилость у нового руководства страны, но в условиях всеобщего ожидания перемен оно не способствовало его уверенности в своем будущем, и перспективы дальнейшей службы выглядели весьма туманно.

В московских кабинетах обстановка была нервозная и суматошная. Определенная категория военных была в первую очередь озабочена тем, чтобы воспользоваться предоставившейся возможностью и занять освобождающиеся должности в центральном аппарате. Что касается отца, то он никогда к этому не стремился.

Генерал-лейтенанту А.И. Родимцеву после нескольких недель томительного ожидания было предложено продолжить службу на дипломатическом посту в военной миссии в одной из западноевропейских стран или в Германии. Служба в Германии для отца была категорически неприемлема по вполне понятной причине. Да и вообще работа в военной миссии в какой бы то ни было стране, при всей престижности и дипломатическом статусе, представлялась ему не очень привлекательной. Ему по душе была

служба в войсках, конкретное армейское дело.

Еще одним вариантом дальнейшей работы явилось несколько неожиданное предложение должности главного военного советника и военного атташе в Албании. И хотя работа в этой стране на первый взгляд казалась не лучшим выбором, этот пост являлся, пожалуй, наиболее ответственным, связанным с конкретной работой в войсках, из всех, предложенных ему. Дело в том, что в этом небольшом государстве, ставшим нашим союзником, требовалось создать современную армию и военную инфраструктуру, которая в перспективе могла бы играть важную роль в районе средиземноморья в интересах всего лишь недавно образовавшегося социалистического лагеря. Отца очень привлекло в этой работе то, что в этом деле могут действительно пригодиться его военные знания и боевой опыт, а еще – большая самостоятельность по сравнению с другими предлагавшимися должностями, что для отца всегда являлось очень важным фактором.

По тому, как настойчиво отцу предлагались варианты работы за границей, он понял, что его упорно хотят отправить подальше от Москвы, желательно за пределы страны, чтобы не только отлучить его от возможности занимать командные должности в войсках, но и от депутатской деятельности в Верховном Совете страны и других связей с общественностью, которые всегда у него были.

Пауза затягивалась. Поняв, что рано или поздно ему придется принимать решение, отец решил посоветоваться со старшими товарищами и друзьями, мнение которых для него значило многое. В эти дни он встретился с некоторыми военными, под началом которых он воевал и служил в последние годы. Возможно, что решающей была встреча с Марией Фортус, той самой, которая помогала ему в Испании, которая прошла через тяжелые испытания, много работала с иностранцами, прекрасно разбиралась в людях и, что особенно важно, хорошо знала характер отца. Ее жизненный опыт и дружеское отношение к моему отцу, вне всякого сомнения, помогли ему в этот непростой период сделать выбор, уловить верное направление будущей работы, правильно построить отношения с иностранными товарищами.

Дав согласие на работу в Албании и пройдя соответствующую подготовку к командировке, отец в конце июня 1953 года выехал на новое место работы. Начинался новый этап в жизни генерала Родимцева, его судьба совершила очередной, довольно неожиданный поворот.

Вот так – из холода в жару, потом снова в суровые края. Но

отец никогда не роптал на свою судьбу. Более того, он стремился к самостоятельной работе, вдали от кабинетов и не рвался в столицу.

Прежде чем перейти к албанскому периоду в жизни отца – исключительно интересному и необычному, мне бы хотелось рассказать о событиях, которые могли направить его линию жизни в другом направлении. Я намеренно так подробно остановился на времени его отъезда в Албанию. Дело в том, что вскоре после его отъезда в Москве произошло новое политическое событие, потрясшее страну почти так же, как и уход вождя.

26 июня в Кремле во время заседания Президиума ЦК КПСС группой генералов во главе с маршалом Г.К. Жуковым, действовавшим по указанию Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина, занимавшего пост министра обороны, был арестован Л.П. Берия. Для проведения этой секретной и опасной операции Г.К. Жукову необходимо было в кратчайший срок отобрать несколько надежных и смелых генералов и офицеров, на которых он мог полностью положиться. По прошествии времени от своих близких родственников я узнал, что среди кандидатур, которые рассматривал Г.К. Жуков для привлечения к этой операции, был и генерал-лейтенант А.И. Родимцев. О том, что прославленный боевой маршал был высокого мнения о профессиональных и личных качествах Родимцева и считал его человеком своей когорты, было известно и раньше. Однако в этот день отец находился уже далеко от Москвы.

Что правда, то правда – генерал Родимцев наверняка выполнил бы приказ, тем более что речь шла об аресте человека, который, мягко говоря, не снискал симпатий в армейской среде. Однако мне кажется, что участие в операции не добавило бы отцу заслуг и не украсило его послужной список. Но его дальнейший жизненный путь был бы непредсказуемо другим. Судьба между тем распорядилась так, что отец никакого участия в этих событиях не принимал.

Еще до отъезда в Албанию отец в процессе ознакомления с соответствующими материалами подготовил докладную записку министру обороны СССР Н.А. Булганину (направленную также Маленкову Г.М., Берия Л.П., Молотову В.М. и Хрущеву Н.С.) с предложениями по реорганизации албанской армии для повышения обороноспособности Народной Республики Албании. Примечательно, что наряду с мероприятиями, касающимися сухопутных войск, отец обращал внимание на необходимость усиления обороны морского побережья и командирования в состав аппарата военного советника военно-морских специалистов. Предложения вновь назначенного военным

советником в Албанию генерала А.И. Родимцева были в основном одобрены советским руководством.

Через два месяца отец вернулся в Москву по делам, а в Албанию он вновь отправился уже вместе с моей мамой и со мной. Регулярных авиарейсов в эту страну еще не было, и добирались мы морским путем. Из Одессы мы вышли в море на большом румынском пассажирском теплоходе «Трансильвания», который направлялся по маршруту: Одесса – Констанца – Варна – Стамбул – Пирей – Дуррес.

Надо ли говорить, что морское путешествие продолжительностью около недели по красивым морям и странам представляло собой в те годы настоящую экзотику для советских людей, даже для взрослых, а тем более для мальчишки, которому не исполнилось и восьми лет, каким был я. За три года албанской командировки отца мне довелось несколько раз проделать этот путь туда и обратно. Я хорошо помню многие детали этих путешествий, которые произвели на меня неизгладимое впечатление. Первым памятным воспоминанием был человек в белой форме, который три раза в день ходил по коридорам судна и бил колотушкой с мягким наконечником в большое медное блюдо, висящее на веревочке, созывая пассажиров в столовую. Я и другие дети разноязыкой толпой ходили за ним следом как завороженные, слушая громкий и необыкновенно мелодичный звон его «инструмента». Самым счастливым был тот, кому позволялось сделать очередной удар.

Отец подробно рассказывал мне о том, через какие мы проходим моря и страны, что за острова проплывают мимо. Я неожиданно для себя почувствовал огромный интерес ко всему, что происходит на судне, к его устройству, наблюдал за работой матросов, подолгу смотрел на море и плывущих рядом с кораблем дельфинов, назубок выучил все географические названия. В портах, если стоянка была длительной, мы сходили на берег и совершали короткие экскурсии. Однажды, когда я и отец стояли на палубе, мы увидели, что море впереди какого-то совершенно иного цвета, – за бортом плескались синие воды Средиземного моря, а впереди цвет воды был изумрудно-зеленым. Мы приближались к Адриатическому морю. Мне навсегда врезалась в память удивительная картина – наш корабль пересекает резкую границу вод, которые не перемешиваются, как будто на листе бумаги разрисованы разноцветными карандашами две половинки – справа синяя, слева зеленая. Стоявший рядом отец удивленно качал головой, он тоже впервые наблюдал такую картину. Это были дни необыкновенных открытий, впечатлений, восторгов, сохранившиеся в моей памяти. Эффект от морского

путешествия усиливался еще оттого, что перед этим я три года прожил в Сибири, среди лесов и снегов, в скованном нередкими сорокаградусными морозами Иркутске и его окрестностях.

Пожалуй, единственным неприятным моментом в морских вояжах была качка. Я помню, как однажды мы попали в сильный шторм, продолжавшийся несколько суток. Огромный корабль раскачивало так, что было трудно устоять на ногах. Моя мама переносила качку очень тяжело, ничего не ела, отец сильно переживал, регулярно в нашу каюту приходил врач. Меня тоже здорово укачало, но я старался не ныть, видя, как тяжело маме. А отец и в этой ситуации оказался выносливее всех. Он чуть ли не силой привел меня в столовую, чтобы я хоть что-то съел. Хорошо помню, что кроме нас там находилось всего три пассажира в зале на несколько сот человек. Посуда ездила по столу, время от времени что-то падало на пол, в окна хлестали водяные струи. А отец с аппетитом съел все, что положено, был в прекрасном состоянии и, глядя на мои страдания, только приговаривал, качая головой: «Шайтан побери!» И в тот раз, и впоследствии еще неоднократно я имел возможность убедиться, что у него был идеальный вестибулярный аппарат. Он прекрасно переносил и морской шторм, и полеты в любую погоду на больших и маленьких самолетах, и долгие поездки по горным дорогам, по которым он исколесил не одну тысячу километров. С такими природными данными из него мог бы получиться отличный космонавт!

В Албании мы жили в столице страны Тиране. В соответствии со статусом отца и служебной необходимостью наша семья проживала в небольшом двухэтажном особняке, в отдалении от советского посольства и торгпредства. На первом этаже располагался зал, где проводились официальные приемы, и служебные помещения, а на втором этаже – жилые комнаты. Главным открытием для меня явилась плоская крыша, на которой мы нередко сидели вечерами, когда после жаркого дня с близких гор опускалась прохлада. Ничего подобного ни я, ни мама раньше не видели, в отличие от отца, который уже повидал все это в Испании.

Улица, на которой мы проживали, была почти вся отдана дипломатическим представительствам. Над зданиями развевались национальные флаги, вокруг была слышна иностранная речь, в маленьких двориках играли дети сотрудников. Рядом с нами находилось посольство Чехословакии. Я очень быстро вошел в контакт с их детворой, мы вместе играли и на их территории, и на нашей, и на улице, благо машины по ней проезжали нечасто. Видимо, с тех пор мне запомнилось

звучание чешского языка, в котором много созвучных русскому языку слов, правда, имеющих нередко совсем другое значение, а главное – я научился произношению, очень своеобразному, которое не могут освоить многие взрослые люди, изучающие чешский. Дети быстро воспринимают любой язык, и я в итоге выучил довольно много чешских слов. Когда, спустя много лет, я приезжал в Чехословакию в командировки, то местные товарищи удивлялись, как умело я воспроизвожу интонации их языка, что многим иностранцам не под силу. Примерно так же происходило мое общение и с албанскими ребятами, с которыми мы часто играли в футбол на соседнем пустыре.

Сегодня трудно представить, чтобы дети, тем более иностранцы, могли одни, без взрослых перемещаться по большому городу, да еще пешком. Но в Тиране в те годы это было именно так. Если поначалу меня подвозили утром на машине в посольскую школу и так же забирали, что вполне естественно для проживания за рубежом, то впоследствии я очень часто самостоятельно ходил туда и обратно, а дорога в один конец занимала минут двадцать. Более того, я заходил иногда и в торговые ряды в центре города, где покупал разные сладости и кустарные, но добротно сделанные деревянные и оловянные фигурки солдатиков, самолетов, кораблей – маленькие детские радости. Никто и никогда не обидел, не обманул меня, а уж тем более не проявлял какой-то агрессии. Наоборот, знавшие меня торговцы приветливо махали мне руками, угощали фруктами, дарили мелкие сувениры.

Но лучше всего я запомнил школу, в которой проучился три года. Когда я приступил к учебе во втором классе, я был вторым учеником. Но успеваемость здесь ни при чем. Дело в том, что в школе было всего два ученика – кроме меня училась одна девочка-первоклассница. С моим приходом учительница так и занималась с нами – в одно время, в одном классе. В результате эта девочка за один год окончила сразу два класса.

Я пишу о своих детских впечатлениях о жизни в чужой стране, но из них, как мне кажется, становится понятно и то, как вообще складывалось наше там пребывание. А то, что в школе было всего два ученика, свидетельствует о том, что работа наших учреждений в Албании только начиналась. Поэтому дел и забот у отца было очень много.

Положение в экономике Албании в те годы было крайне сложным. Жизненный уровень населения был очень низким, большая часть его была занята в сельском хозяйстве. Страна нуждалась в финансовой помощи, а также во многих необходимых товарах. Основной объем экономической помощи

Албании в 50-е годы предоставлял Советский Союз.

Что касается албанской армии, то помощь нашей страны в ее создании играла главную роль. Практически все, что было необходимо для укрепления обороноспособности страны, поставлялось из СССР. Мой отец со своими советскими и албанскими помощниками постоянно находился в разъездах. На советской «Победе», а порой и на других машинах с албанским шофером, переводчиком и адъютантом Володей Гущиным он не один раз объездил всю страну. Даже чисто физически это было непросто, учитывая, что Албания практически вся, за исключением небольшой прибрежной полосы, состоит из гор. Особенно тяжелыми, по рассказам отца, были поездки на север страны в район города Шкодер, где наиболее высокие горы, а дороги опасны и местами труднопроходимы.

Во время одной из таких поездок у отца произошел эпизод, связанный с его отношением к религии. В этой книге уже упоминалось об отношении отца к вере и верующим людям, что нашло свое проявление накануне Сталинградской битвы. Если тогда обращение людей к вере произошло перед лицом смертельной опасности, то на этот раз все было иначе. Однажды отец увидел на горе православный храм. Это было впервые за время пребывания в стране, в которой царила мусульманская религия. Вместе с отцом находился переводчик – серб по национальности. Отец уточнил у него, действительно ли это православный храм, и тот подтвердил. Отец попросил остановиться, а затем вошел в церковь. Он пробыл внутри довольно долго. Вернувшись к машине, он подозвал переводчика и сказал ему: «Ты ничего не видел и ничего не знаешь». Наверняка у отца была причина и духовная потребность в таком поступке.

Эту историю я узнал спустя много лет от мамы. Ей рассказал об этом тот самый сербский товарищ, который побывал у нас в гостях в московской квартире, чтобы встретиться с отцом, которого он очень уважал и за его героическое прошлое, и за совместную работу в Албании.

В одну из поездок, не очень тяжелую и опасную, отец взял с собой меня. Лишь став взрослым, я понял, насколько дальновидным и по-отцовски правильным был этот шаг. Он конечно же хотел, чтобы я лучше представлял себе, в какой стране нам довелось побывать, как живут люди за пределами столицы. Стоит ли говорить о том, какой радостью это было для меня! Мы проехали на нескольких автомобилях вместе с нашими специалистами и албанскими офицерами за две недели полстраны. И хотя мне исполнилось в тот год всего десять лет, я

прекрасно помню и маршрут нашей поездки, и те города и местность, которую мы проезжали, и многие другие подробности. Я могу сказать, что видел Албанию, а не только столицу.

На дорогах страны машин было мало, а по обочинам медленно катились крестьянские повозки и шли ослики, тащившие на себе немыслимое количество груза. На крышах многих одноэтажных хозяйственных построек, расположенных вдоль дорог, особенно на шоссе между Тираной и портом Дуррес, белой краской было написано: «Энвер – Маленков» и другие лозунги в честь албано-советской дружбы на албанском языке. (В период, о котором ведется повествование, Энвер Ходжа занимал пост первого секретаря ЦК АПТ и Председателя Совета министров, а Г.М. Маленков – Председателя Совета Министров СССР).

Природа не обделила Албанию – повсюду красивые пейзажи, обрамленные скалами бухты, вода в которых была настолько прозрачной, что можно было разглядеть на дне брошенную монету на глубине почти десяти метров, мягкий климат южных Балкан. Вокруг виднелись обработанные поля, виноградники, росли оливковые и фруктовые деревья, часто встречались небольшие стада овец, которых пасли обычно подростки. Но люди в албанской глубинке жили бедно, это было видно по всему. Их уровень жизни был намного ниже даже скромного городского быта простых албанцев. Жилища были примитивными и мало походили на дома – в основном глинобитные или дощатые, вместо окон узкие прорези, лишь в горах дома были из камня. Одеты сельские жители были одинаково: у мужчин на голове белая вяленая шапочка с плоским верхом, рубахи с широкими рукавами, шаровары, на ногах обувь из кусков сыромятной кожи. Городские гостиницы, в которых мы останавливались, были старыми, лишь слегка подновленными, в чем-то похожими одна на одну, построенными много лет назад итальянцами, оккупировавшими эти земли.

В один из дней мы поднялись на вершину высокой горы, где стоял небольшой гарнизон. Ниже нас проплывали небольшие облака, было ветрено и холодно, но зато открывался великолепный вид на море. Пользуясь ясной погодой, нам предложили посмотреть в мощные бинокли на запад, и мы увидели в дымке очертания гор – это была Италия. Ближе к вечеру мы спустились к подножию горы. В деревне был куплен баран, мужчины развели костер, появились крестьяне, которые разделали тушу и зажарили на вертеле. Все с большим аппетитом поужинали, а потом албанцы пели песни и плясали национальные танцы, похожие на греческий сиртаки.

Я видел, что отцу нравится Албания, он с интересом осматривал места, которые мы посещали, интересовался историей, много общался с простыми людьми. С возрастом мне стало понятно, что она напоминала ему Испанию, которую он никогда не забывал: такие же горы и крутые серпантины дорог, оливковые рощи и виноградники, апельсиновые деревья и кипарисы, мягкая зима и жаркое лето.

Южной точкой нашей поездки был городок Саранда у границы с Грецией. Когда мы вышли на морскую набережную, отец показал мне на большой гористый остров, который находился очень близко, так, что были видны отдельные дома и машины на дорогах, и сказал: «Это остров Корфу». К тому времени я уже был неплохо знаком с географией, любил рассматривать атласы, которых у отца всегда было много, и успел посмотреть недавно вышедшие фильмы «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы», из которых хорошо уяснил, какую роль сыграл остров Корфу в истории русского флота. Я стоял и смотрел на этот большой, утопающий в зелени, переливающийся огнями остров и не мог поверить, что нахожусь в таком историческом месте. На мой наивный вопрос, а можно ли нам туда, отец ответил: «Это греческий остров, нам туда нельзя». Больше я вопросов про Корфу не задавал. Я даже представить не мог, что когда-нибудь окажусь по ту сторону пролива.

Спустя 55 лет после этого разговора с отцом мы с моей женой Ирой приехали на Корфу на отдых по турпутевке. Я смотрел, теперь с другого берега, на Албанию и на Саранду. На той стороне не было видно никакого движения, а по вечерам было мало огней. Я стоял на острове, история которого так богата великими событиями, даже по греческим меркам, и вспоминал нашу с отцом поездку, беседы у моря и почему-то было очень грустно. И оттого, что на том берегу мало чего изменилось, и еще потому, что я никогда уже не поменяю еще раз берега. Потому, что там не будет рядом отца.

Самым приятным временем года в Албании для меня было лето. Мы выезжали к морю, где жили в одноэтажном домике на песчаном берегу неподалеку от Дурреса. Рядом жили и семьи других советских специалистов. В отсутствие кондиционеров от жары спасало море, около которого мы, дети, проводили почти все время. Но и в доме, построенном с учетом местного климата, было в основном прохладно. На берегу сохранились приметы недавней войны: полузасыпанные песком бетонные доты, разрушенные строения. Иногда попадались, если покопаться в

песке, и другие военные артефакты – гильзы, проржавевшая колючая проволока, обрывки проводов и т. п. Однажды мы ушли далеко от жилья, а когда вернулись, кто-то из взрослых отчитал нас и велел нам находиться ближе к домам и не рыться в земле, объяснив, что могут быть мины. Это слово мы хорошо понимали, и я благодарю судьбу, что с нами ничего не случилось.

Но не всегда все было мирно и безмятежно. Однажды ночью за отцом прислали машину, он быстро собрался и уехал, велев нам не выходить из дома и держаться подальше от окон. А вскоре раздались громкие частые залпы. Стреляла зенитная батарея, располагавшаяся, как оказалось, неподалеку, за приморским шоссе, о существовании которой мы и не подозревали. Я, конечно, подсматривал в окно и видел, как несколько прожекторов шарили своими лучами по небу и по морю, по которому сновали катера, тоже с включенными прожекторами. Стрельба зенитной батареи, а также со стороны моря долго не прекращалась. Все это было не только необычно, но от грохота содрогался наш домик, а моя мама, как настоящая офицерская жена, сложила в чемодан самые необходимые вещи, на всякий случай, если придется срочно уезжать.

Наутро мы узнали у отца, что прилетали самолеты-нарушители, их отогнали, можно не волноваться. Отец, как всегда, был немногословен в том, что касалось службы, тем более в моем присутствии, возможно, маме он рассказывал о событиях той ночи подробнее. Но от знакомых мальчишек, наших и албанских – а мальчишки везде одинаковые, они всегда в курсе событий – я узнал, что были не только самолеты, но и иностранные катера, навстречу которым вышли албанские моряки, и все это вылилось в небольшое морское сражение. Хорошо помню, что стрельба на суше и на море повторилась еще несколько раз.

То, что происходило на границах Албании в те годы – нарушения воздушного пространства самолетами, появление чужих кораблей в ее водах, полеты воздушных шаров-шпионов, имело место и на границах других социалистических стран. Это называлось «холодной войной».

Но самым главным в нашем пребывании в Албании являлась, разумеется, работа отца. Комфортный дом, в котором мы жили, официальные приемы, встречи с руководством страны – это всего лишь внешний фон трудной повседневной деятельности. Обязанности, которые исполнял главный военный советник, требовали установления хороших рабочих контактов с военным командованием албанской армии. И отцу удалось повести себя так, что он не просто сработался с министром обороны Албании

Бекиром Балуку, но они стали добрыми друзьями.

Помимо рабочих отношений они часто встречались в неформальной, как сейчас принято говорить, обстановке. Они называли друг друга по имени – Бекир и Саша. Бекир бывал у нас в доме, несколько раз приглашал всю нашу семью к себе, где гостей окружали вниманием, угощали национальными блюдами. Бекир был, несмотря на грузность, очень энергичным, подвижным человеком, заразительно смеялся и трогательно относился к детям – и к своим, и к советским. Увидев, что я часто играю в футбол с албанскими мальчишками, Бекир подарил мне мяч и, бывая у нас, иногда несколько минут гонял со мной мяч в маленьком дворике. Мой отец умело воспользовался этим обстоятельством в педагогических целях. Если я иногда по утрам долго не вылезал из кровати, отец, стоя в коридоре возле моей комнаты, стучал мячом об пол, приговаривая: «Давай, Бекир, бей, ага, один ноль в твою пользу!» Тут уж я, конечно, не выдерживал, не в силах терпеть такую несправедливость – мне забивают гол, когда меня нет, – и с криком: «Это нечестно!» выскакивал в коридор, окончательно проснувшийся и взбодренный. Что и требовалось на тот момент.

На Бекира Балуку произвело большое впечатление умение Родимцева быстро ориентироваться в незнакомой обстановке, его профессионализм, позволявший добиваться выполнения поставленных задач даже в тех областях военного строительства, которыми раньше ему заниматься не приходилось. Он учился у Родимцева тому, как выстраивать боевую подготовку войск и обучать кадры. Об этом говорил сам Бекир перед прощанием с моим отцом накануне нашего отъезда в Москву в 1956 году.

К слову, официальные албанские лица, с которыми мне приходилось общаться, когда они приезжали в резиденцию к отцу или на мероприятиях в советском посольстве, имели своеобразную привычку оказывать знаки внимания детям. Церемония выглядела так: очередной гость подходил, двумя пальцами пощипывал за щеку, а затем еще и похлопывал ладошкой по этому месту. Когда это делали несколько раз и с разной силой, это было не только неприятно, но и больно и совсем мне не нравилось. Даже несмотря на то, что я удостоился такого внимания и от высших албанских руководителей – Энвера Ходжи и Мехмета Шеху.

Албанская народная армия и флот создавались практически с нуля. Надо было формировать новые части и рода войск, строить военную инфраструктуру, укреплять оборону береговой линии, обучать армейские кадры. Отцу приходилось вникать и в вопросы организации военно-морского флота. Судя по тому, насколько

увеличилось за годы нашего пребывания в Албании количество советских военных специалистов, работа продвигалась во всех направлениях.

О том, что советская колония в Тиране быстро росла, я могу судить по нашей школе: когда мы уезжали в Москву, в ней училось уже много детей, было несколько классов и преподавателей.

В Тиране открылся советский клуб. В нем проходили встречи с нашими деятелями искусства, среди которых были народный артист СССР Борис Андреев и Зинаида Кириенко, ансамбль песни и пляски Черноморского флота, музыканты, коллективы из разных регионов Советского Союза. В клубе демонстрировали советские фильмы, организовывались выставки. Интерес к нашей стране был, без преувеличения, очень большой.

Да и добираться из нашей страны в Албанию стало проще. Заработала регулярная авиалиния. Перелет на двухмоторном винтовом самолете Ил-14 был долгим, со всеми остановками по маршруту: Москва – Киев – Львов – Будапешт – Белград – Тирана. Но это было лучше, чем шесть суток морем.

Почему военное сотрудничество с Албанией было для СССР важным в тот исторический период? Я не буду останавливаться на политических аспектах взаимоотношений между двумя странами, а коснусь лишь некоторых вопросов экономической и военной помощи. Последнее становилось в 50-е годы все более актуальным в связи с созданием военного блока НАТО во главе с США. Советское политическое и военное руководство хорошо понимало стратегическое значение Албании как союзного государства для создания здесь базы нашего военно-морского флота. Необходимость в этом была обусловлена резко возросшей активностью американского флота в районе Средиземного моря. Этот регион стал одним из тех, где «холодная война» ощущалась все сильнее. Для противодействия угрозе социалистическому лагерю с этого направления советский военно-морской флот остро нуждался в береговой структуре, позволявшей обеспечивать постоянное присутствие. Албания являлась идеальным местом для выполнения этой задачи. Это был настоящий форпост социализма на Адриатике.

Уже в период пребывания отца в Албании развернулась работа по созданию базы подводных лодок во Влере. Советское военное командование полагало, что наличие подводного флота, имеющего прямой выход в Средиземноморье, будет лучшим ответом американцам.

В эти годы в Албанию неоднократно приходили с дружескими визитами советские военные корабли. Я помню, как

в Дуррес прибыл крейсер «Михаил Кутузов», и отец взял меня с собой, когда посещал корабль. Это было, как выяснилось, знаменательное решение для меня и несколько опрометчивое для отца. Мои романтические мечты о море приобрели конкретные очертания грозного и красивого военного судна.

С той минуты, когда мы поднялись по трапу на палубу, моей радости не было предела. Мне разрешили потрогать огромные орудия, матросы провели меня по разным закоулкам и трюмам, показали свои кубрики, покормили в матросской столовой. На прощание мне подарили тельняшку, воротник с тремя белыми полосками на синем фоне и бескозырку с надписью «Черноморский флот». Надо ли говорить, что увести меня с корабля было невозможно. Я просил оставить меня хотя бы еще на денек, обнимал со слезами на глазах моряков, а не ожидавший такой реакции отец в растерянности произнес: «Шайтан побери!» и как мог уговаривал меня. С тех пор я решил, что буду только военным моряком!

Большая работа, которую проделали советские дипломаты и военные специалисты при активном участии моего отца, способствовала тому, что Народная Республика Албания стала членом Организации Варшавского договора – военного союза европейских социалистических стран. Членство в этом союзе для Албании являлось жизненно важным, а процесс военного сотрудничества СССР и НРА приобрел четкие договорные рамки.

Отец работал в Албании в тесном контакте с советским посольством и другими советскими организациями. У него сложились хорошие уважительные отношения с послом Климентом Даниловичем Левычкиным и торгпредом Федором Дмитриевичем Горшуновым. Каждый из них был большим профессионалом в своей области. Отец поддерживал дружеские связи с этими людьми на протяжении всех последующих лет своей жизни, они бывали в нашем доме в Москве со своими семьями.

Может быть, такое нормальное рабочее сотрудничество и человеческие отношения этих людей покажутся кому-то с позиций нынешних дней неправдоподобными, идиллическими, но это было именно так. Они были единомышленниками, отстаивали интересы нашей страны, стремились к установлению доверительных и прочных отношений между Советским Союзом и Албанией. Возможно, отцу везло на умных и порядочных людей, но и сам он был яркой личностью, человеком, который вызывал уважение и был интересен не только своими прошлыми заслугами, но и ответственным отношением к делу, способностью дипломатично решать вопросы, умением хорошо разбираться в

людях.

О признании большого вклада отца в советско-албанские отношения свидетельствует награждение его высшей наградой этой страны – орденом Скандербека – и приглашение на отдых, полученное в 1958 г., который мы провели втроем – отец, моя мама и я. Мы вновь совершили морское путешествие из Одессы в Дуррес, а возвращались домой прямым рейсом на только что появившемся на зарубежных авиалиниях Ту-104. Казалось, что отношения между СССР и Албанией развиваются и крепнут.

Во время этой поездки отец в последний раз встретился с Бекиром Балуку. Больше им увидеться не довелось. Спустя несколько лет в нашей московской квартире раздался телефонный звонок. По словам моей сестры Иры, мужской голос просил позвать к телефону Сашу, но отца не было дома. Ира приезжала в Албанию и была знакома с Бекиром. Ей показалось, что она узнала его голос, по-видимому, он находился проездом в Москве.

К большому сожалению, усилия советских советников и дипломатов по укреплению всесторонних связей с Албанией вскоре были разрушены. В начале 60-х годов усилились идеологические разногласия между КПСС и АПТ, последовали взаимные демарши, посыпались претензии и резкие высказывания в адрес руководителей дружественной страны, особенно со стороны острого на язык Н.С. Хрущева. Албанское руководство требовало от СССР новых кредитов, а в ответ они услышали обвинения в иждивенческом отношении к советской помощи. Безусловно, в этом была большая доля правды. Но восприняты эти замечания были крайне болезненно, поскольку высказывались в унизительной, по мнению албанской стороны, форме. Не терявшие времени даром албанские лидеры нашли себе нового политического союзника и спонсора в лице КНР.

Еще можно было пойти на взаимные уступки, сгладить противоречия, довести до конца начатые совместные проекты в экономике и в военной сфере. Однако личные амбиции руководителей обеих стран, пренебрежительное и высокомерное отношение Н.С. Хрущева к нуждам и интересам маленькой балканской страны взяли верх. Уже в декабре 1961 г. Албания разорвала дипломатические отношения с нашей страной. Многолетние усилия тысяч советских и албанских людей на благо обеих стран и всего социалистического лагеря были перечеркнуты, а сотни миллионов рублей из бюджета нашей страны потрачены впустую. Наступил период многолетнего охлаждения отношений между нашими странами.

Непродуманные шаги и шарахания Н.С. Хрущева как во

внутренней, так и во внешней политике привели вскоре весь мир на грань ядерной войны. Что там думать о какой-то Албании! Не хотят албанцы и кое-кто еще следовать нашим курсом? Не надо! У нас появился новый друг – Куба. Вот с ее помощью мы уж покажем американцам «кузькину мать»! И показали, да так, что лишь с огромным трудом в ноябре 1962 года удалось в последний момент предотвратить третью мировую войну.

Что касается Албании, то за многократную смену политической ориентации – от дружбы с СССР к разрыву и переходу к сотрудничеству с КНР, а затем от разрыва с КНР к новому курсу – стране пришлось заплатить немалую цену. По Албании прокатилась волна репрессий, в ходе которой были истреблены многие партийные и военные руководители. Отцу стало известно, что в середине 70-х годов был расстрелян его товарищ и соратник, большой друг Советского Союза, патриот своей страны министр обороны Бекир Балуку.

Для моего отца албанский период остался незабываемой страницей его военной биографии, он навсегда сохранил добрую память о достойных, честных людях, с которыми его свела там судьба.

Новые времена

В конце 1956 года отец был назначен на должность заместителя командующего Северным военным округом и выехал в г. Петрозаводск, где находилось управление округа.

Как это бывало и раньше, отец приехал на место службы вначале один. Он сразу включился в работу и уже через несколько дней отправился в служебную командировку в северные районы Карелии и на Кольский полуостров. Вскоре в Петрозаводск из Москвы приехали моя мама и я. К этому времени отцу выделили небольшую квартиру в пятиэтажном доме на проспекте Ленина. Напротив нашего дома находился кинотеатр, и поэтому в этой части проспекта было всегда оживленно. Широкая и красивая улица, как мне тогда казалось, невероятно длинная, вела от железнодорожного вокзала вниз, прямо к берегу Онежского озера.

Военная служба на севере – это серьезное испытание. Работать приходилось в условиях сурового климата, а кроме того, служебные обязанности требовали постоянных поездок в ближние и дальние гарнизоны, необходимо было преодолевать большие расстояния, ведь части округа были расположены на огромной территории от Ладожского озера до берегов Баренцева и Белого морей.

Такой ритм армейской жизни был отцу хорошо знаком еще по службе в Восточно-Сибирском военном округе. И вот вновь, как несколько лет тому назад, одним из главных предметов в нашем доме стал «тревожный чемоданчик». Командировки отца стали более частыми. Это было вызвано тем, что в те годы проходило перевооружение армии на новые виды военной техники, и работы в войсках у командования округа стало больше.

Служба и жизнь на севере, особенно в первую зиму, дались моим родителям нелегко. Ведь три года перед приездом в Петрозаводск они провели в теплом климате Албании, где отцу, как и везде, приходилось очень напряженно работать. Подобные резкие перемены условий жизни и работы не даются легко. Но такова офицерская судьба, и отец, а с ним и мама всегда были готовы к любым ее поворотам. Достойно переносить трудности работы на новом месте отцу помогала конечно же крепкая уральская закалка, полученная в молодости, и сильный целеустремленный характер человека, не привыкшего отступать ни при каких обстоятельствах.

Для того чтобы научить личный состав в совершенстве владеть современным оружием, от командиров всех уровней требовалось самим как можно быстрее овладеть новыми

знаниями, и отец вновь напряженно учился сам и учил своих подчиненных. Для него всегда существовал только один критерий в освоении военной науки – в совершенстве владеть своей профессией. Того же он добивался и от своих подчиненных.

Его время было спрессовано в непрерывную череду тактических учений, стрельб, инспекторских проверок и напряженной штабной работы. Генерал Родимцев учил своих подчиненных, опираясь на свой большой боевой опыт и знание военного дела. Для него, прошедшего все ступени военной службы – от рядового солдата до генерал-лейтенанта, – не существовало белых пятен в вопросах подготовки и организации войск.

Как известно, в этот период в нашей стране проходили испытания ядерного оружия. Об одном из них, на котором он присутствовал, отец мне рассказал через много лет, когда я уже стал взрослым. Он запомнил этот день в подробностях на всю жизнь.

Группа высокопоставленных военных, в которой находился и мой отец, прибыла на полигон для наблюдения за испытанием атомной бомбы. На безопасном расстоянии от эпицентра взрыва было сооружено небольшое возвышение из деревянных конструкций. На него поднялись все наблюдатели. В назначенное время произошел взрыв. Завершив визуальное наблюдение, вся группа спустилась на землю и направилась в сторону ожидавшего транспорта, чтобы покинуть полигон. Неожиданно прозвучала команда тревоги и требование лечь на землю. Как рассказывал отец, оглянувшись, он увидел тучу пыли, которая быстро надвигалась на них. Это шла ударная волна. И хотя она была уже на исходе, все равно оказалась далеко не безобидной. Через несколько секунд мощный порыв ветра сбил с ног всех присутствующих. Лежа на земле, отец вдруг почувствовал, что у него перехватило дыхание. Он глотал воздух, но его не хватало, а рот только сильнее забивался песком и пылью. Положение становилось серьезным. Об этих минутах отец вспоминал так: «Лежу и думаю: шайтан побери, если ударит еще раз, то не знаю, что со мной будет». Примерно так же думали, наверное, в тот момент и многие другие, попавшие в эту нешуточную переделку. Наконец ветер стих. Кое-как отдышавшись, все начали подниматься, многие оказались без головных уборов, которые куда-то унесло, кто-то сильно ударился, неудачно упав, вокруг валялись сломанные ветки и другой мусор. Люди из персонала полигона спешно увели всех в укрытие, опасаясь повторной волны. Известно, что в период испытаний ракетно-ядерного оружия произошло немало трагических аварий. На этот раз, к

счастью, никто не пострадал. Видимо, те, кто определял безопасную зону, ошиблись. Хорошо, что не сильно.

А что касается впечатления от увиденного, то из его рассказа мне стало ясно: даже таким людям, как мой отец, который прошел три войны и много повидал на своем веку, было тяжело осознавать, что существует оружие такой страшной разрушительной силы.

Помимо напряженной военной службы отец принимал активное участие в общественной жизни Карелии и города Петрозаводска. Он избирался депутатом Верховного Совета Карельской АССР, часто выступал перед общественностью и молодежью города. Мне кажется, что из всех аудиторий он больше всего любил молодежную – курсантскую, студенческую, школьную. Надо сказать, что и молодые люди отвечали ему тем же, на этих встречах была всегда атмосфера искреннего интереса и теплоты. После таких встреч отец возвращался домой в приподнятом настроении и любил рассказывать о своих впечатлениях.

Иногда подобные встречи имели свое продолжение, но уже не в официальной обстановке, а у нас в доме. Бывало, что молодые люди приходили целыми группами, не хватало мест, и молодежь сидела прямо на полу, но это не мешало беседовать порой до позднего вечера, и трудно сказать, кто больше был рад такому общению. Мне кажется, что всем было интересно, и время пролетало незаметно.

Отец не забывал интересоваться результатами моей учебы и особенно настаивал на том, чтобы я хорошо учил иностранный язык. Следуя совету отца, я много занимался английским. Но, конечно, не только иностранный язык отец считал важным предметом. Он старался дать нам, его детям, хорошее образование, а во время встреч с молодежью обязательно говорил: «Учитесь, друзья!»

После окончания мною седьмого класса в Петрозаводске у меня произошел первый серьезный разговор с родителями о моем будущем. Со дня моего близкого знакомства с моряками и кораблями во время пребывания в Албании моей мечтой было стать военным моряком. Когда мы с мамой ездили на экскурсию в Ленинград, остановившись, кстати, у моей учительницы из советской школы в Тиране, коренной ленинградке, с которой моя мама переписывалась, то я каждый день приходил к зданию Нахимовского училища, не в силах оторвать глаз от нахимовцев. Я объявил родителям, что хочу поступить в это училище. Поначалу они думали, что это детская романтика, которая скоро пройдет. Но я становился все настойчивее, и, поняв, что я могу

наделать глупостей, отец решил со мной поговорить. Он похвалил меня за то, что я так стремлюсь к своей мечте, но затем сказал, что для этого мне не нужно идти в Нахимовское. Он стал объяснять мне, что Суворовские и Нахимовские училища созданы прежде всего для обучения детей, у которых нет отцов или вообще родителей, для ребят из неблагополучных семей и тому подобное. А я живу в полноценной семье, имею возможность закончить школу, после чего, если я не передумаю, можно попробовать поступить в военно-морское училище. Отец приводил еще и другие аргументы, среди которых были очень серьезные, но были, об этом я догадался намного позже, и подсказанные мамой, явно не хотевшей отпустить меня так рано из семьи. Нахимовцы так и остались в детских мечтах.

Моим воспитанием занималась в основном мама. При том рабочем режиме, который был у отца, это естественно. Однажды я ее очень сильно разгневал. Как-то зимой я очень долго не возвращался домой со двора, заигрался с друзьями. Когда я вернулся весь в снегу, промокший, с холодными, как лед, ногами и руками, мама принялась меня здорово отчитывать. Ее можно было понять, я только что пролежал три недели дома с тяжелой ангиной, не ходил в школу, и явился в таком виде, к тому же поздно, и уроки еще не выучены. Чувствую, может мне крепко влететь, и было за что. Услышав шум, в прихожую вышел отец. Мама схватила заготовленный, видимо, заранее отцовский ремень и подошла ко мне. Меня, конечно, наказывали порой за мелкие проступки, но ремешок при этом вспоминался для острастки, поскольку до взбучки в нашей семье по отношению к детям никогда не доходило. Отец прижал меня к себе и со смехом, чтобы разрядить обстановку, стал вместе со мной отворачиваться от мамы, якобы не давая ей применить орудие наказания. Так мы покрутились несколько минут, пока мама, которая, как я теперь понимаю, не столько хотела меня наказать, сколько переживала за мое здоровье, успокоилась, посмеялась, глядя на нас с отцом, и ушла на кухню, а папа отвел меня в ванную отогреваться в горячей воде.

Именно в этот период, когда, казалось, свободного времени у отца не оставалось вовсе, он как-то неожиданно и в то же время естественно для себя начал работать над воспоминаниями о войне. Поначалу это не были мемуары, а скорее зарисовки фронтовой жизни и отдельных эпизодов боев, воспоминания о боевых друзьях и однополчанах.

Первые рассказы и воспоминания, написанные отцом, были опубликованы в Петрозаводске в республиканской прессе.

Название его первых литературных публикаций говорит само за себя: «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах…». Эта тема, которая вобрала в себя трудные километры фронтовых дорог, боль потерь, солдатские судьбы, станет главной в его дальнейшей литературной деятельности.

Им будет написано семь книг, он примет участие в написании нескольких киносценариев, по которым будут сняты художественные и документальные фильмы о войне, одна из его книг будет переведена на испанский язык, но начало большой писательской работы, увлекательной для него самого и интересной уже нескольким поколениям людей в нашей стране, совпало именно с петрозаводским периодом его жизни.

Когда предоставлялась возможность отдыха, отец старался провести свободное время на природе. Больше всего он любил побродить по лесу. И хотя он вырос в Оренбуржье, в краю преимущественно степном, он очень любил лес, хорошо ориентировался в нем. Карельские леса с их изобильными ягодными и грибными местами были настоящей находкой для любителей сбора этих даров природы. Отцовское увлечение собиранием грибов передалось и мне. Мы приезжали в лес обычно небольшой группой, и постепенно начиналось заочное соревнование, кто быстрее найдет изобильные места, кто соберет больше. Я до сих пор не могу понять причину, но как-то так получалось, что у отца лесные трофеи всегда были самыми внушительными.

Ну а какая жизнь в Карелии без зимнего спорта! Зимой в Петрозаводске часто проходили лыжные соревнования среди военнослужащих СВО. Хотя лыжная подготовка отца оставляла желать лучшего, поскольку заниматься этим ему приходилось очень редко, в отличие, например, от верховой езды, он принимал участие в этих мероприятиях, но, разумеется, не для того, чтобы конкурировать с молодежью, а с целью личного примера и ради удовольствия.

Быстро пролетели три года жизни и напряженной армейской службы на Карельской земле. Наступил 1960 год. В Вооруженных силах продолжались преобразования, связанные, в частности, с масштабным сокращением армии, предпринятым в конце 50-х годов по инициативе Н.С. Хрущева. В марте 1960 года СВО был расформирован. Войска были переданы в состав других военных округов.

Надо было снова собираться в дорогу, к новому месту службы. К тому моменту отец проработал в Сибири и на севере шесть лет из последних десяти лет службы. Впервые в жизни он обратился к командованию с просьбой направить его для

дальнейшего прохождения службы в регион с умеренным климатом в связи со здоровьем жены и рекомендациями врачей. Просьба отца была удовлетворена – он был переведен на Украину, на должность командующего и члена ВС 1-й армии Киевского военного округа. Отцу предлагали несколько вариантов продолжения службы, в том числе на высокой должности в центральном аппарате Министерства обороны, однако он хотел самостоятельной работы, и это стремление перевесило возможность карьерного роста.

Штаб армии находился в небольшом, но очень красивом старинном городе Чернигове. Летом 1960 года мои родители и я вместе с ними переехали на новое место. Мне предстояло начать учиться уже в седьмой по счету школе. Такая частая перемена мест учебы не очень способствовала моей успеваемости, но зато у меня на всю жизнь осталась масса впечатлений от пребывания в этих столь разных краях, городах и странах.

Вскоре в жизни отца произошло большое событие: он был представлен к очередному воинскому званию – генерал-полковника, которое было присвоено ему в очередную годовщину Победы 9 мая 1961 года. На первый взгляд в этом событии нет ничего необычного, однако оно было очень примечательным и важным в военной биографии моего отца. Дело в том, что это первое повышение в звании, полученное им после Великой Отечественной войны, которую он окончил в звании генерал-лейтенанта, получив его в 1944 году.

Этот факт красноречиво свидетельствует о том, насколько непросто складывалась судьба у некоторых советских военачальников в послевоенные годы, особенно у тех, кто приобрел широкую известность в годы войны. Вот почему первое послевоенное повышение в звании отец воспринял с воодушевлением. Он заслужил его не в высоких кабинетах, а далеко от Москвы. Там, куда забрасывала его армейская судьба и где он всегда находил в себе силы быть нужным армии и людям, которые его окружали.

Тема сравнительно позднего получения отцом очередного воинского звания у нас в семье не обсуждалась, но я знаю, что многие люди, прошедшие с отцом войну, служившие с ним в мирное время, и даже гражданские лица с высоким общественным положением считали, что служебный рост генерала Родимцева искусственно сдерживался. В качестве причины высказывались самые разные предположения: ранняя слава, которая обрушилась на отца после возвращения из Испании и присвоения ему в числе первых звания Героя

Советского Союза, и еще большая его известность в стране в ходе Сталинградской битвы, вызывавшие ревность и неприязнь в армейских верхах; его принципиальность и абсолютное неприятие всяческих интриг и использования в личных целях знакомств со многими людьми из высшего армейского и партийного руководства страны. Те, кто лучше знал отца, считали, что причиной могли послужить его неуступчивость и жесткость суждений и оценок в отношении отдельных лиц и событий. Были и такие, кто считал, что как раз близость отца к некоторым представителям высшего командования сослужила ему плохую службу в годы больших перестановок в армейских кругах.

Так или иначе вся эта история со званием не отразилась ни на характере отца, ни на его отношениях с теми, кого он ценил и уважал. Что касается его уровня подготовки и отношения к своим обязанностям, то в решениях аттестационных комиссий на всех этапах его армейской службы указывается на его соответствие занимаемым должностям и возможности повышения по службе. Отмечу лишь, что в тот период случались неожиданные взлеты и падения в среде высшего армейского руководства, которые хорошо известны.

Генерал Родимцев достойно прошел свой путь в 50-е годы прошлого века – полные бурных событий во внутриполитической и общественной жизни нашей страны и в ряде других социалистических стран. Не запятнав мундира. Не уронив офицерской чести. Не изменив фронтовому товариществу и своим убеждениям.

В период работы на Украине отец часто выезжал по служебным дела в Киев и в соседние с Черниговом области – Сумскую, Полтавскую. Пребывание в этих местах, связанных с событиями осени 1941 года, придало новый импульс его желанию написать воспоминания о сражениях, которые вела в первый год войны 5-я воздушно-десантная бригада, о ее бойцах и командирах. Значительную часть своего свободного времени отец проводил в местах боев, пытаясь восстановить в памяти подробности тех дней, разыскивал бывших однополчан. Результатом его усилий стала вышедшая в киевском издательстве в 1966 году книга «Твои, отечество, сыновья», почти целиком посвященная событиям 1941 – лета 1942 года, в которых участвовали воздушно-десантники, ставшие в боях гвардейцами.

А годом раньше была издана его повесть о юной разведчице Марии Боровиченко, воевавшей в 13-й гвардейской. Отец неоднократно встречался со съемочной группой фильма «Нет неизвестных солдат», созданного на основе этой книги. Благодаря

его усилиям Марии было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Я вспоминаю о том, какими теплыми и запоминающимися были встречи моего отца со студентами Киевского сельхозинститута, того самого, за который его бойцы дрались с фашистами в сорок первом. Бывая в Киеве, отец часто встречался со своим бывшим подчиненным, воевавшим в составе 5-й воздушно-десантной бригады, Митрофаном Васильевичем Пасечником, ставшим после войны ученым-ядерщиком, академиком, директором Института физики АН УССР. Пасечник пригласил отца встретиться с коллективом института. Как рассказывал отец, он не ожидал, что на встречу с ним придет чуть ли не весь коллектив. Он говорил, что никогда не встречал в одном месте такого количества людей, так хорошо знавших его биографию и так живо интересовавшихся различными подробностями. Он даже сказал Пасечнику после встречи: «Это ты, наверное, шайтан побери, велел расспрашивать меня столько времени. Исключительно умный народ!»

Имя генерала Родимцева хорошо знали жители многих украинских городов. Отца часто приглашали на встречи с военнослужащими, молодежью, общественностью, ветеранами. Он никогда никому не отказывал, если только позволяло здоровье, хотя такие встречи всегда были эмоциональными: вспоминались горечи неудач, фронтовые товарищи, не дожившие до победы, тяжелые испытания и жертвы. Отец считал, что он не умеет красиво говорить, но я могу свидетельствовать, что слушали его с огромным интересом – вызывали уважение личность человека, его открытость и простота общения.

В 1963 году я уехал из Чернигова в Москву поступать в институт. Я уезжал из этого города с грустью, расставаясь со своими одноклассниками, среди которых я обрел много настоящих друзей. На протяжении всех последующих лет я поддерживал с ними связь, а летом 2013 года приехал в Чернигов, чтобы отметить вместе с ними и с нашей классной руководительницей полвека со дня окончания школы.

Все мы, дети Родимцева – сестры Ира и Наташа со своими мужьями и я, – жили вместе в одной квартире до тех пор, пока через три года родители не переехали в Москву в связи с переводом отца в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны. С этого момента с родителями остался жить только я, а вскоре в нашу семью пришла моя жена Ира.

С середины 60-х годов и до конца жизни отец продолжал активно трудиться над своими воспоминаниями. В 1968 году увидела свет книга «Под небом Испании», ставшая одной из

первых, написанных советским участником гражданской войны в этой стране, а через год – «Гвардейцы стояли насмерть», посвященная Сталинградской битве.

В составе делегаций Министерства обороны отец побывал в Чехословакии, Венгрии, ГДР. Особенно волнительной для него оказалась поездка в Германию. До последнего момента он колебался – ехать или нет. Слишком памятны были ему звуки немецкой речи, следы преступлений фашистов на нашей земле, вид немецких солдат и офицеров, вызывавших тяжелые ассоциации. Но он преодолел сомнения и побывал в этой стране. Самым запоминающимся и эмоциональным стало посещение Дрездена, восстановленного, разительно отличавшегося от того, что он увидел в мае сорок пятого. А еще Эльба, стоя на берегу которой он вспоминал, как на этом самом месте в те далекие дни перед его мысленным взором проносился весь путь, который им пришлось пройти…

В июле 1966 года в Москве в Центральном доме кино был организован торжественный вечер по случаю 30-летия начала гражданской войны в Испании. В этот день у отца состоялась самая долгожданная и вместе с тем неожиданная встреча – пройдя за кулисы, он увидел, как навстречу ему идет… Энрике Листер!

– О, Павлито! – сразу узнал друга Листер и горячо обнял его.

И уж совсем неожиданным для Родимцева было увидеть на этой встрече Альвареса Сантьяго – комиссара дивизии Листера. Он ведь знал, что Сантьяго был арестован и брошен в тюрьму.

Через несколько дней они встретились у Листера и долго беседовали, вспоминали павших и живых товарищей, огненные дни и ночи Испании. Листер познакомил Родимцева со своей женой и сыновьями, которые признались, что давно хотели увидеть человека, о котором так много рассказывал им отец. А Сантьяго поведал свою историю о том, как он бежал с помощью друзей из франкистских застенков.

С Испанией в сердце прожил свою жизнь воин-интернационалист Александр Родимцев, твердо веривший, что день, когда эта страна сбросит фашистскую диктатуру, обязательно придет.

В октябре 1967 года отец принимал участие в открытии памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы в Волгограде. По словам отца, когда он впервые увидел проект памятника, тот ему не понравился. Не столько с эстетической точки зрения, сколько с содержательной и мемориальной. Его взгляд на этот вопрос был примерно следующим. Он считал, что в концепции памятника должна была присутствовать историческая

составляющая в виде сохраненных следов боев – блиндажей, ходов сообщения, укреплений, возможно, и подбитой техники. Разумеется, это следовало сделать с учетом сохранности в течение многих лет, но главное – сохранить для будущих поколений хотя бы несколько фрагментов подлинной картины грандиозного сражения. Так, например, поступили с разрушенной мельницей, оставив ее невосстановленной, у берега Волги в память о битве за город. Кстати, именно в здании этой мельницы на третьем этаже находился наблюдательный пункт комдива Родимцева. То, что весь курган залили бетоном, ему было не по душе, хотя он прекрасно понимал всю символику главной скульптуры памятника «Родина-мать» и обобщенные образы в других фрагментах ансамбля.

Отец рассказывал мне про одну забавную сценку, которая произошла на главной трибуне, где в день торжественного открытия мемориала находились руководители партии и правительства во главе с Л.И. Брежневым, министр обороны и большое количество высших военных чинов. Отец стоял на трибуне в одном из первых рядов, как вдруг его стал активно оттеснять и закрыл своей фигурой один известный маршал авиации, с которым отец был хорошо знаком. В ответ на такое не очень вежливое поведение отец, обратившись к нему, шутливо заметил: «Вот если бы ты меня так в Сталинграде прикрыл, как сейчас!» Авиатор обернулся, узнал отца, оценил его шутку и подвинулся, давая ему возможность встать рядом.

В послевоенные годы отец четыре раза приезжал на родину – в Шарлык. В свой приезд в 1947 г. он подарил колхозу им. Калинина Шарлыцкого района грузовой автомобиль, который в те годы для хлеборобов был большим подспорьем. Он побывал во многих селах, беседовал с колхозниками, интересовался результатами их работы и бытом. Связь с земляками он не прерывал даже в годы войны, а они слали в его дивизию, в Сталинград, теплую одежду и продовольствие. Отец говорил, что таких теплых полушубков, рукавиц и валенок, как в его дивизии, ни у кого в Сталинграде не было.

До последних дней отец не прекращал участвовать в различных мероприятиях, встречаясь с самыми разными аудиториями. Но, конечно, самыми дорогими для него были встречи со своими однополчанами – бойцами и командирами в Москве, Волгограде, Киеве и в других местах.

Об одной из таких памятных встреч отец в своих воспоминаниях писал: «Мы, ветераны, ежегодно 2 февраля съезжаемся сюда, в Волгоград… Вот и сейчас мы собрались у мельницы. Она такая же, какую мы оставили, покидая Сталинград

четверть века тому назад. И хорошо, что она осталась в прежнем виде; пусть напоминает о том, что несла с собой война. Как всегда, первым мы встретили нашего седоусого друга Василия Сергеевича Глущенко, защитника «Дома Павлова», ветерана трех войн… Говорит Илья Васильевич Воронов: «Многовато железа вколотили в меня гитлеровцы. Спасибо врачам – спасли, хотя и сами не верили, что выживу».

Якова Федотовича Павлова мы называем по-сталинградски «гвардии сержантом». Его след затерялся по госпиталям и фронтам. Простой советский человек, он не придавал особого значения своему подвигу и скромно продолжал выполнять свой долг. Только в конце войны удалось разыскать героя Сталинграда, и в апреле 1945 года ему присвоили звание Героя Советского Союза. Под руку с Зиной, той самой, что родилась в «Доме Павлова», подходит Иван Филиппович Афанасьев, бывший начальник гарнизона этого дома. Трагичной была судьба этого человека. После тяжелых ранений Афанасьев ослеп на целых двенадцать лет. Профессор Волгоградского мединститута Водовозов вернул ему зрение…

Сзади слышен знакомый голос: «Наконец-то догнал!» Командир передового отряда гвардии старший лейтенант Захар Петрович Червяков, как и всегда, весел и жизнерадостен. Почти двадцать лет мы ничего не слыхали о нем. И вдруг его письмо: «… После ранения на привокзальной площади я был на излечении. Выздоровев, вновь командовал батальоном, опять первым, в 26-й стрелковой бригаде. В октябре 1953 года демобилизовался… Живу и работаю в Харькове». Скупые строки, скромные слова. А ведь этот человек под сплошным огнем врага первым переправился через Волгу и первым вступил в бой, который со временем вылился в наступление дивизии, армии, фронта, в то, к чему стремился и во что верил Захар Червяков, – в победу. Воспитанный им батальон на две недели сковал столько сил противника, уничтожил столько его живой силы и техники, что сорвал планы Паулюса захватить центральную часть города и пробиться к Волге».

К отцу приезжали в гости со всех концов Советского Союза. В квартире на Ленинском проспекте побывали, без преувеличения, сотни людей, желавших просто увидеть своего командира, которого они помнили и любили так же, как и он их. Почтальоны приносили пачки писем, а я часто ходил на почту за посылками – из Сибири, Карелии, с Урала и Украины, из Волгограда, Оренбурга, Шарлыка, Средней Азии. Ветераны, а иногда их дети или родственники слали генералу Родимцеву, а порой приносили прямо домой, бывая проездом в Москве, варенья и соленья,

фрукты и мед, рыбу и сало, теплые вещи, связанные своими руками, книги и фотографии.

Отец старался отвечать на письма и знаки внимания, как мог. Но он сполна воздал всем однополчанам своими книгами, героями которых были именно они, участием в решении их жизненных проблем, восстановлением честного имени, получением ими заслуженных наград, не дошедших до своих владельцев в суматохе войны, своими усилиями по увековечиванию памяти героев и прославленного имени 13-й гвардейской и других соединений, которыми он командовал, скрепив все это крепкими солдатскими объятиями в дни встреч на местах былых сражений.

Память

Отца не стало 13 апреля 1977 года. В течение нескольких следующих дней в нашей семье решался вопрос о месте захоронения. Представитель Минобороны сообщил нам, что есть предложение похоронить Александра Ильича Родимцева на Мамаевом кургане в Волгограде, которое поддерживают городские власти и многие ветераны. Во время обсуждения этого вопроса с мамой я понял, что, хотя она и понимает, что у такого решения есть резон и к памяти отца проявлено большое уважение со стороны военного ведомства и волгоградцев, она хочет, чтобы отца похоронили в Москве. Она сказала: «Как же я буду к нему ездить, если он будет там, ведь это далеко…»

Мне кажется, что отец ушел из жизни слишком рано. Но, как видно, ничто не проходит бесследно. Хранимый Богом в невероятных ситуациях, сотни раз рисковавший жизнью, он вернулся со всех войн невредимым. Но невидимый молох войны не останавливается и в мирное время. Слишком много человеческого ресурса, отпущенного ему, было отдано годам войны.

Похоронили отца на Новодевичьем кладбище. Мама пережила его на шестнадцать лет, и все эти годы каждый месяц, а иногда чаще я приезжал с ней к Москва-реке, за стены Новодевичьего монастыря, на могилу к отцу. И душа ее была спокойна. Я понимал, что поступить иначе в те дни, когда решался вопрос, где будет его могила, она не могла.

Но наша семья отблагодарила за память о генерале Родимцеве и главный город в его воинской биографии – Волгоград. Все награды отца переданы в Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Я признателен сотрудникам музея за то, что они не лежат в запасниках, а выложены для обозрения в одном из центральных залов. Интересно, как по-разному воспринимают награды отца представители нынешнего поколения, обращая внимание на интересующие их детали. Заведующая отделом музея С.А. Аргасцева в своей статье об А.И. Родимцеве в сборнике «Полководцы Сталинградской битвы» пишет: «В наше время в музее-панораме «Сталинградская битва» сегодняшние десантники с особым почтением выделяют из всех наград полководца знак инструктора-парашютиста (225 прыжков с парашютом), понимая, какой риск и труд за этим стоит». И это при том, что в витрине лежат две Звезды Героя Советского Союза! Значит, в каждой даже не очень броской на первый взгляд награде те, кто понимает,

могут разглядеть героизм.

Поэт Александр Афанасьев написал стихотворение на смерть генерала Родимцева, в котором есть такие строки о его вечной связи с непокоренным Сталинградом:

Но другая земля генерала зовет,
И ему нескончаемо помнится, снится,
Как над огненной Волгой в разрывах встает,
Покачнувши кресты самолетов, зарница.
Как восходят солдаты его к рубежам,
Где и смерть, и бессмертие – кровные сестры,
Где Мамаев курган, правосудье верша,
Поднимает железом искромсанный остов.
Генерал, этот город в тебе и с тобой,
Гимнастерки от пота и крови наволгли,
Но последние роты встают – и собой
Заслоняют страну и горящую Волгу.
Под огнем непреклоннее камня стоят,
Не уронят меча. Не опустят забрала.
Нет за Волгой ни пяди земли для солдат,
Нет за Волгой земли и для их генерала.

Память о генерале Родимцеве живет и в нашей стране, и за рубежом. Он почетный гражданин Волгограда, Полтавы, чешского города Литомиржице. Его именем названы улицы, школы, музеи, установлены памятники, стелы в Шарлыке, Оренбурге, Волгограде, Москве, Курске, Киеве, Чернигове, Черемисинове, в других городах и поселках России, которые освобождали гвардейцы Родимцева. В 1978 г. из Николаева вышел в плавание большой рыболовный траулер «Генерал Родимцев», который провожали в путь ветераны 13-й гв. дивизии и мы – его дети. Вместе с первым капитаном Юрием Прутковым я поднял флаг корабля. А через полгода вместе с сестрой Наташей я приехал в Мурманск в разгар заполярной зимы встречать рыбаков из первого рейса. Это удивительное чувство – видеть, как к причалу медленно подходит корабль с именем отца на борту.

На первую годовщину со дня кончины отца в нашу семью пришел, чтобы вместе помянуть и вспомнить о нем, Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков, прославленный командарм легендарной 62-й армии, в рядах которой сражалась в Сталинграде 13-я гвардейская дивизия.

После кончины моего отца В.И. Чуйков написал о нем очень емкие и искренние слова, вспомнив при этом не только комдива Родимцева, но и его гвардейцев:

«Когда меня просят рассказать о Сталинградской битве, в памяти часто всплывают кадры военной кинохроники – приезд в Москву Уинстона Черчилля. Это было вскоре после разгрома гитлеровцев на берегах Волги.

Впившись удивленно растерянным взглядом в подтянутых русоволосых солдат, обходит строй почетного караула британский премьер. “В чем сила этих людей? Смертны ли они?” – мечутся вопросы в его глазах.

Шестой армии Паулюса потребовалось три дня для взятия Парижа. И этой же армии не хватило двух месяцев, чтобы сокрушить гарнизон одного обыкновенного четырехэтажного Дома сержанта Павлова.

Я познакомился с Александром Родимцевым 15 сентября 1942 года в Сталинграде, когда решалась судьба города. Он пробыл в Сталинграде до 2 февраля 1943 года. На левый берег не уходил и все время находился в ста-ста пятидесяти метрах от переднего края.

Родимцев был обыкновенный, как все, и чуточку необыкновенный. Добрый к друзьям, но непримиримый к врагам своего народа. Бесхитростный и смекалистый, вокруг пальца не обведешь. Простодушный, сердечный, кремень, хоть огонь высекай. Покладистый и гордый, обидишь зря – не простит. Это был самородок народный! И неудивительно, что многогранье таланта комдива засверкало в окружении таких же стойких, волевых, непреклонных ратников, как и он сам. Ведь правильно говорят, что в Сталинграде не героев не было».

Имена Чуйкова и Родимцева неотделимы в памяти народа и олицетворяют подвиг бойцов и командиров, отстоявших Сталинград. Известный журналист Максим Соколов в газете «Известия» образно заметил, что мир спасли именно солдаты Чуйкова и Родимцева в Сталинграде, а не рядовой Райан и его товарищи, хотя об этом и создан хороший фильм «Спасти рядового Райана».

На протяжении всей своей жизни я был тесно связан с военной средой, общался со множеством военных людей – от прославленных генералов до рядовых солдат. Хорошо помню, что отец подолгу находился в командировках в войсках, лишь на несколько дней приезжая домой. Но он находил время и для своих детей. Отец научил меня плавать и хорошо стрелять, обязательно заниматься спортом и больше читать. В отношениях с нами, его детьми, любил розыгрыши и сюрпризы.

Отец любил книги и постепенно собрал большую библиотеку, в которой были собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков, мемуары и историческая литература, прекрасная

подборка детско-юношеской литературы.

Мой отец никогда не ругался нецензурными словами. Те, кто был с ним на войне, рассказывали, что даже в минуты отчаяния или нервного напряжения он находил другие выражения. Самым сильным ругательным словом у отца было «разгильдяй». В его устах оно действительно звучало порой уничижительно и даже презрительно. Во всех остальных случаях ему хватало любимого выражения «шайтан побери». Те, кто знал отца, хорошо понимали значение этой поговорки, сказанной с разной интонацией.

Не только близко знавшие моего отца, но и многие однополчане и сослуживцы отмечали его чувство юмора. И в мирное время, и на войне он любил шутку, меткое слово.

Непререкаемый авторитет отца в нашей семье сосуществовал с большой ролью в ней нашей мамы Екатерины Осиповны. Она не только воспитывала своих детей, но и отдала много сил заботе о родственниках и их детях, многим из которых, выросших без родителей, она заменила мать. В том, что мы, ее дети, получили высшее образование, есть большая заслуга мамы, которая всегда была рядом, следила за тем, чтобы мы хорошо учились. На протяжении всей жизни она была настоящей женой офицера, без раздумий ехала туда, куда отправлялся служить отец. Он говорил: «Минимум половина моих наград принадлежит Катеринке».

Моя жена Ира тоже из военной семьи. Ее отец Юрий Михайлович Сервианов во время войны был командиром танковой роты, получил тяжелое ранение, стал впоследствии генерал-майором, служил в разных уголках страны, был военным советником на Кубе и в Южном Йемене.

Я могу сказать о себе, что хорошо знаю, что такое воинский труд и жизнь семьи военного, безгранично уважаю профессию офицера и считаю, что это самая трудная и ответственная мужская профессия.

Отблеск известности моего отца ложился и на нас, его детей. Я знаю немало примеров, когда дети известных родителей использовали это обстоятельство, но зачастую их судьба бывала не очень благополучной. В детстве я не пользовался никакими привилегиями, учился в обычных школах, участвовал во всех школьных делах наравне со всеми. Насколько помню, никто из одноклассников не считал меня «генеральским сынком». Так же было и в период учебы в институте.

Отец не очень любил рассказывать о войне нам – его детям. Но одну важную мысль, которую отец вынес для себя после войны в Испании, он постарался до нас донести – это необходимость учить иностранные языки. Незнание иностранного языка было

главной его проблемой в Испании. Он корил себя за то, что мало уделял этому внимания во время учебы. Это пожелание отца в моей семье выполняется. Я свободно владею английским языком, знаю немецкий. Иностранные языки стали основой моей профессии, позволили заниматься интересной работой и много бывать за рубежом. Моя дочь Таня и внук Артем, которому семнадцать лет, владеют несколькими европейскими языками.

А что касается рассказов о войне и о своих боевых товарищах, то отец все написал в своих книгах: «Под небом Испании», «Твои, отечество, сыны», «Гвардейцы стояли насмерть», «Машенька из Мышеловки», «На берегах Мансанареса и Волги», «Волонтеры свободы», «На последнем рубеже», в многочисленных статьях и интервью, на встречах с молодежью, курсантами, в других аудиториях.

Имя генерала Родимцева широко известно в нашей стране и за рубежом. Его биография и необычная судьба привлекали внимание писателей, кинематографистов, журналистов и при его жизни, и после кончины. Об отце написаны книги, его имя звучит в стихах известных советских поэтов – Долматовского, Межирова, Казаковой, Афанасьева и других. Многие факты легендарной биографии и черты характера Александра Родимцева, и даже его знаменитое «Шайтан побери!», вошли в образы героев художественных произведений: поэмы «Добровольцы» Евгения Долматовского и его песен, а также стихов и пьес Константина Симонова, романов – Михаила Шолохова «Они сражались за Родину», Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», книг Бориса Полевого, киноэпопеи «Освобождение», «Сталинград» и других.

Не остались в стороне от сохранения памяти об отце и члены нашей семьи, написав о нем книги, стихи, статьи, выпустив фотоальбомы и видеодиски, передав в различные музеи многие документы и личные вещи отца. В 2005 году на родине отце в Шарлыке и в Оренбурге торжественно отмечалось 100-летие со дня его рождения. К этой дате наша семья выпустила в свет фотопоэтический альбом, в котором собраны уникальные фотографии из жизни отца и стихи советских поэтов – участников войны и молодых, написавших о генерале Родимцеве. Я тоже, как мог, выразил в стихах свои чувства к отцу:

Я разговор, отец, наш вспоминаю,
Про то село, на стыке трех дорог,
Где ты родился, и про степь без края,
И как сказал тебе отец: «Учись, сынок!»
Ты сам не знал, что станешь генералом,

Готовился к боям, не на парад.
Испания на прочность проверяла,
«Салют! – тебе кричали. – Камарад!»
Закончена загранкомандировка,
Звезды Героя вспыхнул огонек.
И всесоюзный староста, негромко,
Сказал, вручив ее: «Гордись, сынок!»
Здесь я спросил: «Скажи, отец, а все же,
Какому дню ты в жизни больше рад?»
И он сказал, подумав: «Тот дороже,
Когда мы отстояли Сталинград».
С Мамаева кургана, не смолкая,
Неслись раскаты и горел закат.
Ты в аппарат хрипел, виски сжимая:
– Резервов больше нет. Держись, комбат!
Когда осталась за спиной лишь Волга
И до врага всего один бросок,
Ты шел окопом, повторяя только:
– Они здесь не пройдут! Огонь, сынок!
Он помнил все – друзей, войну и детство,
Промчалась жизнь и подошел ей срок.
Он подарил мне книгу, как наследство,
Сказав: «Прими от автора, сынок».
А в год столетья прадеда, смущаясь,
Мой внук пошел на первый свой урок.
Я на ступенях школьных, с ним прощаясь,
Шепнул ему завет: «Учись, сынок!»

Мои родители принадлежат к тому поколению, о котором можно сказать словами из известной песни современника и друга отца Евгения Долматовского: «Только нам по душе непокой, мы сурового времени дети». Мой отец ненавидел фашизм. Он посвятил свою жизнь беспощадной борьбе с этой чумой и вместе со своей страной одержал в ней историческую победу.

В лучшем, на мой взгляд, романе американского писателя Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», посвященном событиям гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., есть очень важные слова, которые произносит главный герой этого произведения, о том, как должно человечество относиться к фашизму: «…Можно воспитывать людей так, чтобы они боялись фашизма и сумели распознать его, когда он проявится, и выступить на борьбу с ним».

«Не забывайте, ребята, истории…» – так порой говорил мой

отец, обращаясь к молодежи. Мир, за который отдано столько жертв, оказался не навсегда. Бессчетное количество раз уже нашему, послевоенному, поколению выпало сражаться.

В течение последних десяти лет я принимаю участие в деятельности Фонда памяти полководцев Победы, который объединяет потомков – детей, внуков, близких родственников широко известных советских маршалов и генералов, творцов великой Победы. Фонд проводит разностороннюю работу по сохранению памяти и правды о военной истории нашей страны, патриотическому воспитанию молодежи, ознакомлению общества с интересными фактами биографии прославленных защитников Отечества.

Да, советский солдат – главный герой Великой Отечественной войны. Но вели войска в бой полководцы, взявшие на себя колоссальную ответственность за солдат, за страну, за Победу. Большинство из них вышли из глубин нашего народа, и за плечами у каждого к 1941 году уже была война, иногда не одна. Согласно последним данным, около пятисот человек из этой плеяды талантливых и мужественных военачальников – генералов, адмиралов, маршалов – пали на фронтах или скончались от ран и болезней, погибли в плену или уходили из жизни сами, не желая попасть в руки врага, были замучены в концлагерях, стали жертвами репрессий, пропали без вести. Они неотделимы от тех, кого вели в бой, потому что все они «войны шальные дети, и генерал, и рядовой».

И пока живы мы – дети победителей – мы будем делать все, чтобы сохранить ПРАВДУ о войне и о тех, кто очень много сделал для нашей Победы.

Вместе в ветеранами войны, с нашими родителями, дедами, родными и близкими людьми уходит эпоха. Ее влияние на современность еще до конца не познано. Это неудивительно, принимая во внимание космический характер перемен и событий, которые она принесла. Мы ищем национальную идею, обсуждаем проблему своей идентичности. Среди ответов на эти вопросы есть и такой: наша национальная идея – это патриотизм.

Поколение победителей – как называют тех, кто сделал все, что мог, для сохранения Российского государства, – состояло из людей очень разных. Но было одно, что их объединяло, – они были патриотами.

Это то, чем я хочу закончить свое повествование о моем отце – человеке, который сумел стать героем своей эпохи.

Литература

Бакланов А.Г. Самый молодой генерал. М.: Топчу, 2012.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974.

Беребин В.И. Здравствуй, Родина моя. Оренбург: Димур, 2007.

Бивор Э. Сталинград / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1999.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. Институт всеобщей истории РАН. М.: ОЛМА Медиа Груп, 2010.

Верт А. Россия в войне 1941–1945 / Пер. с англ. М.: «рогресс, 1967.

Данилов С.Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). М.: Вече, 2004.

Долматовский Е.А. Было. М.: Советский писатель, 1979.

Дубровина В.И. От Михайловки до Шарлыка. Оренбург: Димур, 1997.

Жадов А.С. Четыре года войны. М.: Вече, 2004.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: АПН, 1978.

Имена Победы. Т. 1 / Авторы– составители Н.Р. Малиновская, Е.В. Юрина. М.: Кучково поле, 2015.

Испанский народ против фашизма (1936–1939 гг.) Сб. статей. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Калужин И.И. Родина и судьба Александра Родимцева. Оренбург: Димур, 2005.

Конев И.С. Записки командующего фронтом 1943–1944. М.: Наука, 1972.

Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. М.: Воениздат, 1983.

Листер Э. Наша война / Пер. с испан. М.: Политиздат, 1969.

Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретно. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

Луиджи Лонго (Галло). Интернациональные бригады в Испании. М.: Военное издательство МО СССР, 1960.

Малай В.В. Гражданская война в Испании (1936–1939). М.: Наука, 2011.

Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с немецкого. М.: АСТ, 1999.

Матюхин Ю.П. Легендарная гвардейская. М.: Патриот, 2010.

Мерецков К.А. На службе народу. М.: Изд-во политической литературы, 1970.

Полководцы Сталинградской битвы / Коллектив авторов. Волгоград: Издатель, 2007.

Конев И.С. Записки командующего фронтом 1943–1944.

М.: Наука, 1972.

Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. М.: Воениздат, 1983.

Листер Э. Наша война / Пер. с испан. М.: Политиздат, 1969.

Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретно. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

Луиджи Лонго (Галло). Интернациональные бригады в Испании. М.: Военное издательство МО СССР, 1960.

Малай В.В. Гражданская война в Испании (1936–1939). М.: Наука, 2011.

Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с немецкого. М.: АСТ, 1999.

Матюхин Ю.П. Легендарная гвардейская. М.: Патриот, 2010.

Мерецков К.А. На службе народу. М.: Изд-во политической литературы, 1970.

Полководцы Сталинградской битвы / Коллектив авторов. Волгоград: Издатель, 2007.

Пушкин А.С. Капитанская дочка. М.: Изд. АН СССР, 1958.

Робертс Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю / Пер. с англ. М.: УРСС, 2003.

Родимцев А.И. Гвардейцы стояли насмерть. М.: Изд-во ДОСААФ, 1969.

Родимцев А.И. Машенька из Мышеловки. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965.

Родимцев А.И. На берегах Мансанареса и Волги. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1966.

Родимцев А.И. Под небом Испании. М.: Советская Россия, 1968.

Родимцев А.И. Твои, отечество, сыновья. Киев: Радянський письменник, 1966.

Российский Государственный архив социально-политической истории.

Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти / Под ред. академика РАН А.О. Чубарьяна, Х. Меллера. М.: ГУАГН-пресс, 2015.

Сталинградская битва. Энциклопедия / Коллектив авторов. Волгоград: Издатель, 2007.

Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. М.: Звонница, 2000.

«У всякого народа есть Родина, но только у нас Россия». Российская Академия наук, Научный совет; «История международных отношений и внешней политики России», АНО «Исполком совета славянских народов». М.: Прометей, 2012.

Хосе Гарсиа. Испания народного фронта. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Хэмингуэй. Э. По ком звонит колокол. М.: АСТ, 2008.

Центральный архив Министерства обороны РФ.

Чуйков В.И. Сражение века. М.: Советская Россия, 1975.

Шолохов М.А. Они сражались за Родину. М.: Изд-во МО СССР, 1973.

Энциклопедия второй мировой войны. Перелом в ходе войны (осень 1942 – осень 1943) / Пер. с англ. ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007.

David T. Cattel. Communism and the Spanish Civil War. New York: Russel & Russel Inc., 1965.

Интернет-ресурс: www.kommersant.ru/doc/463388

Интернет-ресурс: www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/albania.html.

Интернет-ресурс: www/liewar.ru/content/view/221

Приложения

Приложение 1

Боевой приказ штаба 13 гв. стрелковой дивизии от 10.1.1943 (копия) (ЦА МО РФ)

- 1 -

Серия "Г"
Экз. №1

БОЕВОЙ ПРИКАЗ №42 ШТАБ 13 Гв.ОЛСД КП 10.1.43. 17.00
План гор:СТАЛИНГРАД 20900

1. Противник в прежней группировке, находясь в окружении, продолжает упорно обороняться.

2. Дивизия частью сил с 416 батальоном 156 УР продолжает держать занимаемую полосу обороны, остальным составом к 00 11.1.43. сосредотачивается в жел.дор.петле (1 клм.южн. завода КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ) для развития успеха наступлением в вероятных направлениях: 1. жел.дор.петля - выс.107,5; 2. жел.дор.петля - зап. часть стрелковых тиров; 3. жел.дор.петля - МАМАЕВ КУРГАН.

3. 39 Гв.СП с Гв.Отдельным пульбатом и 416 батальоном 156 УР занять и прочно оборонять полосу дивизии. 39 Гв.СП с пульбатом оборонять подразд. УР на участках, ранее занимаемых своими и 42 Гв.СП. участки, ранее обороняемые заградбатом, учбатом и 34 Гв.СП занять и прочно оборонять подразделениям 416 батальона 156 УР. Ответственность за состояние оборонительной полосы дивизии возлагаю на командира 39 Гв.СП гвардии Подполковника САМЧУК.

4. 34 Гв.СП к 5.00 11.1.43. сосредоточиться в жел.дор.петле в районе, ограниченном ул:ХИМИЧЕСКАЯ, начало ул.ПРОМЫСЛОВАЯ, жел.дор.станция с задачей: быть готовым к наступлению и отражению контратак противника в направлениях, указанных для дивизии. КП - мост при пересечении жел.дорог(100 мтр.сев.ж.д.ст.).

5. 42 Гв.СП к 5.00 11.1.43. сосредоточиться в районе ограниченном ул.ПСКОВСКАЯ,(иск:) ул.ПРОМЫСЛОВАЯ с теми же задачами, что и 34 Гв.СП. КП - жел.дор.труба,150 мтр.южн.ВОКЗАЛ.

6. Мой резерв - разведрота и заград.батальон к тому же времени сосредоточиться вост. ул.ПРОМЫСЛОВАЯ.

7. До рассвета 11.1.43. на исходных положениях бойцам с матчастью находиться в укрытиях,

8. Мой КП - берег р.ВОЛГА, вост.жел.дор.петли.

КОМАНДИР 13 Гв.ОЛСД
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (РОДИМЦЕВ)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ДИВИЗИИ
ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИК (БЕЛЬСКИЙ)

п. "9" экз.
р.на подл.

.1.43. п.г.

Приложение 2

Из протокола № 54. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 октября 1937 г., о присвоении звания Героя Советского Союза, в т. ч. А.И. Родимцеву. Подлинник с подписями И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.И. Ежова, Л.М. Кагановича, К.Е. Ворошилова (РГАСПИ)

ЯЯ ОСОБО ВАЖНЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ПРИ
НАРОДНОМ КОМИССАРЕ
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

[illegible] октября 1937 г.
№ 5270 с.

Немедленно

54
СЕКРЕТНО.
Экз. № 1
157

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОСОБЫМ СЕКТОРОМ ЦК ВКП (б)

тов. ПОСКРЕБЫШЕВУ.

По приказанию тов. К.Е. ВОРОШИЛОВА посылаю проекты постановлении ЦИК СССР:

а) о присвоении звания Героя Советского Союза командирам РККА ;

б) о награждении командиров, политработников, инженеров и техников РККА и

в) о награждении работников Оборонной Промышленности.

Фамилии всех этих награждаемых товарищей имеются в утвержденном ПБ списке награждений за работу в "Х".

Тов. ВОРОШИЛОВ просит опубликовать эти награждения завтра 23 октября с.г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Списки в 5-ти экз.

Полковник [illegible] (Ланговой)

[illegible]п. два экз.
[illegible].22.X.37г.

Приложение 2. Продолжение

О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
КОМАНДИРАМ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР.

Центральный Исполнительный Комитет СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленный в этом деле героизм присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА со вручением ОРДЕНА ЛЕНИНА:

1. Капитану ШЕВЦОВУ Петру Федоровичу
2. Старшему лейтенанту РОДИМЦЕВУ Александру Ильичу
3. Младшему командиру НИКОНОВУ Алексею Васильевичу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА СССР - М.КАЛИНИН.

СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА СССР

Москва, Кремль, " " октября 1937 г.

Приложение 2. Окончание

РОДНЫЙ КОМИССАР
ОРОНЫ СОЮЗА ССР

10 октября 1937 г.
№ 5259 сс

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
Экз. № 1

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ.

За самоотверженную боевую работу в "Х" и за участие в операциях по доставке грузов и людей ходатайствую о награждении званием "Герой Советского Союза" и орденами Союза товарищей по прилагаемому списку.

Всего представляется к награждению 346чел.,из которых:

званием Героя Советского Союза	-	8
орденом Ленина	-	36
" "Красное Знамя"	-	211
" "Красная Звезда"	-	74
" "Знак Почета"	-	17

Из этого числа 254 чел.представляются к первому награждению и 92 чел.- ко второму.Большинство,в том числе все намечаемые к вторичному награждению,представляются за личные боевые заслуги в боях в период брунетской (июль-август),арагонской (сентябрь) операций и на Севере.

Считаю совершенно необходимым добавить к списку награждаемых орденом "Красное Знамя" и тов. ШТЕРНА за руководство брунетской и сарагосской операциями и за многократное личное участие в боях,в которых он проявил большое мужество и хладнокровие.

(К.ВОРОШИЛОВ)

шнин-за
ндреев-за
барь-за

2
.37.

Приложение 3

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Родимцева А.И. второй медалью Золотая Звезда Героя Советского Союза (РГАСПИ)

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

О награждении Героев Советского Союза
второй медалью "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА".

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза, - н а г р а д и т ь второй медалью "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА" Героев Советского Союза:

1. Генерал-лейтенанта РОДИМЦЕВА Александра Ильича,
2. Генерал-лейтенанта авиации РЯЗАНОВА Василия Георгиевича,

соорудить бронзовые бюсты и установить их на постаментах на родине награжденных.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР
М. КАЛИНИН

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль
"__" _____ 1945 г.

Приложение 4

Докладная записка военного советника в Албании А.И. Родимцева министру обороны СССР Н.А. Булганину с предложениями о реорганизации албанской армии (РГАСПИ)

Товарищам Маленкову Г.М., Берия Л.П., Молотову, В.М., Хрущеву Н.С., Микояну А.И.

Направляю записку вновь назначенного Военным Советником в Албанию генерала Родимцева. Считаю его соображения в основном правильными.

19/VI.1953г. БУЛГАНИН

Сов.секретно

Экз.№ 3

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

После ознакомления с материалами по организации, дислокации и материально-техническому обеспечению Албанской армии докладываю следующее свое мнение по вопросу повышения обороноспособности Народной Республики Албании.

В результате изучения вопроса, я так понимаю свою задачу: Албанскую армию необходимо сделать подвижной, маневренной и более боеспособной.

В связи с этим считал бы необходимым по прибытии в Албанию обсудить с командованием Албанской армии следующие мероприятия:

I. Имеющееся в составе армии управление горно-стрелкового корпуса - упразднить. Три горно-стрелковые дивизии, ввиду ограниченности их маневра в горных условиях, реорганизовать в отдельные горно-стрелковые бригады, отдельные горно-стрелковые полки и отдельные горно-стрелковые батальоны без кадрированных подразделений.

10 IX 3 -3543сс

Приложение 4. Окончание

2. Дислокацию войск изменить с целью более надежного прикрытия сухопутных и морских границ Албании, в особенности границ с Югославией. Соображения о месте дислокации войск мною будут выработаны после тщательного изучения этого вопроса на месте, совместно с командованием Албанской армии.

3. В связи с тем, что в настоящее время береговая оборона совершенно несостоятельна, считал бы необходимым командировать в Албанию 2-3 человека советских специалистов-моряков для помощи командованию Албанской армии в разработке на месте мероприятий по усилению обороны морского побережья Албании.

4. Разработать мероприятия по подготовке оборонительных рубежей и по устройству инженерных заграждений в основных горных проходах, в ревалах и на морском побережье Албании.

5. В соединениях и частях Албанской армии, до батальона /дивизиона/ включительно, иметь советских офицеров-инструкторов, сохранив аппарат военных советников при Министерстве Народной Обороны и Генеральном Штабе Албанской армии.

Общая численность советнического и инструкторского аппарата при проведении изложенных выше организационных мероприятий составит 125 человек, вместо существующих 25 человек.

Учитывая, что на месте нет возможности получить для советнического аппарата и аппарата Военного атташе необходимые транспортные средства, прошу выделить 10 легковых автомашин, из них 5 шт. "Победа и 5 шт. "ГАЗ-67".

ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ /РОДИНЦЕВ/

"18" июня 1953 года

№1835сс

Иллюстрации

Александр Родимцев – курсант Московской объединённой высшей военной школы им. ВЦИК

Александр Родимцев с женой Екатериной (девушка из его родного села Шарлык), Москва, 1933 г.

Слева направо: начальник штаба 5-го коммунистического полка Л. Иглесиас, командир этого полка (позже 1-й

интернациональной бригады и дивизии) Энрике Листер, капитан Павлито (А. Родимцев) на НП во время боев под Мадридом

А.И. Родимцев (крайний справа) с офицерами республиканской армии, Испания, 1937 г.

1. Герой Советского Союза тов.
Родимцев
Александр Ильич
имеет право, начиная с 1 Ноября 1937 г.
на получение денежного вознаграждения,
а также и на другие льготы и преимущества,
установленные законодательством Союза
Советских Социалистических Республик
для Героев Советского Союза.
бессрочная.
1937 г.
№ 45

Обложка и страница удостоверения Героя Советского Союза № 45, выданного А.И. Родимцеву

А.И. Родимцев – слушатель Военной академии им. Фрунзе. Москва, 1938 г.

Таким встретил Великую Отечественную войну командир 5-й воздушно-десантной бригады полковник А.И Родимцев

Член военного совета 40-й армии бригадный комиссар И.С. Грушецкий вручает А.И. Родимцеву знамя 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Январь 1942 г.

Командный пункт 62-й армии (слева-направо): нач. штаба Н.И. Крылов, командарм В.И. Чуйков, член военного совета К.А. Гуров, командир 13-й гв. стрелковой дивизии А.И. Родимцев. Сталинград, 1942 г.

Генерал-майор А.И. Родимцев – командир 13-й гв. стрелковой дивизии. Сталинград, 1943 г.

А.И. Родимцев беседует с бойцами. Сталинград, 1942 г.

Надписи на «Доме Павлова», оставленные его защитниками. Сталинград, 1943 г.

У входа в блиндаж 13-й гв. стр. дивизии (слева направо): А.И. Родимцев, нач. штаба подполковник Т.В. Бельский, полковой комиссар А.К. Щур. Сталинград, 1943 г.

Слева направо: Член ВС 62-й армии К.А. Гуров, командующий 62-й армией В.И. Чуйков, командующий 64-й армией М.С. Шумилов, командир 13-й гв. стр. дивизии А.И. Родимцев, член ВС Донского фронта А.С. Кириченко, член ВС Сталинградского фронта Н.С. Хрущёв

Генерал-майор А.И. Родимцев командир 32-го гв. стр. корпуса докладывает обстановку представителю Ставки маршалу Г.К. Жукову (на фото справа) и командующему 5-й гв. армии генерал-лейтенанту А.С. Жадову, Курская дуга, 1943 г.

С боевым товарищем генерал-майором Г.В. Баклановым (слева) во время встречи с союзниками на Эльбе. 1945 г.

А.И. Родимцев 1949 г.

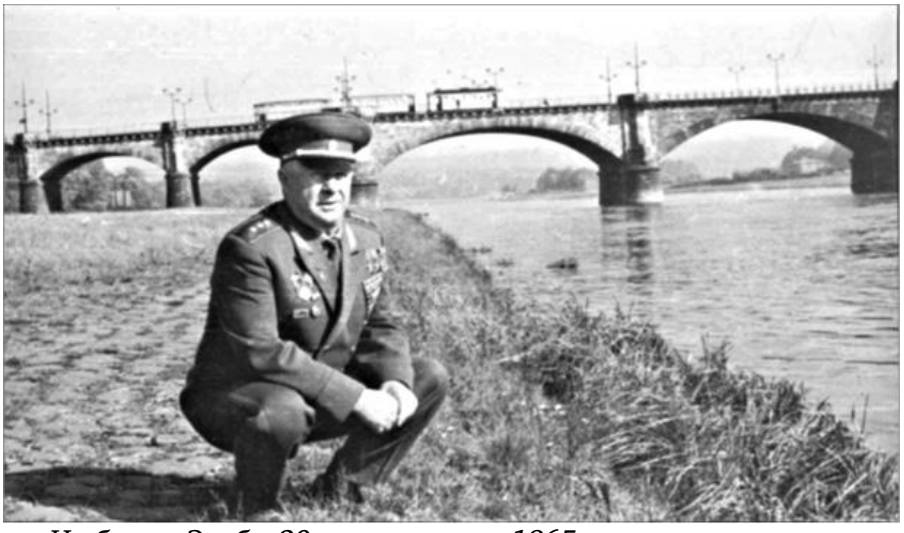
А.И. Родимцев с супругой на отдыхе в Сочи. 1950-е гг.

Первый секретарь Албанской партии труда Э.Ходжа (в центре), министр обороны Албании Б. Балуку (слева) и главный

военный советник А.И. Родимцев. Албания, 1954 г.

Первый зам. командующего войсками Северного военного округа генерал-лейтенант А.И. Родимцев (в центре) беседует с солдатами

А.И. Родимцев с сыном Ильёй. Петрозаводск, 1958 г.



На берегу Эльбы 20 лет спустя… 1965 г.

«Испанская встреча» в редакции газеты «Красная звезда», за столом в центре – Долорес Ибаррури, третий справа – генерал-полковник А.И. Родимцев, третий слева – генерал армии П.И. Батов

Слева направо: Герой Советского Союза Я.Ф. Павлов, генерал-полковник А.И. Родимцев, маршал Советского Союза В.И. Чуйков и главный скульптор мемориала на Мамаевом кургане Е.В. Вучетич. Волгоград, 1967 г.

В 70-летний юбилей в кругу семьи. Слева направо в нижнем ряду – дочь Ирина, жена Екатерина Осиповна, внук Павел, А.И. Родимцев, дочь Наташа. Верхний ряд – внук Александр, сын Илья, невестка Ирина, зять Юрий Матюхин. Москва, 1975 г.

С сыном Ильёй и его женой Ириной, Волгоград, сентябрь 1972 г.

С внучкой Танечкой, Москва, 1974.г.

Дочь автора книги Татьяна с сыновьями Артёмом (стоит в центре) и Сашенькой и мужем Андреем, Москва, 2015 г.